

№ 1 • 1980

РАБОТНИЦА

XI HELSINKI 1952
 IX AMSTERDAM 1928
 VII ANTWERP 1920
 V LONDON 1908
 III ST. LOUIS 1904
 I ATHENS 1896
 XIX MEXICO 1968
 XVIII TOKYO 1964
 XVI MELBOURNE 1956
 XIV GAMES 1948
 XII MÜNCHEN 1972
 X MÜNCHEN 1936
 VIII BERLIN 1936
 VI PARIS 1900
 II PARIS 1900
 1916, 1940-44

XVII ROME 1960
 XX MONTREAL 76
МОСКВА 80

А. ЖАБСКИЙ. ЖИВОЕ СЛОВО ИЛЬИЧА.

Центральный Комитет КПСС призывает коммунистов, комсомольцев, всех советских людей встретить юбилей Владимира Ильича Ленина новыми успехами в борьбе за коммунизм, превратить завершающий год десятой пятилетки в год ударной ленинской работы.

Из Постановления ЦК КПСС «О 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РАБОТНИЦА

Ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный журнал

Основан 8 марта 1914 года

ЯНВАРЬ ● МОСКВА ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ЗДРАВСТВУЙ, ВОСЬМИДЕСЯТЫЙ!

Тому, кто путешествовал в горах, не забыть величественного зрелища, которое предстает перед глазами, когда выходишь на перевал. Нелегким был подъем, и оглянуться окрест некогда было, все внимание занимала дорога, те метры, что преодолевал. И вдруг—вершинная точка. Дух захватывают открывшиеся картины! Неоглядные просторы позади и впереди; подпирающие небо хребты, которые сверкают на солнце заледенелыми пиками, плодородные долины—все видно враз и на многие километры.

Точка-то вершинная, да не последняя, впереди дальнейший путь. Но с этой высоты хорошо посмотреть, много ли прошел, и что за дорога была, и какие еще ждут кручи.

Первый месяц нового года для человека и человечества—тоже своего рода перевал. Прошлое передает эстафету будущему, и мысленным взором мы окидываем то и другое в их нерасторжимом единстве. Подводим итоги, строим планы.

Семидесятые сдают полномочия восьмидесятым. Мы уже привыкли наше движение вперед мерить пятилетиями. 1980-й завершит десятую пятилетку и даст старт одиннадцатой. Что успели мы сделать, каковы достижения, над чем еще предстоит потрудиться?

Скажем сразу: четыре года десятой пятилетки были временем напряженной работы по выполнению решений XXV съезда партии. Росло экономическое и духовное богатство Родины, укреплялась ее обороноспособность.

Впечатляющие факты роста были приведены в обстоятельной речи Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева на ноябрьском (1979 г.) Пленуме Центрального Комитета партии. Смотрите, как далеко мы шагнули вперед. За четыре года десятой пятилетки по сравнению с соответствующим периодом предыдущего пятилетия национальный доход, этот обобщающий показатель подъема экономики, увеличился на 323 миллиарда рублей. Промышленность дала продукции на 600 миллиардов рублей больше. Валовая продукция сельского хозяйства возросла за 4 года более чем на 40 миллиардов рублей. Немало каверз чинила нам природа, устраивала испытания и небывалыми морозами и жестокой засухой. И все-таки собрано в прошлом году 179 миллионов тонн зерна.

В разных концах страны поднялись новые индустриальные гиганты: Саяно-Шушенская и Нурекская гидроэлектростанции, Камский автомобильный завод, корпуса «Атоммаша», Ленинградской, Курской, Чернобыльской и Армянской атомных электростанций, Лисичанского и Павлодарского нефтеперерабатывающих заводов... Около тысячи крупных предприятий сооружено за эти четыре года пятилетки. На Востоке, по новым участкам БАМа, идут поезда. Полторы тысячи километ-

ров железнодорожных путей проложили здесь строители. Вступил в строй главный Каховский магистральный канал. А сколько проложено нефте- и газопроводов, линий ЛЭП!

На основе успехов хозяйственного строительства повысился материальный и культурный уровень жизни народа. Она стала обеспеченнее, удобнее. Огромную сумму, свыше 410 миллиардов рублей, составили общественные фонды потребления. Они пошли на более полное удовлетворение социальных и культурных нужд советских людей, дальнейшее развитие народного образования, здравоохранения, организацию отдыха, выплаты пенсий и стипендий. Больше, чем намечалось, направлено средств на жилищное и социально-культурное строительство. 423 миллиона квадратных метров жилья получили советские люди за эти четыре года. Построено много новых школ, детских садов, больниц, клубов, библиотек. На 13 с лишним процентов выросли реальные доходы на душу населения; на 18 процентов—розничный товароборот; на одну треть увеличился объем бытовых услуг.

Многое сделано. И эти успехи—хорошая основа для решения народнохозяйственных задач 1980 года. Всенародное спасибо сказал Леонид Ильич Брежнев передовикам промышленных предприятий, лучшим труженикам сельского хозяйства, которые внесли свой большой вклад в выполнение планов четырех лет пятилетки.

И все-таки мы не полностью удовлетворены итогами своей работы. На некоторых участках народного хозяйства еще сохраняется напряженность.

Со всей открытостью говорилось на Пленуме ЦК о нерешенных проблемах, о тех направлениях, на которых надо сосредоточить силы и внимание. Программа работы на 1980 год, выработанная на основе решений XXV съезда КПСС и одобренная ноябрьским Пленумом ЦК, утверждена второй сессией Верховного Совета СССР десятого созыва. Планы приняты напряженные. Советские люди горячо, с энтузиазмом принялись за их выполнение. Каждый день газеты сообщают о новых инициативах, дополнительных обязательствах, которые берут на себя трудовые коллективы и передовики производства.

В апреле нынешнего года исполнится 110 лет со дня рождения В. И. Ленина. Партия призывает советских людей отметить этот год ударным трудом, работать по-ленински. Чтобы осуществить намеченное, «нужно создать обстановку творческого отношения к делу на всех участках народного хозяйства, в каждой производственной ячейке»,—сказал на ноябрьском Пленуме ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев. От каждого из нас требуется не просто добросовестная, но инициативная работа, ведь инициатива снизу—«наш ничем не заменимый резерв в ускорении экономического развития».

«НЕ ЗРЯ»

Я спросила одну из героинь этого очерка, Любовь Прохоровну Патрахи́ну, чем отличается ее жизнь в новом, взбудораженном огромной стройкой Тобольске, от той, какая была несколько лет назад, когда город жил спокойно и нешумно. Любовь Прохоровна обещала подумать над таким вопросом и при следующей встрече сказала: появилась несравнимая с прежней ответственность. И она делает полнее и ярче жизнь...

В 1974 году, когда Тобольск отсчитывал последние дни своей «старой зры», Любовь Прохоровна жила уже здесь, работала маляром-штукатуром в хорошей, сильной бригаде. По сравнению с деревней Опеновка, откуда Люба приехала (это в Тюменской области), город казался, конечно, большим, темп жизни его — особенно поначалу — быстрым. Но если быть объективным: какой такой темп в городе, который строит за год одну-две пятиэтажки?

Две другие героини очерка — Люба Страхова и Люба Гашева — в это время учились на первом курсе Казанского строительного техникума, и их мамы радовались, что выпускников, как правило, оставляют в родном городе... Две казанские студентки еще не знали, что именно Тобольск станет их судьбой, их биографией.

С началом строительства крупнейшего в стране нефтехимического комбината жизнь в Тобольске побежала как будто в десять раз быстрее. Это еще не существующее предприятие стало гигантским ускорителем жизни всего города. Для комбината, из-за комбината разворачивалось строительство целого десятка новых предприятий — хлебозавода, заводов железобетонных изделий, бетонного и кирпичного, нового водозабора, очистных сооружений.

Комбинат теперь властно распоряжался жизнью города, и на то были веские причины: строительство его вызвано неотложной необходимостью. В 1978 году Тюмень добыла миллиардную тонну нефти. Известно, что с каждой тонной нефти из земных недр вырывается 60 кубометров попутных газов, ценнейшего природного сырья для производства десятков продуктов нефтехимии. Лишь небольшая часть этих газов перерабатывается на заводах Нижневартовска, а миллионы кубометров и сегодня сгорают в факелах.

Тобольский комбинат строится для переработки этих попутных продуктов нефтедобычи. Чем скорее поднимутся в тайге мощные заводы синтетического каучука, пластмасс, топлив высоких марок, минеральных удобрений, тем скорее погаснут факелы. НХК задуман как мощное, современное, во многом уникальное предприятие, предусматривающее максимальную автоматизацию, эффективную защиту окружающей среды, — ни один кубометр промышленных стоков не будет сброшен в Иртыш.

В город сначала сотнями, потом тысячами начали прибывать строители. Люба Патрахи́на, до того бывшая всего лишь исполнительным, старательным работником, сразу оказалась ветераном среди новичков, знающим тонкости строительства на болотах, при трескучих здежных морозах. Она пять лет работала на строительстве жилья, штукатурила стены, красила их. Работала неспешно, спокойно; от дедов и прадедов, живших в дремотной таежной Опеновке, была, наверное, эта неторопливая повадка.

...И для Патрахи́ной и ее бригады теперь пошла совсем иная жизнь. Строители учились быстрее поворачиваться, всякую крупную ошибку опыта перенимать без промедления и новую технику, к которой прежде относились с провинциальным недоверием, разбирали нарасхват — все эти затирочные машинки и штукатурные станции. Любовь Прохоровна вступила в полосу как бы непрерывного движения: от рядовой работницы до бригадира, от несмелого, неопытного руководителя до одного из известных на стройке людей. Движения к новым уровням мастерства.

Любовь Прохоровна вспоминает то время с непроходящим удивлением: только назначили бригадиром, еще не осмотрелась в новой должности, как присылают несколько новичков на учебу. Одну неделю бригада задания сделать не может, другую... Зарботки падают, настроение тоже. Новенькие, чувствуя, что они всему причиной, совсем заробели.

Нужны высокая дисциплинированность, ответственность на всех участках работы, жесткий контроль за выполнением плановых заданий, принятых решений. Разгильдяйство, расхлябанность недопустимы. Дисциплина и порядок — наши союзники, наш резерв. Особое внимание сосредоточил Пленум на росте производительности труда и качества работы. Говоря о повышении производительности труда, Леонид Ильич Брежнев поставил задачу ускорить механизацию ручного труда — прежде всего тяжелого.

Много внимания на Пленуме было уделено производству в достатке и широком ассортименте продуктов питания высокого качества и бесперебойному снабжению ими населения. Леонид Ильич Брежнев остро поставил вопрос о личной ответственности тех, кто повинен в дефиците некоторых товаров. Государственным планом экономического и социального развития СССР на 1980 год намечено увеличить производство продукции пищевой и мясо-молочной промышленности.

Забота партии и правительства о советских людях проявляется и в том, что повышается заработная плата рабочих и служащих, доходы колхозников. Уже получили новые, более высокие ставки и оклады 31 миллион рабочих и служащих непромышленных отраслей. Дополнительные льготы предоставлены отдельным категориям работников ряда отраслей промышленности, в том числе текстильной. Решено повысить оплату труда работникам сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР.

Оглядываясь на события уходящего 1979-го, советский народ, все прогрессивные люди земли с глубокой благодарностью отмечают титанические усилия нашей Коммунистической партии и нашего государства по укреплению международной разрядки, сокращению вооружений. Исторической мирной инициативой СССР называют всюду предложения, которые высказал товарищ Л. И. Брежнев в Берлине на торжествах по случаю 30-летия ГДР. Решение в одностороннем порядке сократить численность советских войск в Центральной Европе, готовность уменьшить количество ядерных устройств средней дальности приветствуют все люди доброй воли и требуют ответных шагов от западных держав. Но вопреки воле народов заправили Североатлантического блока взяли курс на ускорение гонки вооружений, серьезно осложнили международную обстановку. Решение НАТО о размещении на территории ряда стран Западной Европы новых американских ракет среднего радиуса действия вызвало гневный протест миллионов и миллионов людей на всей планете. Мировлюбивые силы за рубежом активизируют свои действия, чтобы отстоять и упрочить дело мира на земле.

Мы знаем, что Советский Союз вместе с другими социалистическими странами и впредь будет последовательно добиваться разоружения и разрядки напряженности, уменьшения опасности новой войны.

...Намечены основные направления работы. Принят и приобрел силу закона Государственный план экономического и социального развития СССР на 1980 год.

Сплоченные вокруг ленинской партии и ее Центрального Комитета, советские люди не пожалеют сил для его выполнения.

Мы вступили в новый, завершающий этап пятилетки. Уже началась подготовка к очередному, XXVI съезду КПСС.

Здравствуй, год восьмидесятый! Принимай эстафету коммунистического созидания!

В. ФЕДОТОВ.

Старый и новый Тобольск.

СЮДА ПРИЕХАЛИ»

На стройках пятилетки

«День и ночь одно думаю: как из положения выходить?—Это Любовь Прохорова рассказывает.—Пойти к начальству пожаловаться, что много прислали необученных, не могу. Собрала как-то после смены «стариков», и додумались мы новичков прикрепить к самым опытным, с персональной ответственностью наставника. И еще решили, пока выработку до плановой не доведем, оставаться работать вечерами».

Им нельзя было не торопиться: приезжающим на НХК обещали, что не будет здесь ни палаток, ни временок, а будет ждать их жилье в благоустроенных домах. И вообще город должен преобразиться. Люба прочитала, что через десяток лет в Тобольске возникнет совершенно новый общественно-торговый центр. Его украсят Дворец культуры, концертно-танцевальный зал, высотные дома, выставочные залы, Дом книги. Задумано строительство жилых домов по индивидуальным проектам... Центральная магистраль пройдет прямо к Иртышу, перпендикулярно к его царственной, широкой, тоже будущей, набережной. К 1990 году пятидесятитысячный деревянный Тобольск задумано превратить в один из промышленных центров Сибири с населением в двести тысяч. Еще и такая стоит задача: бывшая столица Сибири, видевшая сыльного Радищева, декабристов, давшая миру Менделеева, Алябьева, Ершова, Перова, славная белокаменным кремлем, поставленным еще по приказу Петра I, должна гармонично соединить современность со стариной.

Нет, не могли строители не торопиться, хоть и трудно добивался стабильных результатов коллектив, в который, как в учебный класс, присылали новичков. Сколько их прошло через бригаду, потому что нужно было учить и отдавать другим, учить и отдавать! Сколько их прошло, заброшенных на большую стройку случаем или осознанным выбором, романтических, неумелых, растерянных, старательных...

У Любви Прохоровны нет никаких педагогических приемов, тем более — педагогических секретов. Есть общий ко всем — и прежде всего к себе — подход: требовательная, неподкупная строгость.

...Как-то их пришло в бригаду сразу четверо. Накануне знакомая из отдела кадров сказала: «Ты уж извини, Любовь Прохорова, но таких разбойниц к тебе посылаем...»

— Девочки,—начала Любовь Прохорова знакомство,—для нас бригада — родной дом, и это не для красного словца сказано, увидите сами. У нас все вместе — и работа и отдых. На дни рождения, на выезд в лес — бригадой. В хоре тоже вся бригада поет, по управлению первое место держим. И вас готовы принять, как родных. Но дом у нас строгий. Вы сегодня опоздали — на первый раз прощю, а в следующий раз за пятнадцатиминутное опоздание сниму целый час.

— А если вы сами опоздаете? — спросил кто-то из четырех ехидно.

Любовь Прохорова
Патрахина
с молодыми
отделочницами.

— Так же напишу себе неполный день, сможете в этом убедиться.

В ответе бригадира была доля лукавства, знала, что убедиться девочки не смогут — не опаздывает бригадир, наоборот, за полчаса до смены приходит: посмотреть фронт работ, продумать расстановку звеньев. Бригадир работает за двоих и переживает за всю бригаду — вот что не сразу, конечно, но увидели девочки. И четверке этой тоже помогал, учила.

Бригаде доверяли самые важные объекты — Дом Советов, гостиницу «Сибирь», центральный гастроном, жилые дома, которые росли с поразительной скоростью — едва ли не по микрорайону в год. И, наконец, всем городом нетерпеливо ожидаемое сооружение — вокзал. В свое время Транссибирская магистраль обошла Тобольск, лишив его возможности дальнейшего развития. И все эти годы тоболяки ждали железную дорогу, мечтали о железной дороге, именно с ней связывая надежды на второе рождение. И вот, как говорится в таких случаях, вековая мечта сбылась. Сотни тысяч тонн грузов, которые прежде ждали бы навигации на Иртыше, хлынули в Тобольск по «железке». Могучая техника — «КамАЗы» и «УралАЗы», бульдозеры, самосвалы, панели для жилых домов, оборудование для строящейся больницы, рояли для музыкальной школы, овощи и фрукты.

Но и работая на достойных и важных объектах, женщины с интересом посматривали в сторону тайги, туда, где строители тянули бетонные дороги к объектам, знаменующим начало НХК, в том числе к первому пусковому объекту собственно комбината — товарно-сырьевой базе «Северная», которая сдается в эксплуатацию в последнем году десятой пятилетки.

ТСБ «Северная» — это гигантский склад нефтепродуктов, и основные работы здесь бетонные, монтажные, то есть типично мужские. Но когда блок вспомогательных помещений (строитель немедленно окрестил его «олимпийской деревней») потребовал отделки, туда направили и бригаду Патрахиной.

Они незнакомы — Любовь Прохорова и две другие Любы. Только однажды была встреча: Люба Гашева сидела, расстроенная, в одной из комнат сырой, не отделанной еще «олимпийки», а мимо шла Патрахина — Люба узнала ее сразу, видела портрет на Доске почета.

— Что грустишь, милая? — спросила Любовь Прохорова.

Люба шевельнула рукой, в которой зажат был полутер: вот, мол, не получается работа.

Патрахина взяла инструмент, быстро провела по сырой штукатурке — чудо, как точно рассчитаны наклон и усилие, — и корявый, неподдающийся участок стены выпрямился. Конечно, за один этот показ Люба не научилась отлично штукатурить, но настроение сразу поднялось: еще один хороший человек обнаружился рядом. Правда, одиночества Люба здесь и не ощущала — сорок выпускников из ее техникума попросили направить их на НХК, они рвались на большие стройки Севера, в палатки, к трудностям.

Трудностей хватало с избытком, а палаток не было. Молодых специалистов поселили в благоустроенном доме, по восемь человек в трехкомнатную квартиру, дали красивую мебель. Из восьмерки, куда попали обе Любы, сложилась замечательная коммуна, которая целиком записалась в бригаду отделочников. Правда, сначала пришлось поработать... сучкорубами.

Любы гордятся тем, что именно их бригада готовила площадку для первого пускового объекта — ТСБ «Северной». Валили лес мужчины, а девушки должны были обрубать сучья. По пояс в снегу, в непрерывном движении всю смену. Уставали неслыханно городские девочки, не одну пару валенок прорубили, но трудности эти даже нравилось преодолевать.

С их площадкой не было тогда связи даже по радио (это сейчас рация на каждом объекте); не было дороги, электричества. Многие производственные и иные вопросы приходилось решать самим. Один из них, может быть, самый мелкий, но для рассказа о двух Любах и их товарищах интересный: как быть с крупными елями, которые изредка, но попадают в хилом здешнем лесу? Задание дано ясное — расчистить площадку. Но ведь не вся она сплошь будет застроена и заставлена резервуарами... На свой страх и риск бригада решила самые красивые деревья все-таки оставлять и даже огораживать, чтобы, не дай бог, какой-нибудь лихач-бульдозерист не задел.

Рядом со спасенными елями на ТСБ «Северной» сегодня стоят, сверкая холодной сталью, огромные изотермические хранилища, похожие на убежища каких-нибудь космических прицельцев. Живые, зеленые смоляные ели согревают строго индустриальный пейзаж.

...Когда на ТСБ началось строительство, отделочные работы вела и их бригада. Каждую операцию Любы научились выполнять сами.

И через год с небольшим пришел день, когда девушкам предложено было вспомнить, что они командиры среднего звена.

Сначала мастером назначили Страхову. Ее участком стал ремонтно-механический завод — сложный объект, на котором предусмотрено строительство складов, заводского и административного корпуса.

Люба показывала мне свой объект. Мы шли, с трудом вытаскивая сапоги из вязкой грязи. Здесь бетонка как дорога жизни — в сантиметре уже чавкает алчное болото. Справа от нас громоздилась коробка административного корпуса, слева стояли, попирая коричневые лужи, черные фундаменты будущего склада. Выглядело все внушительно и масштабно, и трудно было мне соотнести размах шедших здесь работ, шум стройки, посверкивание электросварки с беленькой девушкой с острым подбородком, в модной вязаной шапочке и аккуратном ватнике — одним из руководителей объекта. Но Люба чувствовала себя здесь уже уверенно. А потом подвела к самому неказистому зданию: «Это мой первый сданный объект. Трансформаторная подстанция».

Новый мастер должен был сделать подстанцию «от нуля до крыши». Чертежи Люба изучала вечерами в общежитии; десять раз на дню забегала на подстанцию, еще и еще смотрела документацию... Подъезжая утром со смены на автобусе, она находила взглядом серенький домик и любовалась им. Здание росло с положенной скоростью, но это стоило большого напряжения — основные силы строителей были брошены на более солидные объекты.

И вот заказчики приезжают принимать подстанцию. От волнения Люба едва ходит за ними следом. И вдруг один из заказчиков недовольно произносит: «Здесь окно не на месте», — и гневно смотрит на Страхову.

Этого не могло быть — и это случилось. «Тогда я по-настоящему поняла, что такое ответственность», — говорит Люба Страхова. — И испытала такое отчаяние, такую беспомощность! В конце концов оказалось, что ошиблись не строители, а проектировщики. И переделки на их совести. Но все равно было чувство вины перед заказчиками: они надеялись на меня!»

...Люба Гашева сделалась мастером на несколько месяцев позже подруги. Первое время она просыпалась с одной мыслью: если бы можно было сегодня в бригаду, в родную веселую бригаду, где отвечаете только за себя! Она старалась записывать даже самые мелкие дела и все равно что-нибудь да забывала. Однажды, решив, что сварочные работы закончены, распорядилась отдать сварочный аппарат — его ждали на другом участке. Уже машина со сварщиками урчала, заведенная, когда Гашева увидела, что один швеллер оказался несваренным. Как Хасан, бригадир сварщиков, ее ругал! Три дня ругал. Зато теперь все сварочные работы мастер помнит назубок...

«Олимпийская деревня» — Любин первый объект скоро примет обслуживающий персонал ТСБ «Северной». И Люба все реже думает о том, что отвечать только за себя — это и есть счастье.

...Как-то вечером мы ужинали в общежитии, где живут обе Любы. Шестиметровая кухня удивительным образом вмещала красивый коричневый стол и девять едоков: восемь хозяев и одного гостя. Дежурная Валя расставляла тарелки с бараньим супом, кипятила чай в объемистом чайнике и без конца подкладывала на стол то вяленых лещей, то колбасу, то варенье. В тот вечер квартирой было получено три посылки из дома.

Девушки прожили здесь два года, а уже, как подлинныя старожилы, предавались воспоминаниям. Им здорово жилось здесь с первого дня. Дружная работа, первые места в спартакиадах, свадьбы друзей... Мамино варенье располагало к сентиментальности, кто-то вздыхал и смотрел печально. А одна из Люб сказала:

— И все-таки не зря мы сюда приехали!

Самое главное, подумала я тогда, уже зная этих девушек и их работу, самое главное, что и стройка может сказать: не зря вы сюда приехали.

Подруги. Люба Страхова и Люба Гашева дома (верхний снимок). Они же на работе. Фото В. МАРИНЬО.

Константин ВАНШЕНКИН

Верность

Затихли грозные раскаты,
Свершилось мира торжество...
К вдове погибшего комбата
Заехал верный друг его.

Сошел на станции, и, пеший,
Прошел он верст примерно пять.
Не для того, чтобы утешить,—
Чтоб вместе с ней погоревать.

Он на крыльце поставил вещи
И постучал в косяк окна.
Он не знаком был с нею прежде,
Лишь знал: красавица она.

Он красоту ее увидел,
Едва лишь глянул на свету,
И вдруг почти возненавидел
Ее за эту красоту.

Он представлял ее другою:
Жена погибшего, вдова.
А эта может быть вдовою,
Пожалуй, год, от силы — два.

Перенесет она разлуку
И снова жизнь начнет свою.
И он душой страдал за друга
Так, словно сам погиб в бою.

И, словно кто его обидел,
Встав как соперник на пути,
Он всех мужчин возненавидел,
Что могут впредь сюда войти...

...А было в комнате уютно.
Легко текла беседы нить.
И вдруг мучительно и смутно
Не захотелось уходить.

И в то же самое мгновенье
Он ощутил в своей груди
И робость, и благоговенье,
И неизвестность впереди.

Она предстала в новом свете,
Явилась в облике ином...
Уже настал конец беседе,
И рассветало за окном.

Осенний дождь стучал уныло,
О чем-то давнем выводя.
Лишь до порога проводила
Она его из-за дождя.

Он под дождем слегка согнулся,
Пошел, минув мокрый сад.
Сдержался и не оглянулся
На дом, где прежде жил комбат.

Я родился 17 декабря 1925 года, в Москве. Годы детства совпали с первыми пятилетками. Отец мой был инженером, и поэтому мы подолгу жили при заводах в средней полосе России, в Сибири. Маленький городок, рабочий поселок стали позже местом действия многих моих стихов да и прозы.

Поэзию в нашем доме любили. Иногда отец читал вслух Некрасова, который был ему особенно близок. Однажды, когда мне исполнилось лет пять или шесть, мать прочла стихотворение. Там было такое место:

Вспомни, как шумят березы,
А за лесом, у межи,
Ходят медленно и плавно
Золотые волны ржи!

Это четверостишие (в особенности две последние строки) поразило меня красотой, удивительной певучестью и надолго врезалось в душу. С годами, когда я стал интересоваться, чьи это стихи, мать забыла их и не могла ответить на мой вопрос. Уже после войны встретились мне эти стихи у Бунина.

В 1942 году из десятого класса я ушел в армию. Служил в воздушно-десантных войсках. Это было суровое время, но именно оно сформировало мое поколение, сделало нас людьми, армия — это мои университеты. Демобилизовался я в конце 1946 года в звании гвардии сержанта.

Стихи начал писать в детстве. Все это было, конечно, несерьезно, и вскоре я остыл к сочинительству. Снова стал писать неожиданно, уже в конце войны. И с той поры пишу, можно сказать, непрерывно.

После войны поступил в Московский геологоразведочный институт, но проучился в нем только год, не сумев совместить учебу с литературными занятиями.

Первым поэтом, которому я показал свои стихи, был Михаил Васильевич Исаковский, его добрые советы и душевная поддержка сыграли огромную роль в моей

судьбе. Я отважился всерьез заняться стихами и перешел учиться в Литинститут.

Стихи мои впервые были напечатаны в 1948 году, а первая книга «Песня о часовых» вышла спустя три года, тепло встреченная читателями и критикой. Одновременно с ее выходом в журнале «Новый мир» появилось мое стихотворение «Мальчишка», которое неожиданно для автора получило весьма широкую известность. И потом мое имя долго связывалось у читателей да и у критики с этим стихотворением, как через несколько лет стало связываться с песней «Я люблю тебя, Жизнь!». Такое явление, когда имя художника непременно ассоциируется с каким-то определенным произведением, не обязательно лучшим, часто раздражает автора, но, вероятно, в этом есть и своя положительная сторона.

С той поры у меня вышло немало поэтических книг — «Портрет друга», «Волны», «Лирика», «Окна», «Повороты света», «Опыт», «Станция», «Характер», «Дорожный знак» и другие. Некоторые из моих стихотворений, положенные на музыку, стали песнями.

Работаю я и в области прозы. В 1959 году написал первую свою прозаическую вещь «Авдюшин и Егорычев». Затем книгу — «Большие пожары», несколько рассказов и повесть «Графин с петухом». В 1966 году вышла книга о поэзии «Непонятливая Лирика».

Стихи, которые я предлагаю «Работнице», написаны в разные годы.

Московский вечер

Словно пар изо рта —
Так, за выдохом выдох,
Бьет, клубясь, теплота
Из метро — там, где «Выход».

Стужа давит лютей,
Но вокруг павильона
Много ждущих людей,
И весьма оживленно.

Немудряще одет,
На посту своем тихом,
Как солдатик, студент —
По ботинку ботинком.

И — другой уже вид —
В полушубке на страже
Вон мамаша стоит
Или бабушка даже.

Тротуар, белый весь,
Сплошь накатанный гладко.
И с мороженым здесь
Непрененно палатка.

И иной на бегу,
Рад отважной забаве —
Отвортит фольгу
И кусает зубами.

Легкость лисьей дохи.
Детских санок полозья.
Молодые духи
На московском морозе.

И скажу, что опять,
Хоть и стал не моложе,
У метро постоять
Мне случается тоже.

Женщина

В горле внезапный ком,
Трепетной жизни сила, —
Что-то одним толчком
Женщину разбудило.

Этот короткий спазм
Вроде того набата,
Что вас от смерти спас
Давней порой когда-то.

Этот отход от сна
Служит особой цели.
Приподнялась она,
Села на край постели.

Наши с тобою сны
Ярки или убоги, —
В женщине сведены
Мира всего тревоги.

Тяжко груженный бот,
Мерно плывущий ночью.
Страхов, любви, забот
В женщине средоточье.

Оборотась к окну,
Эта или другая
Слушают тишину,
Света не зажигая.

Женский голос

Вздрыгнув, поднялся со стула,
Чудом лишь только храним,
Так по душе полоснуло
Голосом женским грудным.

Хоть он и рядом был где-то,
Не различались слова,
Лишь интонация эта
Из глубины естества.

Может, пустячное дело
Вызвало к жизни его, —
Сердце уже не хотело
Прочего знать ничего.

Молодые

Они гнездо свое лепили,
Усердно строили жильё,
Но главным образом любили —
Она его, а он ее.

В бараке жили, а не в храме
И привыкали к мелочам,
Порою ссорясь вечерами
И примиряясь по ночам.

НУЖНА МЕХАНИЗАЦИЯ!

Открытое письмо кондопожских бумажниц

Дорогая «Работница»!

Мы очень хотим, чтобы это письмо-просьбу прочли руководители нашей отрасли и люди, которые разрабатывают, конструируют и делают машины для нас, работниц целлюлозно-бумажной промышленности.

Что заставило нас написать? Ответим прямо — большое количество ручного труда в нашем цехе. Многих это удивит. Ведь все знают, что современное бумагоделательное производство невозможно без совершенной техники. Верно. Но мы работаем в цехе газетно-листовых бумаг, где бумагу не делают, а режут на листы формата многотиражных газет и листы для пишущих машинок. Трудятся у нас в основном женщины. Несколько работниц заняты у резательного станка, остальные — сортировщицы и упаковщицы. Бумагу, которую нарезал станок, нужно просмотреть (нет ли брака, мятых или рваных листов), упаковать пачку, завернуть ее и отправить на склад. Казалось бы, какая тут сложность? Но ведь пачка — это 15 килограммов. За одну смену каждая из нас пакует 250—300 таких пачек. Мы переносим их со стола на весы, с весов — на упаковочный стол, а затем — никто не подсчитывал сколько раз — поворачиваем, подтягиваем, поднимаем эту пачку, пока не «запеленаем» ее, не приклеим конец упаковочной бумаги, не заделаем торцы. Так же режется и упаковывается бумага для пишущих машинок. Пачки, правда, здесь меньше, но их очень много, труд монотонный и утомительный. Удивительно ли, что в цехе не хватает людей. Работницы идут к нам с неохотой. Молодые, немного поработав, стремятся уволиться.

Не можем мы умолчать и об участке погрузки. Женщины-грузчицы поднимают рулоны наверх, чтобы плотнее, до крыши заполнить вагон продукцией, непрерывно поступающей из нашего цеха по транспортеру.

Наши беды, конечно же, волнуют комбинат. Инженеры отдела НОТ буквально не уходят из цеха. Уже больше года действует специальное устройство для заготовки листов упаковочной бумаги (раньше мы вручную сматывали бумагу для упаковки). Готовые пачки отвозят электрокары. Внедряются горячие прессы, которые завершают упаковку рулона, и он идет дальше уже по конвейерной ленте. На резательном станке рационализаторы отлаживают электронно-механическое устройство, а попросту счетчик, который автоматически отсчитывает листы и тем самым освобождает нас от взвешивания бумаги, от лишней переноски.

Однако это все — полумеры. Ручных операций еще гораздо больше, чем механизированных. Нам необходимы технологические линии на участках сортировки, упаковки и транспортировки продукции.

Можно ли приспособить линии, которые, как нам рассказывали, есть на предприятиях других отраслей? Или нужно создавать новые? Это решать вам, товарищи инженеры, но решать надо побыстрее, такие линии крайне необходимы. Они сделают наш труд легче и радостней, а работу — более производительной и результативной. Без ложной скромности скажем: мы очень стараемся. Понимаем, как нужна бумага. Знаем, что нашу продукцию ждут. Тяжело признаться на всю страну, но цех наш не выполняет план, потому что план этот не рассчитан на ручной труд.

Не можем понять, почему Ленинградский государственный институт по проектированию предприятий целлюлозно-бумажной промышленности (Гипробум) мог выпустить проект цеха, в котором самые основные процессы остались немеханизированными. Не меньше удивляет, как такой допотопный, с расчетом на ручной труд проект мог быть утвержден Министерством целлюлозно-бумажной промышленности СССР. И утвержден в 1978 году, когда шел Всесоюзный смотр условий труда, быта и отдыха женщин.

Мы, 192 кондопожские работницы, надеемся все-таки, что проектные организации и наше министерство изменят к лучшему условия нашего труда. А мы в ответ будем работать с полной отдачей, положим все силы на выполнение государственного плана.

Работницы цеха газетно-листовых бумаг Кондопожского ЦБК

От редакции:

Журнал «Работница» поддерживает законные требования кондопожских бумажниц.

Надеемся, что Министерство целлюлозно-бумажной промышленности СССР внимательно рассмотрит письмо работниц и примет меры по механизации их труда.

Собираясь ясным осенним утром на съезд женщин Красноярского края, Мария Петровна Соловьева, заведующая Октябрьским районом, захватила с собой стопку тетрадных листков. И вот, пока оживленные, нарядные делегатки заполняют такой же празднично нарядный зал Дома политического просвещения, мы сидим с ней в холле и читаем ребячьи откровения.

«Я хочу быть токарем. Токарь — он как волшебник. Берешь кусок железа, поворожишь над ним на станке — и получаешь деталь. А потом из деталей собирают сложные машины. Конечно, мы пока делаем простые детали, но нам объяснили, что без них комбайн «Сибиряк» не заработает».

Володя Кабанов, 8 «А».

«Мне кажется, что нет профессии лучше, чем швея. Ведь одежда не только защищает от холода или от жары — нет, она создает настроение человеку. А когда настроение хорошее, каждому работаете лучше, и пользы такой человек принесет много. Сейчас мы шьем маленькие платица, в которые на фабрике «Сибирская игрушка» одевают кукол. Но наш преподаватель В. П. Тютина говорит, что такие миниатюрные вещи шить даже труднее. И все-таки я мечтаю встретить женщину, которая идет в платье, сшитом моими руками».

Марина Цигельская, 10 «А».

«Я буду столяром. Это профессия, очень нужная стране и народу. Она требует терпения, умных рук. А еще она пахнет деревом».

Володя Сметанюк, 8 «В».

Листков было много, и в каждом — «я делаю нужное дело», «моей работы ждут». Их писали питомцы 86-й школы Красноярска.

Я не случайно начала рассказ о Третьем съезде женщин Красноярского края с этих сочинений школьников. Ведь одна из главных

РАСТИМ

проблем, которые обсуждали сибирячки, — повышение роли женщин в воспитании подрастающего поколения.

Мы помним, как мечтал В. И. Ленин втянуть женщину в общественно-производительный труд, вырвать ее из «домашнего рабства»...

— И сегодня, — сказал, открывая съезд, первый секретарь Красноярского краевого комитета КПСС П. С. Федирко, — наверное, нет ни одной отрасли народного хозяйства, где бы не нашли применения умелые руки женщин, их пылкий ум, хозяйский глаз, отзывчивое, доброе сердце... Невозможно перечислить всего, что умеют наши женщины. А умеют они не только хорошо, самоотверженно работать, но и воспитывать детей, заботиться о близких, строить крепкую советскую семью...

Об этом говорилось и в докладе председателя краевого совета женщин директора Красноярского шелкового комбината Н. Д. Озеровой и в выступлениях делегатов.

Богатейший край, простирающийся почти на 3000 километров от берегов Северного Ледовитого океана до горных высот Саян, напоминает гигантскую стройку. Крупнейший в стране, первая в мире... Так можно говорить и о Канско-Ачинском топливно-энергетическом комплексе, уже в недалеком будущем призванном стать мощнейшей базой производства не только электроэнергии, но и синтетического жидкого топлива, газа, разнообразных химических продуктов, и о Саяно-Шушенской ГЭС, чуде мировой гидроэнергетики, и о таких гигантах, как Надеждинский металлургический завод и Красноярский завод тяжелых экскаваторов.

В сфере материального производства края занято около полумиллиона женщин, более 150 тысяч работают в науке, просвещении, здравоохранении и искусстве. Плечом к плечу с мужчинами женщины ударно трудятся на заводах и стройках, добывают пушнину в тундре, водят отары по степям Хакасии. Они активно включились в соревнование по досрочному завершению десятой пятилетки, готовятся достойно встретить 110-ю годовщину со дня рождения В. И. Ленина.

На съезде назывались имена тех, кто составляет гордость края, кто ценной инициативой, передовым начинанием прокладывает дорогу новому.

Александра Ионова — фильтровальщица Ачинского глиноземного комбината, член комитета комсомола цеха гидрохимии. Надё было слышать, как говорила она о своей профессии, о товарищах по работе: «Из нашей руды рождается «крылатый» металл — алюминий. Невзрачный камень, а как подумаешь, что без него небо не достанешь, еще больше гордишься людьми, которые его добывают». Саше всего 26 лет, а ей уже оказано огромное доверие — она депутат Верховного Совета СССР.

Они встретились на съезде. Слева направо: лауреат премии Ленинского комсомола работница Красноярского завода медпрепаратов О. В. Прокочик, Герой Социалистического Труда крутильщица завода химического волокна Н. Ф. Буракова, работница судоремзавода М. П. Худзюкова, заведующая детским садом Г. Ф. Парфенова, работница цементного завода Н. Н. Стеклова, Герой Социалистического Труда, заслуженный учитель РСФСР К. А. Миксон.

Фото А. ГОРЕЛОВА

Валентина Дмитриевна Лямкина, ткачиха Черногорского камвольного комбината, Герой Социалистического Труда, тоже депутат Верховного Совета СССР. Она стала инициатором соревнования под девизом «Две пятилетки — в одну». Свои обязательства рассчитывает выполнять досрочно, причем продукцию выпускает высшего качества.

Восемнадцать лет трудится на сооружении гидростанций электросварщица, кавалер орденов «Знак Почета» и Трудовой Славы III степени Раиса Михайловна Куклина. Сегодня она — на строительстве Саяно-Шушенской ГЭС.

— Лицо города Саяногорска определяет молодежь, и создается он руками молодых, — заявила на съезде Раиса Михайловна. — Приходят юноши и девушки на стройку, и я стараюсь раскрыть им секреты мастерства, потому что в них вижу продолжателей традиций нашего рабочего коллектива.

Наша общая задача, подчеркивалось на съезде, — вырастить из

трудолюбивых и предприимчивых работников. Правда, не раз пришлось обращаться к руководителям комбайнового, авторемонтного заводов, фабрики «Сибирская игрушка» с просьбой дать школе посильный производственный заказ. Некоторые смотрели на затею с недоверием. Но уже первая партия «рыбок» и «ежиков», сделанных руками ребят, получила хорошие отзывы, чем у работниц «Сибирской игрушки». И тогда фабрика заключила договор со школой о сотрудничестве, помогла оборудовать швейную мастерскую.

Вскоре и другие предприятия выделили школе станки, прислали мастеров-наставников. Для каждой возрастной группы ученые предложили свою меру труда и учебы. Ребята перестали на уроках труда клеить никому не нужные коробочки, вытачивать болты, которые потом отправлялись в металлолом. Сегодня школа сотрудничает с пятью промышленными предприятиями и выпускает в год изделия 25 наименований на сумму 12 тысяч рублей. Теперь ребята твердо знают:

НАСЛЕДНИКОВ

Съезд женщин Красноярского края обсуждает проблемы воспитания юной смены

каждого молодого человека борца, а не приспособленца, идейного, принципиального гражданина, коллективиста, а не обывателя, озабоченного только личным преуспеянием.

— Даже самый благополучный ребенок требует много сил от матери, — считает заслуженный учитель РСФСР из города Назарова Антонина Иннокентьевна Власихина, — силы духа, силы разума. Чтобы не раствориться в своей любви к ребенку, не остаться при нем слишком долго нянькой и кормилицей, а сделаться наставницей и настоящим другом.

Первые представления о мире закладываются у подрастающего человека в семье. Чем живет дом? Какая система ценностей принята в нем? Что отвергается, а что одобряется? Все это составляет нравственный климат семьи. Значит, мы, взрослые, должны жить честно, чисто и строго. Тогда и дети наши будут расти духовно богатыми, с активным неприятием мещанско-потребительского образа жизни.

С одобрением мы понимаем слушали собравшиеся выступление намотчицы Красноярского завода телевизоров, матери-героини Татьяны Тимофеевны Лебнович.

— Я мать одиннадцати детей, — гордо сказала она. — Оставлю после себя одиннадцать тружеников, одиннадцать граждан нашей прекрасной Родины. Дети мои дружные, добрые, трудолюбивые. Не скажу, что легко их растить, но нам с мужем помогает государство.

И кто бы ни поднимался на трибуну, все обязательно говорили о счастье материнства в стране, где заботу о здоровье детей, их образовании, формировании личности делит с семьей государство.

Шестидесять лет назад в Красноярском крае было лишь два частных детских сада, а сейчас почти две тысячи детских садов и яслей, где 14 тысяч воспитателей пестуют 200 тысяч малышей. Созданы все условия для того, чтобы каждый юноша и девушка получили среднее образование.

Нашим детям не приходится самой дорогой ценой — ценой своего детства — зарабатывать на хлеб, но вкус к труду надо прививать с малых лет. На съезде говорили об интересном опыте 86-й школы Красноярска (с отрывков из сочинений ее питомцев мы начали свой рассказ). Здесь уже с 4-го класса все дети участвуют в производственном труде.

Мне довелось побывать в этой школе. Вместе с директором, заслуженным учителем РСФСР Михаилом Филипповичем Стригиным мы ходили по мастерским: механической, столярной, швейной. Все тут настоящее: станочный парк, инструмент и сама продукция. Ребята работали сосредоточенно, чувствовалось, что им нравится серьезное дело, требующее умения.

А началось все четыре года назад, когда Стригин горячо откликнулся на предложение НИИ трудового воспитания АПН СССР вести

их продукцию ждут на заводах, от их работы зависит выполнение государственного плана. И это изменило отношение к урокам труда, от них теперь не отлынивают. Более того, между классами идет социалистическое соревнование, где учитываются и выполнение норм выработки, и качество продукции, и бережное отношение к инструменту, материалу. Учитываются и попытки ребят внести усовершенствование, рационализацию в производственный процесс. Надо ли говорить, как высока в глазах ребят победа в таком соревновании!

День за днем копится мастерство, выковываются черточки рабочего характера. Определяются и жизненные планы. Из последних выпусков 86-й школы немало ребят стали квалифицированными станочниками. Двести девушек, что шили платья для кукол, отлично работают сегодня на швейных и трикотажных фабриках, в ателье, в Доме быта.

На съезде отмечалось с удовлетворением, что почти половина выпускников школ края начинает трудовую биографию на заводах, стройках, в колхозах. Широко подхвачены здесь основы трудовых объединений старшекласников: «Из школьного — в рабочий класс», «Всей бригадой — на стройплощадку». Ударно трудятся, к примеру, на строительстве Саяно-Шушенской ГЭС выпускники школы из Лесосибирска, приехавшие сюда два года назад.

Но, конечно, тончайшее умение разбираться в каком-то деле нельзя вручить вместе с аттестатом зрелости или дипломом. Вчерашнему школьнику или учащемуся ПТУ на первых порах очень нужна поддержка старших коллег-наставников. И трудно переоценить в таком деле роль женщины с ее чуткостью и вниманием, с ее особым, материнским отношением к молодым людям, вступающим в жизнь. Сегодня 25 тысяч квалифицированных производственниц, уважаемых людей передают молодежи свой трудовой и жизненный опыт.

Да, в целом наша молодежь трудолюбива, хорошо воспитана. Однако если речь идет даже об одной исковерканной, неправильно сложившейся судьбе, нужно бить тревогу. На съезде прозвучала озабоченность тем, что в сложном и многотрудном деле воспитания есть еще и немало просчетов. К сожалению, у отдельных юношей и девушек наблюдаются иждивенчество, стремление жить, как говорится, в долг. Беспокоит, что на иных оказывают влияние уродливые манеры и вкусы сверстников с Запада. Борьба с этими явлениями должна быть непримиримой и упорной.

Мы растим наследников. Мечта каждой матери, каждого отца — передать все завоеванное в борьбе и труде в крепкие, надежные руки.

Съезд принял обращение ко всем женщинам края, призвал их еще более заботливо, мудро вести новые поколения в большую жизнь.

В. БАШАРИНА

г. Красноярск.

Среди передовиков социалистического соревнования, удостоенных Государственных премий СССР 1979 года,—тридцать женщин. Разные у них профессии—сборщицы часов и строительницы, ткачихи и прядильщицы, операторы машинного доения и овощеводы. Объединяет их одно—умение трудиться отлично, с высокой эффективностью, с отличным качеством.

«Работница» от души поздравляет всех лауреатов с высоким званием, желает им дальнейших успехов!

Сегодня мы знакомим наших читателей с двумя лауреатами-москвичками.

НАДЕЖНОСТЬ

— Вот видите этот зазорчик?—спрашивает Анна Павловна Печникова.

Но сколько я ни вглядываюсь в соединение двух деталей на панели реле, никакого зазора не вижу, даже крошечной щелки на просвет и то не заметно.

— Ну, как же,—удивляется Анна Павловна,—между якорем и сердечником! От этого зазорчика все зависит: не довернешь—и цепь электрическая не замкнется когда надо, прибор не сработает.

Голос у Анны Павловны негромкий, мягкий, и когда она говорит о своей работе, даже слова, обозначающие суровые железные предметы, получают у нее уменьшительно-ласкательные суффиксы и выходят какими-то домашними, похожими на нее саму—«ззорчик», «винтик», «деталюшечка»... Невысокая, женственная, с кружевным воротничком на халате—кажется, именно к ней доверчиво тянут зеленые листья растения, которых так много в тринадцатом сборочном цехе Московского завода автотракторного электрооборудования № 1. Сборочный—выпускной цех, лицо завода. Плывут по транспортеру приборы—от операции к операции, из рук в руки; то тревожно, то успокаивающе взмахивают крылом контрольные стрелки испытательных стендов. Ярко горит световое табло часового графика: «Надо сделать за смену—450 приборов, за час—54. Сделано в первый час—54, во второй—54, в третий пока—48...»

На стене цеха рядом с Доской почета яркая «Молния-телеграмма»: «Поздравляем регулировщицу Анну Павловну Печникову с присуждением ей Государственной премии СССР».

«За выдающиеся достижения в труде»—сказано в постановлении. В чем же они, эти достижения?

— Если б надо было одним словом определить, что отличает работу Печниковой,—говорит начальник цеха Нина Николаевна Морозова,—я бы выбрала такое: надежность. Есть у нас, приборостроителей, понятие—надежность приборов. Значит, не подведут наши приборы в работе, не допустят перегрева электрооборудования, не выйдут из строя до срока. Залог надежности приборов в надежности таких мастеров, как Анна Павловна. Брака у нее не бывает. Многим могут вернуть приборы с контроля, Печниковой—никогда.

А регулировка—такая операция, где никакая автоматика, механизация не помогают,—продолжает Нина Николаевна.—Все зависит от чуткости рук работницы, ее сноровки, опыта, интуиции. Но и этого мало. Регулировка требует усидчивости, концентрации внимания, собранности. Все эти качества трудно держать на высшей точке накала постоянно. Но Печникова держит. А между тем она у нас председатель цехкома. Иной раз и час, и два выпадут на общественные дела из рабочего времени. А план с нее никто не снимает. Как тут быть?

НАГРАДА БРИГАДИРУ

Цветы, улыбки, добрые пожелания—так поздравляли товарищи по работе Марию Николаевну Мохову, литейщицу Лобненского завода строительного фарфора, с высоким званием лауреата Государственной премии.

Завод строительного фарфора. Несколько необычное название, не правда ли? А между тем каждый из нас сталкивается с продукцией таких предприятий. Миллионы новоселов въезжают в новые квартиры, и здесь обязательно есть строительный фарфор—сияющие белозубой раковины, другое санитарно-техническое оборудование. Четырнадцать лет работает на заводе Мария Николаевна. Сейчас она бригадир литейщиков. Бригада Моховой не один год носит звание коллектива коммунистического труда. Она досрочно выполнила пятилетнее задание, а до конца пятилетки решила выпустить сверх плана более 22 тысяч санитарно-строительных изделий. А это значит, что каждый день нужно выполнять сменное задание на

120—130 процентов. Такие высокие показатели давно стали нормой в бригаде М. Н. Моховой. Мария Николаевна первая освоила все операции по отливке изделий и, как настоящий бригадир, увлекла своим примером остальных. Продукцию она всегда сдает с первого предъявления.

Издавна говорят: учитель славен своими учениками. Их у Марии Николаевны больше восьмидесяти. Многие работают на этом же заводе, давно стали признанными мастерами своего дела.

Звание лауреата Государственной премии—награда бригадира Моховой. Высокая и заслуженная награда.

г. Лобня,
Московской обл.

В. МАРИНЬО.
Фото автора.

На снимке: лауреат Государственной премии СССР М. Н. Мохова.

Лауреат Государственной премии СССР А. П. Печникова.

Фото Н. МАТОРИНА.

Иная регулировщица с места за день не сойдет и еле-еле уложится. А Анна Павловна и два часа наверстают, и качество безукоризненное даст.

В первый раз я знакомлюсь с Анной Павловной у испытательного стенда. Она подсоединяет приборы, вглядывается в шкалу, улыбается удовлетворенно—годен, годен, годен.

— Вообще-то электрическая регулировка—не мое рабочее место,—объясняет Анна Павловна.—Работница заболела, и меня поставили сюда—я же все операции знаю, могу заменить любого на конвейере. А моя операция другая, тоже регулировка, но механическая. Сейчас я вам про свою работу расскажу, только инструмент возьму.

Она говорит «расскажу», а между тем приносит и раскрывает деревянный пенальчик, из которого извлекает один за другим тоненькие металлические пластинки—щупы. Руки ее в иной момент красноречивее слов. Маленькие, ловкие, каждый палец знает, что называется, свой маневр. Должно быть, вот так же—не столько словами, сколько точным языком жеста—учит она своих подопечных, и поэтому они успевают у нее перенять больше, чем у других.

— Знаете, я уже порой на прибор не смотрю, рука сама чувствует, какой щуп взять, на сколько оборотов винтик подвернуть... Помню, было у нас соревнование на звание «Мастер—золотые руки», я тогда лет пять всего проработала, а всех обогнала—и по качеству и по количеству. Даже неловко было. Другие постарше, поопытней. Но с той поры я свои руки никогда не роняю. Раз уж назвали—золотые, неужто можно схалтурить, кое-как сделать?

Над конвейером, где работает Анна Павловна, через весь цех огромный лозунг «Сквозному соревнованию—зеленую улицу!».

— Сквозное соревнование—наш самый главный помощник,—объясняет Анна Павловна.—Это соревнование смежников, тех, кто связан одной технологической цепочкой. Мы—цех сборочный, выпускной. К нам сходятся все нити. И если где-то затор, каких-то деталей недодали или качество недосмотрели—все это сразу сказывается на нашей работе. Срывается график, мы не выпускаем готовые приборы. Почувяв приближение беды, срочно бьем тревогу. Я, как председатель цехкома, связываюсь с предцехкома того участка, который нас держит. Вызываем их представителей

к нам на рабочее собрание: пусть послушают, что о них смежники говорят. Вот недавно прессовый цех вызывали. Помогло больше, чем административный разнос на планерке: выправили положение прессовщицы, дали детали.

Девиз этого соревнования для всех цехов один: «Четкий ритм, отличное качество с минимальными трудовыми и материальными затратами». Вообще скажу, не хвалясь, соревнование в нашем цехе—живое дело. Чтобы обязательства под копирку писать, да с потолка цифры брать—такого у нас не водится. У каждой работницы есть личный план-обязательство, и прежде чем его принять, целое обсуждение происходит: мастер, профорг, цеховой экономист вместе с работницей все просчитывают, чтоб было и посильно и, конечно, напряженно. А заниженные обязательства брать—это ж перед товарищами стыдно. Большинство у нас с личными планами справляются. Десять человек уже пятилетку выполнили, пятьдесят пять—и я в их числе—обязались закончить ее к 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Думаю, сдержим слово.

А. ЛЕВИНА

Зима в Карпатах. Фотоэтиюд В. Иванова.

Тропинка

Инесса ИЛМЕР

Тропинка белая, лесная...
Все вновь в первый день в году!
Ты заведешь, куда не знаю,
И я дойду иль не дойду?

Ты уведи от всех печалей,
И от тоски, и от беды,
И снегом царственно-венчальным
Пусть занесет мои следы.

Мне непогода не помеха,
Я не о том сейчас пою,
Печаль осядет белым снегом,
А радость в сердце затаю.

Начало всякое с заминкой,
Попытка первая слаба,
Сначала думаешь — тропинка,
Потом — дорога и судьба.

МЕТРО. БАГУЛЬНИК.

Рассказ

Она ступила на бегущую из-под ног ленту эскалатора, как в живой поток с неподвижного берега, и ее понесло, как в потоке. А Иван остался с приветственно поднятой рукой. Когда, утвердившись на ступеньке, она оглянулась, его уже не было видно из-за людей, сразу плотной массой сомкнувшихся за нею. Показалось, что над головами, высоко, еще мелькнула его ладонь. Белым голубем. Крылом его. Может, он еще стоит там? И те, что поднимаются, увидят сначала его ладонь, обращенную к ним в щедром жесте, потом всю руку, потом и голову в черном меховом картузе с блестящими мелкими завитками и благородное лицо с благожелательной, утешающей улыбкой.

Она стояла выпрямившись, не держась за поручень, вслушиваясь всем телом в это плавное, механическое движение, несшее ее вниз. Все-таки движение.

Плывут на встречном эскалаторе лица, и лучше не всматриваться в них. А то ненароком поймает свое отражение, когда чужое, равнодушное, слепое лицо вдруг дрогнет, некая искра словно бы осветит его—недоумение, интерес: а что бы это значило?—или просто сожаление, и редко—ответная боль. Это все отражения ее наплаканного лица. Она даже чуть улыбнулась, представив, какой ее видят встречные люди, и ощутила отчетную неподатливость щек и губ, сопротивляющихся улыбке.

«А Иван-то как статуя застыл»,—опять вспомнила она.

Улыбка теперь вышла шире, и в светлой щелке глаз меж напухших век блеснул зелененько малый лучик.

Суховатый—с душком железа, керосинца, шпаловой пропитки, лака—ветерок метро сушил лицо, и слезы выжимал иные, без соли и укуса: просто слезы, чтоб не резало глаза. Люди, спешащие вниз, задевали ее плечами, сумками, и она чувствовала с отрадой эти толчки, они возвращали ощущение собственно тела, плечи напрягались, ноги пружинили, сопротивляясь ударам, стремясь устоять.

Оказывается, была она не пустым местом, сама занимала какое-то пространство, мешала

другим. Хорошо, что она поехала к Ивану и Ленке. Заставила себя выйти из дому, из проклятых этих пустых, голых стен. Там пустота от пола и до потолка, от стены до стены. Пустота всюду, куда б она ни зашла: в любую из трех комнат, на кухню ли, в просторный ли коридор. Только дети умели прогнать пустоту. Но они инстинктивно сторонились матери: наверное, ее ласки излучали горечь, а глаза пугали. Наверное, из глаз ее тоже смотрела пустота. Поэтому дети избегали ее взгляда. А может, они чувствовали, что ей больно, и им было стыдно за свое бессилие: не знали, как ей помочь.

И все-таки помогали. Пока они не спали, она старалась быть возле них. И даже свою работу, требующую сосредоточенности, делала за одним столом с сыновьями, когда они учили уроки или рисовали. Пустота боялась детей, но стоило оказаться одной, набрасывалась на нее, окружая плотной, тягучей наволочью, мгновенно лишая сил, проникая в грудь, под сердце, и оно замирало в томительном падении в бездну—в пустоту. Так бывает на качелях, но там—это сладостный миг ужаса, как раз потому, что миг, а здесь сердце тосковало и маялось, предчувствуя бесконечность этого падения в пустоту, пустоту, пустоту...

Так открылся ей смысл одного проклятия: «Чтоб пусто было!»—так бывало приговаривала бабушка, гоняя кур с огорода или досадуя на сбежавшее в печи молоко... Такие безобидные в устах ее доброй бабушки слова казались тогда вовсе лишены смысла.

Потом в сказках встречалось: колдуны злые бормотали: «Пусто вам! Пусто вам! Пусто вам!» Становилось жутко, хоть и непонятно: от чего жуть? Пусто ведь...

И в голову не приходило, что и бабушкино смешное ворчанье—из тех, колдовских заклятий...

Ненасытная пустота тянет, сосет из нее все силы. К утру, не забывшись сном ни на минуту, она не может шевельнуть и пальцем. От кистей рук к плечам бегут колючие мурашки, вызывая озноб, ноги деревенеют. Будто засыпана толстым слоем песка, раздавлена тяжелой мертвой силой. Оказалось: душевная боль—это и просто боль, болезнь, немощь тела...

Ну, нет! Она рывком скатывалась на пол с низкой тахты, держась за стулья, стены, тащи-

лась в душ. Горячая вода спасала. Разгоняла кровь.

Если бы она работала, ходила на службу, как все, как раньше. Наверное, все бы шло иначе, не так. Может, и хуже, но не так. Хуже, чем сейчас? Скажет же... Все оборвано, отрезано: старые друзья, работа, привычные уютные улицы их старого города—все позади... Будто кто-то нарочно, с тайным злорадством, высадил ее, как подопытного кролика, в эту совершенную пустоту, лишив сразу прежнего обжитого мира, чтобы ничто не отвлекало ее внимания от фантастической картины превращений, происходящих с ним, ее любимым. И с ней самой.

Дети спали в соседней комнате... Черным холодом дышали незашторенные, неутепленные окна. Огромные, как паруса, стекла не замерзали. Город тяжело ворочался, по ночному глухо гудел там, за каналом, далеко от их района-новостройки. Она прислушивалась, ждала, когда внизу ухнет дверь. Потом железно забрякает лифт. Потом шаги по длинному холлу к их двери... Вот... ключ... щелчок выключателя и полоска света под ее дверью. Квартира полнится привычными звуками: человек ходит туда и сюда—на кухню, в ванную, готовится ко сну. Иногда ей казалось, что там чужой человек. Иной раз—что там чудовище. Ее бил озноб страха. Но порою он, ее муж, приходил, когда она еще не ложилась. И она заговаривала с ним. Но он теперь понимал лишь простейшую, бытовую, азбуку. Как иностранец, научившийся необходимейшим словам: «Хотите есть?» «Да, пожалуйста». Или: «Нет, спасибо, я ужинал...» «Что нового?» «Да ничего... В автобусе—холод». «Почему сегодня раньше?» «Голова болит». А если поздно, он отвечал, что работал. Как всегда нажимая на «р». «Работал». И с вызовом. Однажды она спросила, где можно работать до 12 ночи. Он ответил, что у него есть где. А она уже не имела права ни возмутиться грубостью ответа, ни расспросить. Он сразу определил их отношения, сказав, как только она с детьми приехала сюда, к нему в Москву, что разлука их не прошла даром: он увлекся женщиной, а значит, к ней, жене, не может относиться по-старому. Что сейчас вся их дальнейшая жизнь зависит от того, как будет вести себя она, его жена. Она должна подождать... Ну, а

если... если у него не пройдет... Но она должна помнить, что у них дети. Если б не было детей, сказал он, то и думать бы нечего, разошлись бы, и все. В разные стороны. Но вот, она же видит, что он привез их сюда, а ведь мог бы... Она должна чувствовать ответственность, она должна помнить, что он любил ее тринадцать лет. Она должна...

Это был единственный их разговор о том, что так внезапно переменяло их жизнь. Внезапно, конечно, для нее.

Вот откуда его сдержанность и вежливая ровность в последние месяцы, думала она тогда, слушая его. И испытывала даже благодарность: как он доверяет ей! Все сказал сам. Да, конечно, она понимает его. Жизнь—это такая вещь... Ведь говорили же они и раньше о такой возможности. И она могла бы увлечься. Но вот получилось, что он. И она должна... Он очень хорошо говорит: должна, у них дети. И он так любил ее. Это правда. Всегда считалось, что он любит ее больше. Сильнее. Так между ними считалось. Ведь он был одинок всю свою юность и часть детства: рано потерял мать. А у нее была счастливая семья, она любимая дочь. Для нее любовь и доверие были привычной средой, воздухом, которым дышишь. А для него—открытием, страной обетованной. Они вдвоем создали эту страну, и он так гордился ею! И раз это случилось с ним, значит, это сильнее его. Он так и сказал: «Я не виноват: так случилось». Видно, он прекрасно влюблен. И все же предлагает ей подождать. Она гордилась им, слушая его тогда, и, пока он говорил, чувствовала его—не себя.

Она с благодарностью погружалась в его мир на ту глубину, которую он приоткрыл перед ней. Ей хотелось бы дальше! Что же он чувствует к ней? Но она не спрашивала, чтоб не ставить его в неловкое положение, не нарушать шаткое равновесие их беседы.

Наверное, вправду, она могла бы долго ждать его, если б он оставил ей хоть долю своего дружелюбия. Но этот первый разговор был единственным. После него стало вовсе плохо. Слово было сказано. И зрело в ней ядовитым плодом унижения, а в нем—чувством вины, которую он не желал признавать, обороняясь безличной фразой: «Так случилось». Он вину свою гнал и душил, но не такого свойства это чувство, чтоб поддаться человеческой воле: вины не убывало, но, зрея, она оборачивалась неприязнью к человеку, вызвавшему ее. Он не мог выносить этого вечно ждущего взгляда жены; ее безмолвных вопросов. Он старался не заговаривать с ней, ни о чем не спрашивать. Разве что об очередных квартирных делах.

И спрашивал он, глядя в сторону: «Был ли столяр?», «Купила ли цинковки?».

Когда он говорил с ней—хоть о гвоздях,—она забывала, что их мир разрушен. Слово попадала под гипноз. Иллюзия общения с ним, правда их звучащих живых голосов снимали боль.

Сама она не раз пыталась пробиться к нему. Задавала вопросы. А он отвечал так, что в каждом ответе она слышала безмолвный вопрос: «Ты скоро уйдешь?» И однажды она не выдержала:

— Почему ты так говоришь со мной? Я жду, но ты не меняешься. И я ничего не знаю. Мне трудно! Скажи хоть: совсем меня не любишь? Уже все?

Она выговорила эти заранее приготовленные слова, тщательно выделив голосом знаки препинания, как бы диктуя чей-то текст, будто слова эти к ним не относились.

Он взглянул на нее и тут же отвел взгляд. — Зачем ты спрашиваешь, мучишь себя? Я уже сказал тебе главное. Больше я ничего не знаю. К чему эти разговоры?

— Я хоть так прикасаюсь к тебе,—пробормотала она.

Он вскинул голову и стал смотреть прямо ей в лицо, и, кажется, впервые глаза его, уже давно закрытые для нее, открылись, в них метнулись боль, растерянность, непонимание.

— Как?—спросил он, но даже интонация вопроса осталась незаконченной. Он оборвал себя, не хотел, чтоб ему объясняли то, что все ему было не нужно.

И, спасаясь от ее нежности, он нанес удар, от которого ей было не оправиться.

— Не хочешь же ты, чтоб я тебя обманывал?—без внешней связи с предыдущим разговором, но точно отвечая на ее вопрос и обрывая свой, только что обращенный к ней, торопливо сказал он. В глазах его остро сверкнуло презрение, он настраивал себя на раз принятый с нею тон. Он подозревал, что она хотела бы обмана. Жалкое, маленькое, нетерпеливое существо. И он сказал:

— Думаешь, я не мог бы спать с тобой?—Он смотрел уже насмешливо.—Прекрасно мог бы! Но я слишком тебя уважаю. Ты понимаешь, что это было бы унижением?—В его глазах уже не было ни презрения, ни насмешки, лишь испытующее и доброжелательное выражение человека, который хочет убедиться, что его правильно поняли.

Он овладел собой. А она, еще не чувствуя смертельной раны, продолжала говорить с ним.

— Да, я понимаю,—важно кивнула она, почти гордая его уважением.—Но дело совсем не в том!—отмахнулась нетерпеливо.—Почему ты не хочешь как-то преодолеть себя и помочь мне? Надо предпринять что-нибудь вместе, ну,

в кино ходим, ну, позовем гостей—ведь новоселье.—Она повела рукой, очертив плавное полукружие.—Ну, еще что-нибудь.—И оглянулась беспомощно, как бы отыскивая, что еще можно предпринять.

И тут ее сознания коснулся его изучающий взгляд, и, еще произнося свои последние слова, она почувствовала, что говорит в одиночестве и что за ней подсматривают. Она вдруг увидела со стороны свой жалкий жест. И бессилие ее попытки пробиться к нему обнаружилось перед ней с грубой, предметной определенностью. Она поняла, что до сих пор ничего не понимала. И вот увидела, наконец, и его, теперешнего. И ей открылась тайна его неуязвимости. Оказалось, он был заключен в некую невидимую, но непроницаемую сферу. Вот почему слова, которые она произносила, были не в силах хоть как-то задеть его. Бесплотные, они повисали в воздухе нелепым, ничего не значащим узором и, потолкавшись вокруг него, лишенные силы, опадали—истлевающие листья, сухие мотыльки.

Его окружала оболочка иной, родной теперь ему атмосферы, его нового дома. Эта оболочка защищала его, не допуская к нему ни ее боли, ни ее страха. Так водолаза или космонавта оберегает скафандр. Жена и все, что с нею заодно, стало для него чужой стихией, враждебной, все время посягающей на него. Вот только что посягнула на целостность его скафандра. Но он не забывал, что пробоина грозит гибелью, и бдительно следил за каждым движением врага. Думая, что говорит с ним, она оставалась одна. Вот где правда!

Медленно, пятясь, боясь повернуться к нему спиной, выбралась за дверь. Ей было страшно.

Пустота сомкнулась над ее головой, абсолютная, дьявольская, бесконечная пустота, пустота космоса, где нет места теплой земной жизни. Земная жизнь дышит воздухом любви. Ее лишили этого воздуха. Но телесная ее оболочка еще полна им, она переполнена им: так почему она не взрывается?! Есть же законы физики. Когда сотни и тысячи атмосфер спрессованы в одном маленьком теле, погруженном в пустоту, — оно должно мгновенно взорваться! Уничтожить все вокруг, снести этот страшный дом, этот страшный мир! Кривые, лживые, пустые законы физики! Они ничего не стоили! Они не действовали! Ложь! Ложь! Ложь!

Наконец, она закричала так, как требовало ее сердце, закричала, разрывая криком рот, надсаживая горло, заглушая последнее трепыхание стыда и достоинства.

...Когда-то мир был щедр и прекрасен. Он был справедлив и потому понятен.

Сейчас, взорванный ею, он превратился в хаос обломков: они носились в пустоте. А может, не носились, а были неподвижно взвешены в ней, в невесомости пустоты. То одно можно было рассмотреть. То другое. То то, то это... По обрывочку. По лоскуту.

Она лежала ничком на полу. Тихо-тихо. Не человек — оболочка. Конечно же, ей хотелось умереть. Вот так бы, не поднимая больше головы. Отчего она не умерла? Ведь он сказал то, что сказал. А потом помилловал, на что-то такое сослался: «уважать», «унижать»... Унижать уважать? Или уважая унижать? Какое-то желтое, злобещее жужжание.

Она поняла, как уже далеко ушел он от них обоих, тогдашних... Так далеко, что вернуться не сможет...

Легкая ясность сухой осенней дали открылась перед ее взором: чистая белесая голубизна горизонта, цветки цикория устало-голубые, как осеннее небо, по серому подзолотистому полю... Серая дорога, ленивые ее извивы все тоньше и тоньше, и там, у края неба, чья-то тень, одиноко бредущая туда, навстречу осенним сумеркам.

Что-то произошло с нею. Или происходило. Сердце притихло, не болело, унялось. Будто и вправду очутилась она на свободе — в поле или на лугу, на большой реке в тихий вечер, когда покой и умиротворение полны и совершенны.

Она принимала свою судьбу. Ждать его больше она не станет. Боль, которую сейчас он причинил ей, оказалась целительной. Но о своем решении она скажет ему завтра. А сегодня пусть продлятся покой и тишина. Она отдохнет...

Она забыла про музыку, подумав о тишине и покое. А ведь было уже не раз: он включал приемник и впускал в дом музыку, как перебежчик впускает врага в неохранные ворота крепости. Она понимала, что музыка для него была общением с той, другой, как когда-то слухила им.

В теперешнем, враждебном ему доме он настраивал антенну на волну своей планеты, и к нему на помощь неслись тайные знаки, означавшие чью-то нежность, чьи-то привычки, известные только ему, чье-то ожидание и тоску. Иная это была тоска, чем ее, рожденная пустотой и одиночеством. То было томление, которое само утешает и греет и которое есть надежда на встречу и вера в ответную, столь же утешающую, столь же сладостную тоску.

Звук приемника был полный, чистый. Музыка заполняла все вокруг. Эти двое стремились навстречу друг другу. Их колесницы мчались по ее живому телу, и сколько бы ни скакали кони вперед и вперед, тупые копыта били только в нее, потому что тело ее простиралось повсюду, где была их дорога, и она не могла сдвинуться

в сторону — музыка пригвождала ее, распинала...

И сейчас музыка набросилась на ее тихое поле и небо, смяв их, разорвав на клочки, закружив ее сердце в слепой круговерти.

Несмотря на поздний час, она вышла из дому. Музыка неслась ей вслед, толкала в спину, гнала... Дети спали. Было поздно. Она не думала, куда едет. Но так как в Москве знала пока один дом, где жили ее близкие друзья, то, с лунатической точностью совершив несколько пересадок и переходов (автобус — метро — троллейбус), она очутилась именно перед этим домом. Иван и Ленка были ей рады. Забытое уже внимание людей, их простые расспросы о том, как ей тут нравится, ведь новый город, как справляется с хозяйством, как ребята, вдруг открыли ей собственную заброшенность, и так нестерпимо жалко стало себя, что слезы сами хлынули из глаз, и не было ни сил, ни желания их остановить. Она ушла на кухню, там Ленка села рядом с ней и что-то приговаривала вполголоса, а она лила свои слезы без всхлипов и слов, только время от времени вдыхала поглубже воздух, переводила дух.

Наутро ее до метро провозжал Иван. И странно ей было думать, что и вчера она была в метро и проделала ту же дорогу, которую сейчас снова начинала. Но она ничего не замечала, когда ехала вчера. Вчера не было ни этого ошутимого движения эскалатора, ни этого обилия толкающихся, живых людей, ни этих запахов, ни напряжения собственных ног и всего тела, занимающего какое-то пространство в текучей человеческой тесноте. Смотрела на бессмертную мозаику этих вечно молодых и вечно старых лиц, смешанных в толпе. Они всегда были, есть и будут.

На «Проспекте Мира» толпа схлынула, рядом оказалось свободное место, и она с удовольствием села. Здесь вошло в вагон всего несколько человек. Одна женщина привлекла ее внимание. Совсем молодая, черноглазая и курносая, она напомнила ей подругу по школе. Наверное, тоже татарка. Высокие, ширококостные скулы смуглы. Наверное, не москвичка. Одета с провинциальной тщательностью, и взгляд выдает: немного растерянный, хоть и улыбка в нем скрыта, и как бы вопрошающий: так ли делаю? Вдруг сидящий напротив мужчина, по виду сельский житель, эдздивший выставку посмотреть, встал и, неловко пятясь и показывая рукой на свое место, пригласил сесть черноглазую.

Та вспыхнула и опустив смущенно ресницы, села, пробормотав еле слышно «спасибо». А мужчина, отойдя к двери, всем видом своим показывал, что не из каких-либо там личных целей это сделал, а просто так. И хотя он хмурился, а она улыбалась, их лица были похожи общим выражением доброты и радости.

«Как хорошо в метро», — подумала она, вчуже ощущая тепло от этой малости человеческой взаимной участливости. И по старой привычке тут же толкнулась ее мысль к нему, к мужу: рассказать, какие были лица у этих двоих, в метро... «Как бы забывшись» — так писали в старых романах. Как бы забывшись, по инерции разбежалась. И замерла, закончила, поймав себя, как вора, за шиворот: «Куда?!»

Куда нес ее поезд? Куда спешит она? Куда теперь мчатся ее жизни?

И тут она увидела багульник. Сначала она даже не узнала его. Так несовместимы были в ее представлении этот вольный кустарник с восточной окраины страны и городское марморное подземелье — метро. Она, сама недавний московский житель, еще не знала, что здесь продают багульник: сухие, хрупкие ветки, в которых скрытно таится живая весенняя

сила. И так стойко! Его охапки успевают живыми доехать из дальневосточной тайги до столицы. И здесь, на столах и подоконниках, поставленные в вазы и банки с водой, серые прутьки его покрываются мотыльковыми яркими цветами. Нежные малиновые лепестки на сухих, колких ветках.

Сейчас в метро, зжатый в чьей-то руке, пучок этих пока что не разбуженных веток покачивался прямо перед ее лицом. Цветочные крупные почки в кожистых чешуйках собраны по четыре на верхушечных побегах, по две на прочих. А листья, сейчас они почти черные, скручены в длинные спиральки, торчат рожами вокруг почки.

Она знала его как раз таким, зимним, спящим в январской тайге среди снега и яростно-синего, дальневосточного, и зимою весеннего неба. Хехцир! Хехцирский заказник! Ведь было же, было! Обрывы сопки к широкой ровной полосе Уссури; изюбриные, глубокие в снегу тропы; кабанья толока на полянах, где егеря подбрасывают им корм, чтоб не пропали в морозы; нежные строчки собольего бега по целине — редкие, драгоценные; беличьи лихие росчерки... Тайная жизнь тайги, записанная следами. И они с егерем Василием Ивановичем расписались в ее книге, оставив непрерывный, гладкий в отличие от прочих след — лыжню. Василий Иванович вывел ее тогда к изюбриным отстоям, голым скалам, вздымающимся из лесной чащобы, — там спасаются изюбри от хищников, став задом к обрыву, головой — к единственному входу на крутой уступ, чтоб встретить врага копытом и рогом. Эти-то отстои и были окружены багульничьей чащобой. Здесь крупный лес чуть отступает от скал, образуя малую прогалинку, здесь больше солнца.

На пригреве с южной стороны цветочные почки были совсем крупными, того и гляди покажется малиновое копыто бутона.

«Нет, — сказал Василий Иванович, — еще не пора. А вот дома — там он себя покажет. Наломай домой, — ребят подивишь». Они сломали несколько веток. Постояли на изюбриной скале, откуда вниз от них — далеко, широко — открывалась тайга, сбегая волнами сопки к Уссури. Шкура тайги не была одноцветной: малиновые пятна молодого липового подростка, латунная желтизна дубняка, крепко держащего листву и под ветрами и бурями зимы; нежные желтовато-зелено-серые цвета осино-вых зарослей; почти черные, но все же зеленые острова хвойных. А из живого этого моря белой выветренной костью подымались отстои умерших, но не павших таежных великанов, обглоданных начисто дождями, ветрами, морозами, временем.

Видимая бесконечность мира, затопленного солнцем, вливалась в нее счастьем; она ощущала его вкус языком, небом — как вкус и запах снега, она чувствовала его где-то в середине груди: свежий холодок, отдающий и хвоей и еще чем-то неуловимо пряным. Наверное, это дыхание деревьев, их морозный аромат.

То было осязаемое, обоняемое, видимое счастье. Она купалась в нем, как пчела в пыльце, чтоб побольше ее унести в свой дом, к нему. Она двойной груз собирала — за него. Он оставался дома, с детьми. Благодаря ему у нее было в два раза острее зрение, в два раза тоньше обоняние и во сто крат — ощущение красоты и счастья.

...Она смотрела на тонкие веточки, маячащие перед ее лицом, она видела сейчас далеко, как тогда с хехцирской оленьей скалы.

Как много он дал ей! Ведь вот, оказывается, все, что было, и осталось с ней. Это навеки ее. И никакой силой не разрушить этот мир, пока она жива. Значит, надо жить.

Александр РАДОВ,
кандидат философских наук

ДИСЦИПЛИНА

— Ты заезжай ко мне, пожалуйста! Подскажешь как социолог. Я совершенно в растерянности!— так говорил в телефонную трубку Анатолий Васильевич, а попросту Толя Васин, мой однокашник, оказавшийся волею судеб начальником крупного цеха радиозавода.

Разве я мог не откликнуться на этот вопль души? Да и ехать-то было всего ничего: три часа в электричке...

— Как заставить людей работать?— выпалил мой приятель прямо на перроне вокзала.— Никакой дисциплины. А прижать не прижмешь! Все теперь «законники»— свои конституционные права знают.

— А почему вдруг этот глагол— «заставить»?

— Все ясно! Начнешь пропагандировать методы убеждения и побуждения? Я все перепробовал— и грубость и ласку... А толку чуть! И рублем не заинтересуешь: за десятку, да что там— за двадцать пять рублей не уговоришь поработать в выходной день! Угрозило же огласиться на эту должность!

Вот в таком взвинченном состоянии застал я своего старого знакомого. Вначале я решил, что он, как это бывает с молодыми руководителями, драматизирует положение. Но оказалось, что ситуация в его сборочном цехе, где заняты в основном женщины, действительно трудная: текучесть под тридцать процентов, десятки людей ежедневно опаздывают, десятки в прогуле. И еще брак... Было от чего взяться за голову. А Васин— «технар», пятнадцать лет проработал конструктором, руководить людьми ему не приходилось.

Однако в момент назначения у Анатолия Васильевича не было и тени сомнения, что он справится с цехом. Технические проблемы его не пугали. В экономических вопросах директор обещал реальную помощь. Что же касается работы с людьми, то здесь Васин полагал, что достаточно «подкрутить дисциплинку»— и дело пойдет. Но когда стал, словно из рога изобилия, рассыпать выговоры и предупреждения, лишения премий и переводы на нижеоплачиваемую работу, то был удивлен, что количество нарушений в цехе остается неизменным. А в некоторых случаях возник «обратный эффект». Когда, например, трех регулировщиков он временно перевел за прогулы в грузчики, то заметил на их лицах иронические ухмылки. «Вы же им по подарку к празднику вручаете— вот они и радуются»,— пояснил мастер и поведал, что заработки у грузчиков, учитывая дефицитность этой профессии, гораздо выше, чем у регулировщиков.

«Странное дело,— сетовал Васин,— думаешь, что наказываешь, а оказывается, вознаграждаешь. Когда же хочешь поощрить, то получается, что обижаешь, совсем того не желая». Последнее суждение было навеяно историей с диспетчерами, для некоторых из них удалось ему с немалыми трудами добиться полновесной премии. Васин полагал, что это хорошая награда за их самоотверженную работу. А что получилось? Пришла вся в слезах диспетчер Галя и попросила, даже потребовала, чтобы эту премию с нее сняли и разделили на всех других диспетчеров. «Почему?»— удивился Васин. «А меня из-за нее затравили. Говорят, что я не заслужила. Не работаю, а только все путаю». Она работала недавно и действительно еще путалась, но Васин сам видел— старается, переживает за дело...

И таких историй Анатолий Васильевич порассказал немало. «Самое главное— ты мне подскази, как дисциплинку подтянуть,— попросил он,— а с остальным я и сам справлюсь». «А почему ты ко мне обратился?»— недоумевал я. «Но ведь ты социолог! Значит, специалист по работе с людьми. Это-то мне и надо. А самое главное— мне не стыдно признаваться перед тобой в своих слабостях, поскольку в должностных отношениях мы с тобой не состоим».

Как позже оказалось, Васин обратился ко мне явно не по адресу, ибо рассчитывал получить от меня некое волшебное средство, которое позволило бы ему почти мгновенно, не вкладывая больших трудов, покончить с нарушениями дисциплины. Но так не бывает.

После того, как я немного разобрался в цеховой ситуации, стало ясно: понимал мой товарищ под дисциплиной вовсе не то, что я. Ему нужна была не дисциплина, основанная на сознательном отношении к труду, а всего-навсего бездумное послушание. При мне он строго наказал трех монтажниц за пятиминутное опоздание, хотя знал, что в это время конвейер простаивал из-за отсутствия конденсаторов и никакой работы этим монтажницам не предвиделось. Получалось, что наказание было формальным по сути, неубедительным.

Вообще я заметил, что большинство нарушений дисциплины происходит в цехе на первую половину месяца, когда из-за перебоев в снабжении царит «спячка». «Все равно работы нет...»— вот привычное для вольных или невольных нарушителей оправдание их проступков. И всем остальным работникам цеха этот довод позволял не то чтобы оправдать нарушителя, но, во всяком случае, не винить его слишком сильно. А когда Васин, не учитывая такого довода, наказывал строго, то коллектив оказывался на стороне «пострадавшего».

УКРАШАЕТ

Нет, нельзя было «подтягивать дисциплинку», не трогая при этом организации производства. А за налаживание ритмичности работы Васин почему-то не брался. «Бесполезно,— объяснил он мне,— сие от цеха не зависит. Винаваты поставщики». В этом я и сам убедился, посмотрев в отделе снабжения «дефицитки материалов и комплектующих». Но сравнив эти данные с графиком работы конвейера, я заметил, что он простаивал и когда все необходимое для работы на заводе было. И вот тут виноваты были внутренние, а не внешние причины. Плохая организация труда, конечно, не способствовала высокой дисциплине, напротив, окончательно ее расшатывала. Плохо организован был и труд и производственный быт. Пятиминутные перерывы растягивались на целых полчаса, потому что в этом цехе строители так и не доделали ни туалетов, ни бытовок, хотя после пуска прошло три года.

«Дисциплина создается не отдельными какими-нибудь «дисциплинарными» мерами, а всей системой воспитания, всей обстановкой жизни, всеми влияниями...»— так писал А. С. Макаренко, а уж он-то понимал в этом толк. Все влияет на дисциплину. Последние исследования социологов, анализировавших причины текучести кадров, например, показывают: нельзя выделить один доминирующий фактор. На текучесть влияет все— и общая атмосфера на предприятии, и условия и обстоятельства деятельности, и оплата труда, и возможности улучшения жилищных условий, и возможности профессионального и должностного роста... Точно так же и с дисциплиной. Хочешь ее поднять— совершенствуй цех или предприятие во всех отношениях. Частные мероприятия тоже иногда дают эффект, но, как правило, временный, ограниченный.

Этого-то Васин и не понимал. Почти на каждом цеховом собрании он обращался к коллективу с призывами: усилить то, активизировать это. Его внимательно выслушивали, согласно кивали. И на том, к сожалению, все кончалось, потому что никаких конкретных задач Васин перед коллективом не ставил. Он предпочитал брать за их решение самолично, слишком преувеличивал свои персональные возможности по части преобразования, и поэтому не чувствовал нужды в помощниках. А когда его подчиненные сами выступали с какими-то инициативами, то начальник цеха не спешил их поддержать.

При мне к Васину явилась целая бригада монтажниц с предложением организовать работу по единому наряду. Стали ему демонстрировать вырезки из центральных газет с описанием соответствующего опыта передовых предприятий. По всему было видно, что загорелись женщины, готовы работать напряженнее, с большей пользой для завода. А Васин— что меня немало удивило— даже не оживился. И говорил-то с ними холодно: «рассмотрим», «изучим», «решим»... Когда женщины ушли, я не сдержал своего возмущения. Но он принял

объяснять, что, мол, эта инициатива монтажниц затеяна ими ради какой-то корысти. «А почему нет?—удивился я.—Только это не корысть, а материальная заинтересованность: больше сделать, больше получить!.. Единый наряд—это и дисциплину подтянет: все будут влиять на каждого». «Да нет,—возражал мне Васин,—наоборот, они хотят меньше работать, больше получить!..» «Откуда ты это взял?» «Знаю я их...»—И в голосе моего знакомого звучала величайшая уверенность в собственной правоте.

Нет, он не знал этих работниц. Не помнил имен и фамилий. Ни с одной из них прежде не разговаривал. Но был убежден, что видит их насквозь. «Как же ты можешь,—недоумевал я,—работать с людьми, считая, что они все трудятся не любят, интересуются только заработком?» И как я ни пытался убедить его в обратном, доказать, что руководство коллективом может и должно строиться на доверии к людям—все было бесполезно. Никак не мог он согласиться, что бригадам, участкам можно доверить хозяйственную самостоятельность. «Они еще не созрели!—повторял Васин без устали.—Вот когда будет коллектив сплоченным—тогда посмотрим...» И невдомек ему было, что для формирования в коллективе сплоченности нужны сопутствующие условия, лучшее из которых—общая заинтересованность в результатах труда.

Опыт лучших «злобинских» бригад в строительстве, а теперь и в промышленности, опыт бригад ВАЗа показывает, что общий экономический интерес порождает и прочные узы человеческой зависимости друг от друга и каждого от коллектива. И напрочь исчезают равнодушные и проистекающая от него терпимость к нарушителям дисциплины и аморальным поступкам. Мне довелось однажды присутствовать на ВАЗе на заседании совета бригады, где обсуждали прогульщика. По тому, как он краснел и бледнел, сбивался в речи и заикался, можно было понять: страшна для него перспектива отлучения от бригады.

КОЛЛЕКТИВ

А в цехе Васина пьяницы и прогульщики прекрасно знали, что те, кто мечет в их адрес с трибун громы и молнии, в конце месяца, когда начнется штурм, придут к ним с умоляющими речами: «Не подведи, выйди поработать в воскресенье!» И возникающая таким образом «двойная мораль» перечеркивала все воспитательные мероприятия.

Но даже тогда, когда администрация цеха в лице Васина и его помощников становилась нетерпимой к нарушителям, кривая нарушений не падала. Почему? На мой взгляд, главная причина нарушений трудовой дисциплины в цехе заключалась в том, что нетерпимость руководства не подкреплялась нетерпимостью коллектива. Да и то сказать—коллектива—то есть единого и сплоченного вокруг общих целей сообщества людей—в цехе и не было, а был набор приятельских группок, слабо друг с другом связанных. Вот и получилось, что не было в цехе очевидных для всех моральных запретов, нарушители не попадали в изоляцию, не ощущали на себе гнев коллектива.

При мне на профсоюзном собрании обсуждали двух подружек, с которыми мастер работать категорически отказывался: нет, дескать, никакого слладу—то опоздают, то сбегут с работы посреди смены, то понаделают брака и запрятут его подальше... А виновницы обсуждения вели себя так, словно бы ничего не случилось: вызывающе посмеивались, обращались к соседкам с вопросами, мастера прерывали репликами и, что меня удивило, получали поддержку. А потом обсуждали монтажницу, продлившую свое южное путешествие на три недели сверх положенного отпуска. У нее тут же обнаружили адвоката. Уж как они живописали ее деловые и личные качества, словно на премию выдвигали!

Нет, не было в цехе той зависимости между людьми, при которой любое нарушение дисциплины воспринимается как оскорбление, нанесенное коллективу, при которой нарушитель оказывается в конфликте со всеми.

Люди, работающие в одном цехе, не представляли собой подлинного коллектива, где у каждого его члена есть глубокое понимание, что дисциплина не самоцель, а наилучший способ осуществления общих задач.

А ведь фактически каждый работник цеха страдал из-за нарушителей дисциплины—или терял в зарботке, или случались никак не оправданные простои, или портилось настроение. И, несмотря на это, поразительная терпимость к конкретным дезорганизаторам, словно бы они тут ни при чем! Но еще более удивительно, что коллектив воспринимал борьбу за дисциплину чуть ли не как прихоть администрации. Не было понимания, что дисциплинарные нормы и требования практически полезны, целесообразны, что без них—полная неразбериха, в результате которой все не удовлетворены своим трудом и его результатами. Дисциплина, по словам Макаренко, «украшает коллектив», она может быть «приятной, увлекающей, задевающей за живое». Но для того, чтобы это случилось, дисциплинарные требования должны восприниматься как внутренний, всеми разделяемый закон коллектива.

Постоянных, злых нарушителей порядка я насчитал в цехе двенадцать. Совсем немного для большого цеха. Но вокруг них вертелась вся администрация—прорабатывала, воспитывала, советила. Зато нормальным членам коллектива, тем, кто не пьет, не прогуливает, не опаздывает, брака не делает,—им явно не хватало человеческого внимания со стороны Васина и его помощников. «Ну, когда же, помилуй, мне с людьми работать, если все время с деталями да бумажками приходится...»—сетовал Васин, а я видел, что большую часть дня он занимается «мелочовкой», частностями, с которыми легко и гораздо квалифицированнее справятся низовые работники цеха. Понятно было, что многое надо менять в организации производства, чтобы у начальника цеха оставались силы и время на функцию воспитателя.

Очень любопытные наблюдения вынес я из васинской практики поощрений и наказаний. Оказалось, что на одно поощрение у него приходится пять наказаний всякого рода. А ведь, по данным научных исследований, наказания далеко не всегда способствуют прогрессу деятельности подчиненных. Они не позволяют им работать хуже, а лучше люди начинают трудиться благодаря гибкой и скоординированной системе поощрений. Но практика гибкого и душевно щедрого поощрения не очень укладывалась в васинский стиль работы. Всю неделю, что я был в цехе, Васин ходил раздраженным, вспыскивающим как порох. Да, он имел множество причин для этого—ЧП, неприятности, ошибки подчиненных, нелепицы... Заметно было, что нервность и раздраженность как бы перемещаются по цеху вслед за ним.

«А ты понимаешь, что, испортив настроение своим рабочим, ты снизил их сегодняшнюю выработку процентов на пятнадцать?»—спросил я приятеля. Васин недоверчиво усмехнулся. А зря! Современная наука дает все основания считать, что забота о людях, их настроении, самочувствии, условиях труда и быта является действенным средством повышения производительности труда, не говоря уже о том, что это одна из наших важнейших социально-политических задач.

...Пора признаться, что фамилия моего однокашника не Васин. И, конечно же, кроме недостатков, у него, хорошего специалиста, эрудированного человека, есть и много достоинств. Я умышленно показал его односторонне. Это поможет лучше разобраться многие грани проблемы дисциплины труда. Проблема архисложная. Одной только администрации, как бы умело она ни бралась за дело, с этой проблемой не справиться. Не станем забывать, что субъектом дисциплины является не отдельный руководитель или наставник коллектива, а сам коллектив. В своем выступлении на ноябрьском (1979 года) Пленуме ЦК КПСС Л. И. Брежнев подчеркнул, что растущую роль в борьбе с нарушениями трудовой дисциплины, разгильдяйством и расхлябанностью должны играть и трудовые коллективы, и надо расширять их права.

Бригадная организация труда создает необходимые экономические основы для повышения дисциплины.

ОТ РЕДАКЦИИ. Статья социолога А. Радова—только начало разговора на важную тему. Как вы, конечно, поняли, коллектив цеха, о котором идет речь в статье, дисциплина пока не украшает. А как дела на вашем предприятии? Напишите нам, какими мерами создается заслон потерям рабочего времени, прогулам, опозданиям, простоям у вас? Как вы добиваетесь хорошей дисциплины у себя в бригаде, на участке? Как формируется нетерпимость коллектива к нарушителям трудовой ритма? Что, по вашему мнению, здесь должна сделать администрация, а что может рабочий коллектив?

Ждем ваших писем с пометкой «Дисциплина».

Здесь все говорит о недавнем новоселье: и молодые деревца, ожидающие своей первой весны на графически четком газоне, и пахнущие свежей краской коридоры...

Нечасто случается, что день новоселья становится днем рождения, а тут получилось именно так. Всесоюзный научно-исследовательский институт акушерства и гинекологии, переехавший в новое здание, преобразован во Всесоюзный научно-исследовательский центр по охране здоровья матери и ребенка, призванный руководить всей научной и методической работой по проблемам акушерства, перинатологии (внутриутробного развития плода) и гинекологии в нашей стране. Больше того: будучи в числе крупнейших в мире, он служит одной из баз Всемирной организации здравоохранения для широких исследований по проблемам бесплодия и воспроизводства человека.

...Обживается новосел, осваивается на новом месте. Пройдем по его этажам, заглянем в кабинеты, лаборатории, палаты. Здесь просторно расположились отделения эндокринологии, детской гинекологии, диагностики и лечения женского бесплодия. Открылся научно-поликлинический отдел, где работают 12 специализированных кабинетов.

Прием ведет доктор медицинских наук В. М. Сидельникова.

НОВОСЕЛЬЕ

На одном из этажей расположен хирургический блок: кроме большой операционной,—палата интенсивной терапии, кабинет переливания крови, комната для хирургов. Строители предусмотрели все необходимое, чтобы специалистам было удобно работать. К примеру, для снятия статического электричества в операционных сделаны специальные полы.

Центр оснащен современной аппаратурой, позволяющей проводить сложные исследования, оперативно и точно устанавливать диагноз. Сооружена барокамера, где будет проводиться лечение кислородом под давлением.

Научные исследования тесно связаны с повседневной лечебной практикой, лаборатории соседствуют с палатами для больных. Условия пациентам созданы отличные. Небольшие, удобные палаты, сигнализация позволяют поддерживать связь с дежурной сестрой.

Особым вниманием окружены малыши (отделение детской гинекологии—единственное в стране). Игровая комната с веселыми игрушками скрасит пребывание в больнице.

Центр, открытый в Международный год ребенка, построенный на средства коммунистических субботников, позволит значительно улучшить медицинскую помощь детям и матерям.

Не зря говорят: новый дом—новая жизнь. Поздравляя наших медиков с новосельем, мы от души желаем им плодотворной работы.

Э. ПАНОВА.

Фото Н. МАТОРИНА.

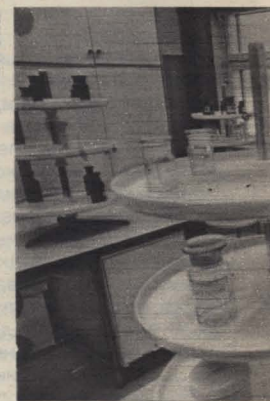
Всю ночь на посту акушерка Л. Никанорова.

И общение лечит...

Аптека.

БУДЬ ЗДОРОВ, МАЛЫШ!

Идет Всесоюзный смотр детских дошкольных учреждений по улучшению охраны здоровья и снижению заболеваемости детей.

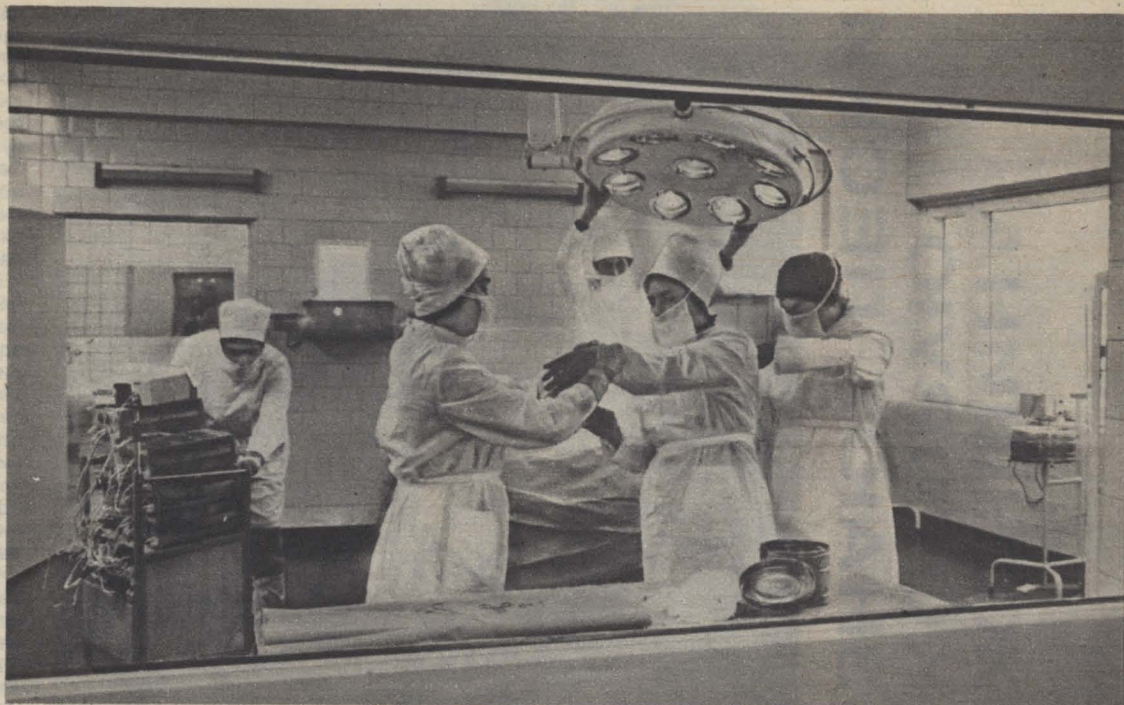
Его объявили министерства просвещения и здравоохранения страны, ЦК профсоюзов медицинских работников и работников просвещения, высшей школы и научных учреждений. Цель смотра—помочь работникам яслей-садов совершенствовать работу с детьми: чтобы росли они закаленными, не боялись простуд, лучше развивались, меньше болели. Чтобы расширялась сеть детских дошкольных учреждений и не было бы в них переполненных групп. Чтобы мебель соответствовала росту и возрасту ребят; спортивного инвентаря, игрушек, наглядных пособий для занятий хватало бы, а территории при садиках были хорошо

оборудованы и озеленены, чтобы детей вкусно и калорийно кормили. Ведь когда дело касается детей—все важно: какой температуры вода, в которой малыши моют ноги; сколько времени он проводит на воздухе и каким тоном разговаривает с ним воспитатель.

Сейчас завершен второй год смотра. В республиках, областях, городах, районах подводятся предварительные итоги. К примеру, смотровая комиссия Российской Федерации отметила хорошую работу детских дошкольных учреждений Мурманской области. Область эта северная, климат ее не из ласковых, а дети болеют меньше, чем в иных более южных

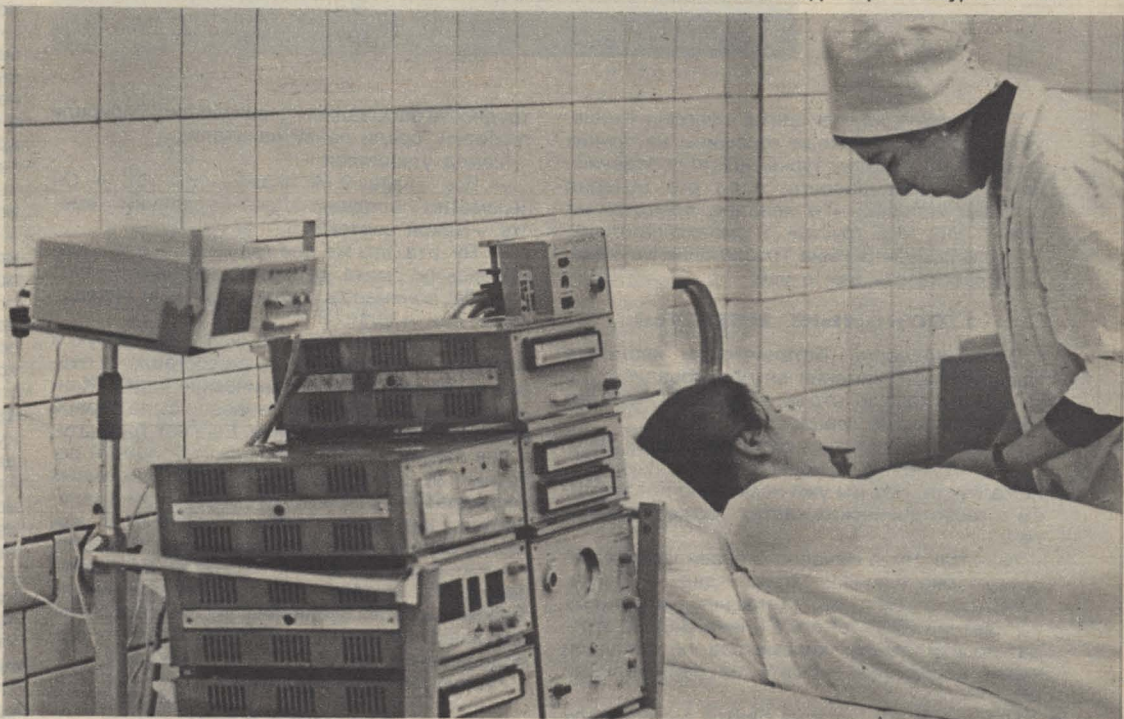

Врач-лаборант О. Ковалева.

К операции готовы.

После операции так важно внимание медсестры З. Курамшиной.

краях. Здесь в яслях и садах много внимания обращается на закаливание детей, на профилактику простудных заболеваний. Мурманский облздравотдел и облоно умеют опыт лучших яслей-садов быстро сделать доступным для всех. Хорошо налажена и учеба: воспитатели, медицинские работники детсадов постоянно повышают свою квалификацию.

В Челябинске воспитанники многих детсадов учатся плавать. Им предоставляют свои бассейны спортобщества. В определенные дни и часы—по графику—ребята едут купаться. Для них выделяются специальные автобусы.

В городе Кемерове созданы санатории для ребятшек, перенесших простудные заболевания, чтобы не было опасности повторения болезни или какого-либо осложнения.

1 января 1981 года будут подведены окончательные итоги Всесоюзного смотра. Впереди год работы. И очень ценно выявить и сделать общим достоянием передовой опыт дошкольных учреждений, где хорошо поставлено дело по охране и укреплению здоровья детей. Важно вскрыть недостатки, просчеты, чтобы быстрее устранить их.

«Работница» предоставляет свои страницы для рассказов о таком опыте, об интересных

формах работы с детьми, о лучших воспитателях, медицинских работниках.

Мы ждем сообщений о ходе смотра от членов смотровых комиссий, от активисток женских советов, от самих работников детских учреждений. Пишите нам, и вы, мамы и папы, пишите обо всем, что вы находите хорошим и полезным в работе яслей-садов, где воспитываются ваши дети, пишите и о том, что вы считаете нужным изменить, сделать по-другому.

Материалы смотра в нашем журнале будут идти под рубрикой «Будь здоров, малыш!». Этим девизом и помечайте ваши письма.

ЖЕНЩИНА, КОТОРУЮ ЗНАЮТ ПЕСКИ

И. КЛЕНСКАЯ

Н. Т. Нечаева.
Фото ТАСС.

У меня в комнате цветы пустыни—илак, тугие, яркие оранжевые горошины на тонких стеблях. По старому туркменскому преданию, илак приносит радость, если его подарил хороший человек: «Ты печален, посмотри на илак—забудешь грусть». Я смотрю на илак... Мне его подарила Нина Трофимовна Нечаева. Хочу рассказать вам о ней.

Песчаные версты

В Ашхабаде, в Ботаническом институте Наркомзема Туркмении ей обрадовались:

— Вот и хорошо, что вы приехали. Очень вас ждем—молодые специалисты нужны.

И директор института сразу перешел к делу: — Пустыня—миллионы гектаров. Изучайте, пожалуйста. Вот мы уже несколько лет мечтаем о геоботанических картах. Может, возьмемесь?

1934 год. Нина Нечаева отправилась в свою первую экспедицию. Отряд—два человека. Начальник—Нечаева, помощник—восемнадцатилетний студент Коля Силаев. Задача отряда: пройти двести километров по западной части Каракумов, описать их растительный мир.

В большом кишлаке на базаре выторговали за двести рублей двух верблюдов, за сто рублей—двух ишаков. Осталось еще сто рублей. Конечно, хорошо бы нанять проводника...

Ночевать попросились к старому чабану Мамеду:

На выцветшем потертом коврикe пили чай с теплыми лепешками:

— Мамед, говорят, в песках остатки басмачей пошаливают? Как бы нам пройти поспокойнее?

Старик медленно раскуривал трубку:

— Пройти можно. Две вещи не бери с собой: ружье и женщину. Она—главный начальник?—Мамед удивленно покачал головой.—Тогда пусть стрижет косы, надевает штаны, как мужчина.

К утру удалось уговорить Мамеда идти с ними проводником. И караван отправился в путь. Шли от колодца к колодцу. За работой

трудности забывались, страх уходил: собирали гербарий, брали почву на анализ.

Мамед удивлялся.

— Все знаешь? А скажи—это что?—Он незаметно соединял две травинки вместе.—Какой цветок?

— Ну, ата, это же две травинки,—еле сдерживаясь от смеха, серьезно отвечала Нина.

— Да, понимаешь. Главный ученый будешь. Так они и шли...

За три года она изучила еще и восточную и южную части пустыни—были составлены первые в Туркмении геоботанические карты. Кандидатская диссертация Нечаевой была первой диссертацией в республике. Еще нет тридцати, а она признанный специалист, энергичный работник, ее ценят, дорога для новых научных исследований открыта. Да, все, чем она занимается, интересно, важно. Но хочется как можно скорее увидеть результаты своей работы. Нет, она не теоретик—практик. И Нечаева переходит в только что организованную Туркменскую республиканскую опытную станцию животноводства, заведовать отделом корموдобывания.

Наступило лето 1941 года.

Рэнгбаджи

В военкомате отказали сразу: на фронте есть кому воевать. Здесь работать некому. Чем народ кормить будете?

Нина проводила мужа на фронт, сына и сестру с детьми оставила у мамы в Ашхабаде, а сама поехала в небольшой аул.

Перед животноводами Туркмении тогда стоял, казалось, неразрешимый вопрос. Созданные в республике большие каракулеводческие совхозы остро нуждались в пастбищах. Те пастбища, на которых паслись стада, быстро истощались.

«В чем же дело?—думала Нечаева.—Может быть, пастби не умеем? Или не знаем, как обращаться с пастбищами, не причиняя им вреда?»

Она вспоминала первые годы своей научной работы... Только-только окончив институт в Смоленске, она попала в старейший заповед-

ник, единственный нетронутый в Европе массив ковыльной степи—Асканию-Нова. Там проводился экологический эксперимент. Экология—наука о взаимоотношениях между живыми организмами и средой их обитания (от греческого слова ойкос—жилище), то есть буквально—наука об организмах у себя дома. Сейчас выражение «экологический эксперимент», «экологическая характеристика района» стали привычными. Курс экологии читается в университетах. А тогда об экологии лишь начинали говорить.

Руководил экспериментом в Аскании замечательный, смелый ученый—В. В. Станчинский. Он считал: задача врача—возвращать здоровье. Но вряд ли медики даже приблизились к решению задачи, если бы многие поколения анатомов, физиологов не посвятили свою жизнь изучению деятельности легких, сердца, почек, крови. То же и здесь: человек никогда не научится управлять природой, если не поймет, что природа—противоречивое единство, находящееся в постоянном движении, развитии. Каковы же механизмы этого движения?

И сейчас, через много лет, она вернулась к своим старым записям лекций Станчинского, наблюдениям экологического эксперимента. С раннего утра уходила Нина с чабанами в пески, разговаривала со стариками, присматривалась, что же представляет собой растительное сообщество пустыни? Какова его динамика? Какова связь животного мира со средой обитания? Ее стали называть рэнгбаджи—женщина, которую знают пески.

Постепенно она пришла к мысли: может быть, применять систему частичного кругового выпаса? Суть ее вот в чем: чабаны с отарами не просто переходят с одного места на другое, а пасут скот по кругу. Круг за кругом, круг за кругом—поели овцы травы в одном кругу, переходят в следующий. И пастбище не вытаптывается, не выедаются дочиста и, значит, не истощается.

Система была описана и рекомендована колхозам и совхозам. И еще к одному выводу пришла Нечаева: в каждое время года надо соблюдать особые нормы выпаса. Весной—лучше одни растения скармливать, осенью—другие, зимой—третьи. Нужны сезонные пастбища.

В 1946 году вышла большая книга Нины Трофимовны «Динамика растительности Каракумов и организация пастбищеоборота». Академик ВАСХНИЛ, Герой Социалистического Труда И. В. Ларин писал: «По полноте кормовой характеристики, по обилию оригинальных сведений, по числу описанных растений книга является лучшей из всех региональных работ».

...Настроение в тот вечер было прекрасное—из Ленинграда, из Ботанического института пришло письмо: утвердили тему ее докторской диссертации. Она вошла в дом, пошла в свою комнату, дети уже спали. Тихо, спокойно. Подошла к окну, открыла его... И вдруг страшный треск, грохот, дом закачался, в детской заплакала маленькая дочка, Нина бросилась к двери. И не успела: на нее падал большой квадрат потолка.

Наутро газеты сообщили: землетрясение в Ашхабаде...

Нина очнулась в больнице—сильное сотрясение мозга и множественные переломы костей. Позднее узнала: ее семья—мать и двое детей погибли. Казалось, жизнь кончилась. Ничего больше не хотелось. Работа, наука, диссертация—все потеряло смысл. Нам всегда кажется, что горе, беды, страдания, конечно, существуют, но нас-то они наверняка обойдут. А они как раз тут как тут...

Ей предложили работу в одном солидном институте в Москве. Она защитила докторскую. И все как во сне... Все пять лет. Умереть нет сил. И жить нет сил... Вернулась в Туркмению, и здесь снова увлеклась научными исследованиями.

«Пустынный» доктор

В Ашхабаде открылся новый институт — Институт пустынь. Нечаева возглавляла лабораторию экологии. Туркменская академия наук избрала Нину Трофимовну членом-корреспондентом, а еще через несколько лет — академиком.

Основная проблема, которой она стала заниматься, — экологический прогноз. Любой вид растения или животного уникален, и его исчезновение с лица земли — утрата невозполнимая. Семнадцать лет на опытной станции Института пустынь Нечаева вела наблюдения за тем, как меняется растительность на песках этой зоны. Некоторые выводы оказались неожиданными.

Небольшой участок пустыни сделала опытным полем. Растительность бедная, вытоптанная скотом. Решила посмотреть, что будет с полем, если пять лет его не использовать, не выпускать на него отары овец. За пять лет земля отдохнула, покрылась крепкими кустарниками. Прошло еще семь лет — те же крепкие кустарники. Все без изменений. В опытном журнале записано: «Состояние земли и растительного покрова стабильное». Но год за годом травы становилось все меньше и меньше, на семнадцатый год поле имело примерно такой же жалкий вид, как и вначале. В чем дело? Оказывается, почва и растения... умирают от бездействия. Они перестали бороться за свою жизнь, и жизнь их оказалась в опасности. Великий парадокс природы! Бездеятельность так же вредна, как и утомительная работа. Ее рецепт — частичный групповой выпас овец — еще раз получил полное экологическое подтверждение.

А на очереди новый замысел.

Каракумы все же страна естественных пастбищ, здесь издавна развивалось животноводство, разводили каракулевых овец. Конечно, очень ценны кустарниковые пастбища, они кормят круглый год, но чистых кустарниковых пастбищ осталось немного, вытоптаны отарами. А травянистые пастбища? На них можно рассчитывать лишь весной — летом они быстро выгорают, а зимой покрываются снегом.

Пустыни Туркмении занимают огромное пространство — сотни тысяч гектаров. Можно ли изменить эти земли, повисить их продуктивность? Сотрудники лаборатории экологии решили посеять на травянистых песках кустарники, создать искусственное пастбище.

Первые итоги радовали: новые жильцы чувствуют себя в пустыне хорошо, они прижились и мирно существуют вместе с травами. В годовом отчете в Академию наук Нечаева писала: «Искусственные сообщества по внешнему виду, структуре и урожайности выгодно отличаются от природных. Общая их фитомасса в тридцать раз (а часто и более) превышает естественную, а количество кормов здесь в двенадцать раз больше. Кустарники и полукустарники противостоят засухе».

Изучение экономических показателей доказывает хозяйственную целесообразность улучшения пастбищ: чистая прибыль, получаемая от ста гектаров искусственных пастбищ, в четыре — десять раз выше, чем с той же площади естественных угодий». Подтвердилась давняя ее мысль: в районах с экстремальными условиями, считавшимися непригодными для животноводства, таятся колоссальные возможности, потенциальные силы их велики.

Доклад Нины Трофимовны Нечаевой, академика, Героя Социалистического Труда, очень заинтересовал участников недавнего Международного конгресса по аридным (пустынным) зонам.

Экология — наука о жизни. Она становится теоретической основой поведения человека в природе. Взаимодействия человека с породившей его природой — самая острая, актуальная и важная задача сегодняшней науки.

КОЛОБОК

Владимир ОРЛОВ

Желтые мышки

За окном ветерок
Веселится:
То попрыгает,
То притаится.
И листочки бегут
По дорожке,
Словно желтые мышки
От кошки.

Перед зимой

Зябнет липа
За окошком,
Выпал иней
Поутру.
Машет маленькой
Ладшкой
Желтый листик
На ветру.
Перед самою
Зимой
Он прощается
Со мной.

Телеграмма

Тихо приближаются
Морозы —
Их шаги поблизости
Звучат.
И об этом
Азбукою Морзе
Дождевые капельки
Стучат.

Едет по небу коляска

Едет по небу
Коляска —
Темно-серая
Окраска.
А в коляске
На постели
Дремлют белые
Метели.
Им сияет
Полог синий,
На ресницах
Блещет иней.
Их баюкает сама
Белоснежная
Зима.
Как проснутся
Эти крошки,
Как поднимутся
На ножки.

Да как свистнут
Эти дети —
Побелеет все
На свете!

Добрая зима

Шла зима
Февральскою порою —
В серебре платок
И колушок,
И тащила тучу
За спиною —
Снегом переполненный
Мешок.
Без дороги шла
И без тропинки,
Снега своего
Не берегла,
Не считала каждую
Снежинку —
Осыпала землю,
Как могла.
Но однажды
Встала спозаранку,
Глянула в мешок,
А он пустой.
Вывернула тучу
Наизнанку —
Нету в ней снежинки
Ни одной!
— Что ж, пойду за снегом
И до мая
Вновь хозяйкой буду
Во дворе!
И ушла,
Еще не понимая,
Что вернется только
В декабре.

Только сердце

Подморозило дороги,
Стало тихо на земле.
Мишка греется
В берлоге,
Белка греется
В дупле.
Под березой спят метели,
Греясь в лунном серебре,
Дети греются
В постели.
Ветры греются
В трубе.
Каждый спит,
Успев согреться,
Но стихи в ночи и днем
Может сердце,
только сердце
Согреть своим теплом.

Современная международная жизнь напряжена, полна событиями, в ней происходят сложные процессы. Помочь нашим читателям лучше в них ориентироваться — цель новой рубрики. Пишите, какие вопросы вас особенно интересуют. Вам ответят журналисты-международники.

Новую рубрику мы открываем статьей «Штраф за братика, или демография по-пекински», в которой журналист-международник М. Горянов отвечает на письмо москвички Г. Марчуковой. Она пишет: «...Руководители Китая ведут активную антисоветскую пропаганду, угрожают соседним странам, выступают как самые настоящие поджигатели войны. Нас, советских женщин, это глубоко возмущает и тревожит, — ведь не для войны сыновей мы растим. Хотелось бы знать, а как живут женщины в самом Китае».

ШТРАФ ЗА БРАТИКА, ИЛИ ДЕМОГРАФИЯ ПО-ПЕКИНСКИ

Более года назад состоялся IV Всекитайский съезд женщин — двадцать с лишним лет отделяли его от предыдущего. Как и следовало ожидать, жгучих проблем съезд не обсуждал, решения серьезных вопросов не предлагал, а вылился в безудержное словословие «великому кормчему» Мао и в пышное восхваление деяний нынешних руководителей Китая. Заместитель председателя Национальной федерации женщин КНР Дэн Инчао назвала съезд «грандиозным форумом», итоги которого «станут действительно ясны лишь через определенный промежуток времени». Словом, все было бы как нельзя лучше и лучезарнее, если бы не «вечно недовольные». На них обрушилась Цай Чан, ответственный сотрудник Национальной федерации женщин Китая, ибо они «своим нытьем мешают уверенному движению Китая к новым победам».

С тех пор миновал год, в Китае произошли определенные изменения. Сейчас сквозь плотные пропагандистские завесы, которые пекинские власти все еще задерживают почти наглухо, проникает все-таки свет правды о состоянии экономики, о положении трудящихся.

Сами китайские руководители вынуждены признать, что страна должна решать целый ряд весьма острых экономических и социальных проблем. Нынешнему правительству Китая не хочется брать на себя ответственность за то состояние, в котором сейчас находится страна. Разумеется, нашли виноватых — «банду четырех»; делаются попытки несколько отмежеваться от «великого вождя» — в речах, выступлениях по случаю 30-летия КНР его имя, например, почти не упоминалось. В своей экономической политике пекинские лидеры полностью ориентируются сегодня на сотрудничество с Западом, а во внешней политике консолидируются с близкими им по духу реакционернейшими режимами.

Но в одном китайские правители верны старому курсу: в антисоветизме, в стремлении к гегемонии в мировых делах. Поэтому все больше раздувается пропаганда войны, огромная часть бюджета тратится на вооружение, утверждается некое особое право Китая самочинно «преподавать уроки» другим государствам.

Все это, разумеется, стоит дорого и процветанию не способствует. Отдельные цифры, факты, высказывания позволяют составить картину того, как живут трудящиеся в этой стране. Величие величием, а детей растить, кормить, на ноги поднимать надо. А это с каждым днем становится тяжелее. Жизненный уровень крайне низок — не хватает самого необходимого. К тому же сегодня в Китае около 20 миллионов безработных. Большинство безработных — женщины. На этот счет есть даже негласное распоряжение — в первую очередь предоставлять рабочие места мужчинам. В сельском хозяйстве, согласно этому распоряжению, женщине запрещено сегодня трудиться там, где нужно иметь дело с техникой, где требуется квалификация, то есть где есть возможность побольше заработать.

Поэтому женщины, имеющие хоть какую-нибудь работу, могут считать себя счастливыми. Показателен в этом плане разговор, происшедший у корреспондента английской газеты «Гардиан» С. Линдквиста с одной из ткачих 12-й хлопкопрядильной фабрики в Шанхае. Когда он спросил об условиях ее труда и быта, она коротко ответила: «У нас есть еда и одежда, что нам еще нужно?» Может быть, краткости беседы в немалой степени способствовало присутствие директора фабрики и еще двух-трех должностных лиц, которые «помогали» корреспонденту беседовать с ткачихой. Но истинный смысл ответа ясен и без того. Умение жить впроголодь, отказывая себе во всем, работая на износ, — вот какие качества китайские власти стремятся воспитывать в людях.

За последние 15 лет значительно снизилось число женщин, занятых в области науки, культуры, образования. «Культурная революция», практически уничтожившая научно-техническую и творческую интеллигенцию, ополчилась и на участие женщин в общественной жизни страны. Их эмасипация, равенство были названы «буржуазной хунвейбой». «Женщина должна знать свое место», — вопили хулиганствующие хунвейбины, вытаскивая из дома известную писательницу Дин Лин. Десятки тысяч женщин — преподавательниц, ученых, работников культуры были оторваны от своих семей и сосланы в деревню «на перевоспитание».

Многие из «перевоспитанных» сейчас получили, наконец, возможность выбраться из сельских коммун и наводнили улицы Пекина, Шанхая и других городов в ожидании реабилитации, в поисках работы.

В трудах великих китайских ученых, философов и литераторов много говорилось об уважении и почете, которыми должна пользоваться женщина. Она

не только дает и сохраняет жизнь, писал известный мыслитель средневековья Гу Сунлин, но определяет будущее, ибо дети вырастают такими, какими их воспитывает мать. Но сегодня государство посягает на право китайской женщины воспитывать своих детей, на право быть матерью.

Во всех странах девочки играют в дочки-матери. Они понимают, инстинктивно чувствуют, что в будущем им предстоит воспитывать своих детей, заботиться о них. Только в последнее время игра эта в Китае проходит несколько странно, если судить по невеселой пародии, которую опубликовал в Гонгконе журнал «Фар истерн экономик ревю». «Мама, — спрашивает маленькая девочка, — а у меня будет маленький братик?» «Будет, — отвечает мама, — если папа сможет заплатить за это штраф». В гротескной на первый взгляд пародии почти сто процентов правды.

Газета «Цзефан жибао» в конце августа минувшего года опубликовала постановление шанхайского ревкома о «плановом деторождении». Рекомен-

дуется семье иметь лишь одного ребенка. Устанавливается определенный возраст, когда можно вступать в брак: в сельской местности для мужчин — 25 лет, для женщин — 23 года, в городах для мужчин — 27 лет, для женщин — 25. Студентам, учащимся специальных и технических средних учебных заведений, рабочим-ученикам в брак вступать запрещается. Нарушил постановление — тебя немедленно исключают из учебного заведения или увольняют с работы.

Супругам, не имеющим второго ребенка четыре года спустя после того, как у них появился первый, а также добровольно подвергшимся стерилизации после рождения первенца, выдают «свидетельство родителей, имеющих одного ребенка». Оно дает право на получение пособия: 4 юаня ежемесячно, пока сыну или дочери не исполнится 16 лет. Ребенок таких родителей пользуется преимущественно, если его нужно поместить в ясли или сад. За него не взимается плата за обучение в средней школе. А его отец и мать, уходя на пенсию, получают к ней прибавку — 5 процентов от заработной платы. Если же они крестьяне, потерявшие трудоспособность по возрасту, то им выдается дополнительное обеспечение сверх установленного в производственной бригаде. Тем, кто сделал операцию стерилизации, кроме вышеперечисленных благ, выдается еще единовременное пособие — 20 юаней. В период проведения операции им начисляется зарплата и трудовые единицы (если они сельские жители). А если женщина — рабочая или служащая — бездетна, то ее пенсия увеличивается на 10 процентов от заработной платы.

Но представим, что супруги, имеющие «свидетельство», родили-таки второго ребенка. В этом случае пусть пеняют на себя. «Свидетельство» отберут, а сумму пособия, что уже получена, заставят возвратить. Начиная с 1 марта 1980 года со всех, кто родит третьего ребенка, будут вычитать 10 процентов зарплаты и трудовых единиц, пока этому ребенку не исполнится 16 лет. Таким семьям не полагается дополнительной жилплощади на младшего члена семьи, а в деревне — дополнительной земли к приусадебному участку.

Ну, а если дети все-таки появились на свет? Ничего не поделаешь, рассуждают китайские власти, надо их воспитывать. Все матери на земле одинаковы: хотя для своих сыновей и дочерей мира, счастья, добра. Но воспитание в таком духе в Китае не приветствуется. Доброта, любовь, нежность, как отмечалось в молодежной газете «Чжунго циньянь бао», не что иное, как «гнилое буржуазное прошлое». Эти чувства влекут за собой мягкотелость, мешают детям быть беспощадными к врагам Китая. Тем, кто растит детей в духе добра, угрожает газета, придется держать ответ перед своим народом.

Какими хотят воспитывать детей в сегодняшнем Китае? Ясный ответ на этот вопрос дала кампания чествования «героев оборонительного контрудара» (так на современном китайском политическом языке обозначается варварская агрессия, совершенная КНР против Вьетнама). «Героев контрудара» в Китае громко и объявляют примером для подражания. О них пишут очерки, слагают стихи и песни, они беседуют с детьми, рассказывают о своих «геройствах». Все рекорды побила китайская детская газета «Чжунго шаонянь бао». Она поместила подборку рисунков-комиксов, живописующих «подвиги» китайских солдат в СРВ. На рисунках изображены brave воики, у ног которых лежит гора трупов.

Страницы газет и журналов многих стран мира обошел снимок. На нем — пятилетние мальчишки и девочки. Сжимая в руках винтовки — не игрушечные, а настоящие, они угрожающе целятся в невидимую мишень. На их лицах нет улыбок — лишь угрюмая настроенность. Этот снимок назывался «Будущее Китая».

Неужели китайским детям суждено такое будущее: война, человеконенавистничество, лишения? Не могут матери и отцы согласиться с этим. Все громче в Китае голоса недовольства. То и дело приходят известия о волнениях в различных районах, о сидящих забастовках. Об этом недавно писала, к примеру, газета «Гунжэнь жибао», орган профсоюзов КНР. Массовые выступления приобрели такой размах, что в Шанхай, например, для подавления волнений были направлены правительственные войска.

Участников массовых выступлений в защиту своих прав именуют уже не «вечно недовольными», «ноющими», а «запланированными лицами».

КАК ИХ ОСТАНОВИТЬ?

«Хочу рассказать о трех случаях, которые не дают покоя.

Еду на работу. В метро на эскалаторе несколько девчонок лет шестнадцати обсуждают кого-то из преподавателей: «Пусть только попробует поставить, мы ему покажем!» И кричат, заняв весь проход. А люди нервничают: «Проходите, впереди!» Я прошу девочек встать справа, а в ответ: «А вам-то что? Лезет не в свое дело...»

Жду троллейбуса на остановке, он запоздал и был полон. Четыре девочки с коньками прорываются через переднюю дверь, растолкав старушек. Кто-то из толпы попытался их урезонить: «Вы что, инвалидки?» «Да вот, инвалидки!» «Где надо, там и входим!»

Срочно надо было позвонить. В будке телефона-автомата девушка, облокотясь, хохочет, рядом трое подружек ее поджидают. Проходит пять минут—стучу, делает вид, что не слышит. Еще минуты три—все то же: «Ха-ха-ха! Н-да? А ты что?» Смотрю на часы, через несколько минут все уйдут с работы, а мне нужно сообщить, что не

смогу быть завтра с утра. Набираюсь храбрости, открываю дверь: «Девушка, мне очень срочно...» Больше ничего сказать не успела. Из двери высунулась нога в современном сапоге, и я чуть не свалилась от сильного пинка. И опять, как будто ничего не произошло: «Ха-ха-ха!»... Подлетели подружки: «Ты что, не видишь, ей поговорить надо? Кати отсюда, пока еще не получила!»

Отвести в милицию я их не могла. Да и что в милиции? Рассказывать, что ударили, показывать синяк—неудобно вроде... Как поступать в подобных случаях? Мужчины урезонить таких девчонок обычно не берутся, вроде как-то и не принято. Привыкли, что хулиган—это мальчишка, а девчонки—так, грубият, балуются. Противно слышать, противно смотреть, но, как говорят в таких случаях юристы, состава преступления нет, нужно моральное воздействие. Но когда пытаешься девочкам что-то объяснить, наталкиваешься на такую «мораль», что собственные слова кажутся жалким лепетом. Почему же они такие? Как их остановить?

М. ФЕДОРОВА.

Три случая—разные обстоятельства, разные действующие лица. Но в каждом ярко выражено неуважение к человеку, противопоставление окружающим своего я—я так хочу! Мне так удобно! Мне надо!

Нахамил взрослому, сделавшему замечание,—сошло с рук, растолкал всех локтями в очереди—и снова победитель: мне все позволено. Человек, который привыкает так себя вести, в любой момент может перешагнуть грань, отделяющую проступок от преступления. Какая-то тетка мешает вести «важный» разговор по телефону—пинок ногой, машинальный, без колебания.

Но стоп! Здесь уже вступает в силу закон. В частности, статья 206 Уголовного кодекса РСФСР разъясняет, что действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу, являются преступлением, у которого есть четкое определение—хулиганство. Если хулиган поднимает на кого-то руку, наносит побои, оказывает сопротивление представителям власти, общественности, если повторяет «подвиги» в течение длительного времени, наступает повышенная ответственность—лишение свободы до пяти лет.

Может ли быть применено столь строгое наказание за злостное хулиганство к подростку? Да. Как только он достигает четырнадцати лет.

Наш закон гуманен, он дает суду возможность смягчать ответственность несовершеннолетних, учитывая неустойчивость несформировавшейся личности. Но не может наше общество, основанное на уважении человека к человеку, мириться с хулиганством, даже если хулиганом оказывается подросток.

Я адвокат, и мне нередко приходится защищать несовершеннолетних, оказавшихся на скамье подсудимых. И вопрос, так тревожно прозвучавший в письме М. Федоровой: «Почему они такие?»—всегда встает перед тобой, когда берешь в руки очередное дело, познакомишься со своим подзащитным, ищешь обстоятельства, которые могли бы облегчить его участь. Это адвокатский долг, смысл нашей профессии. Встречаешься с родителями. Нелегкие встречи. Заплаканная мать, поникший от горя отец: «Да он не всерьез. Ведь он мальчишка, еще ребенок...»

Вспоминаю одного из своих подзащитных, Витю К. Он останавливал на безлюдной улице прохожих и, вынимая пистолет—игрушечный, как потом оказалось, требовал деньги.

Витя учился в ПТУ, и оттуда пришла на него вполне положительная характеристика. Мать говорила, что он помогал ей по дому, и соседи никогда на него не жаловались. Что же вдруг стряслось с ним? В том-то и дело, что не вдруг, «вдруг»—этого почти никогда не бывает. Выяснилось, что еще в школе он нередко прижимал в углу

кого-то из мальчишек послабее и требовал десять копеек. Кто-то, испугавшись верзилы, отдавал безропотно мелочь, кто-то пытался сопротивляться, вырваться из крепких рук, беззвучно плача—маленькие мальчишки из гордости никогда не плачут громко. Но в Вите ни разу не шевельнулось чувство жалости к этим малышам: «Я же их не бил». Он не мог представить себе, что испытывает человек от несправедливости, от унижения.

Нравственная глухота, нравственная недоразвитость, неумение поставить себя на место другого. А ведь именно отсюда часто начинается и жестокость и ощущение вседозволенности...

Довольно часто мы сталкиваемся с разными формами подобной глухоты и, пока они не опасны, проходим мимо.

Парень спортивного вида, развалившийся на сиденье автобуса, а рядом стоит пожилая женщина с сумками—банальная картина. И дело тут не столько в плохих манерах, сколько в дефиците элементарного сочувствия. Бывает, рядом с парнем сидит его девушка, но и она бровью не поведет, считая, что ее «рыцарь» прав. И в девчонках, о которых рассказывала М. Федорова, та же глухота: подумаешь, кто-то оскорбил, кто-то схватился за сердце, кто-то остался из-за них на остановке!

Иногда слышишь от подростков, испуганных предстоящим наказанием: «Я не знал закона...» Хорошо, что в школе сейчас изучается право. Знание правовых норм помогает человеку соразмерять свои поступки с требованиями общезначимости, с нашей моралью. Но ведь чтобы соразмерять, нужно еще критическое отношение к себе. Нужно научиться задавать себе вопросы: «Какой я? Как я выгляжу в глазах других, рядом с другими? Есть ли за что уважать меня?» Моим подзащитным такие размышления, как правило, неизвестны. Они вообще не привыкли размышлять. Я всегда спрашиваю: «Что ты читаешь? Чем интересуешься?» Кто-то, напрягая память, называет две-три книги—обычно детективы, а кто-то ответит вопросом на вопрос: «А что хорошего в книгах?» Сколько же может украсть у себя человек!

Знакомясь с ними, всегда сталкиваешься с духовной скудостью, отсутствием интересов. Если сойдутся они в одной компании, начинается «веселая жизнь». В такой компании не нужно слишком много знать, чтобы самоутвердиться, завоевать уважение. Здесь главное уметь веселиться: «баддеть» до ночи в подъезде, переругиваясь с жильцами. Распить бутылку вина. Окончательно «развеселившись», выпрыгнуть на улицу, распугивая прохожих. Кого-то толкнуть, обругать под общее одобрение: «Ну, молодец, ну, врезал!» А «врезают» и девчонки. Они порой и парней могут перецеголять, чтобы прослыть здесь «своими».

В такой вот компании прошла «школу» шестнадцатилетняя Валя К., одна из моих подзащитных. Ее задержали на катке. Она налетела на девушку, которая посмела не уступить ей дорогу, свалила с ног, избивала, сорвала с головы меховую шапку и умчалась.

— Тебе нравятся твои друзья?—спрашиваю я ее.

— Да.

— Чем же?

— Они смелые. Веселые.

Смелость—это когда впятером на одного? Перевернутая система ценностей! Ведь все это имеет совсем другие названия: разнузданность, подлость, жестокость.

Когда шел суд, в зале были Валины подружки. Они и тут не обрели и подбадривали ее: «Не бойся! Ничего тебе не дадут! Ты несовершеннолетняя!» Районный суд приговорил Валю К. к году лишения свободы... И хотя городской суд заменил эту меру наказания на условную, урок Валя получила суровый.

Правильно заметила М. Федорова: мы привыкли, что хулиган—это чаще всего мальчишка. И когда видишь ругающуюся, дерущуюся девчонку—это вызывает больший протест. Ведь уже с самим словом «девушка», «девочка» связываем мягкость, женственность, чуткость. Проступки девочек тревожат еще и потому, что девочки труднее расстаются со своими привычками.

Сложные чувства испытываешь к подросткам, которые предстают перед судом. Их

бывает очень жалко. Все их сверстники спешат по утрам в школу, в ПТУ, занимаются спортом, ходят в театр. Строят планы на будущее, радуются жизни. А эти так бездумно распорядились своей судьбой, сломали свою жизнь в самом начале. Ведь даже если обойдется без лишения свободы, если подсудимый до конца осознает свою вину, ему потребуется много времени и сил, чтобы побороть в себе чувство ущербности: «Я не такой, как все, за мной—мое прошлое»,—чтобы завоевать уважение окружающих, перестроить себя.

«Как их остановить?»—задает вопрос автор письма. Наверное, нужна наша общая нетерпимость к любым проявлениям хамства, хулиганства. Обо всех тревожных случаях, в которых замешаны подростки, нужно доводить до сведения милиции, школы, семьи. Я говорю не только о нетерпимости взрослых, но и нетерпимости сверстников.

«Я дружила с одним парнем,—пишет «Подружке» Н. Т. из Рубцовска.—Он симпатичный, высокого роста, занимается спортом, играет на гитаре. В нашей компании его очень уважают. В общем, можно сказать, отличный парень XX века. Не стану скрывать, он мне очень нравился. Но однажды вечером мы гуляли по парку и там встретили его старых друзей. Они были выпивши и приставали к девушкам. Я попросила Николая (так зовут парня) заступиться, поговорить с ребятами, но он ответил: «Не стоит связываться. Это их дела». Меня передернуло. «А если бы они пристали ко мне?» «Тогда бы заступился»,—спокойно ответил он.

На следующий день Николай сообщил, что с девушками все в порядке. Оказываешься, вмешался проходивший мимо парень. «Вот видишь, а ты трусил!» Мы поссорились, и мириться не хочется, хотя мы по-прежнему в одной компании и так же

вместе поем под гитару. Но мои чувства к нему как-то надломились»...

Естественно, наверное, что «надломились». Своим невмешательством «отличный парень XX века» как бы одобрил недостойное поведение друзей.

А разве редкость, когда парни и девушки, в общем-то неплохие, следуют принципу ни во что не вмешиваться? Не только в уличные происшествия—девочки тут не всегда смогут помочь,—но и в поведение, поступки ребят, вместе с которыми они учатся, работают. «Я его не одобряю, но почему должен говорить об этом открыто, осуждать? Сам разберется, не маленький». Бывает, девочка терпит сквернословие, хотя в душе оно ей претит,—терпит грубость, развязность: зачем с кем-то портить отношения? Но не унижительно ли приспосабливаться к тому, чего не принимаешь, подчиняться правилам, которых не одобряешь? Не лучше ли диктовать свои?

З. КЛЕЙМЕНОВА, адвокат

ГОЛУБАЯ ЗМЕЯ

«А что я такого сделала? Выказала свое мнение—и только. У каждого же есть собственное мнение об окружающих. Правда, теперь я поняла, что нельзя доверяться человеку, которого плохо знаешь. Здесь моя ошибка... Оля М.»

К Олиной ошибке мы вернемся, но пока я читала ее длинное письмо, про то, кто когда что и кому сказал и что из этого получилось, вспомнила одну девочку. Мы с ней незнакомы, и видела-то я ее всего час какой-то. Как же ее зовут?... «Юлька! Не подначивай Степку!»—вспомнилась чья-то реплика из того жаркого дня. Да-да, Оля. Тоненькая, пружинистая. В красном купальнике с голубой змейкой на животе—апликация такая.

Ребята тогда неожиданно появились на краю обрыва, над тихим уголком берега, отгороженным завалом камней от гудящего пляжа. Полетели вниз рюкзаки, натываясь на камни. А потом и сами они понеслись с кручи, падая и смеясь. Сбросили шорты, майки—и в море.

— Валя! Степина Валя! Поплыли к буйку! — Юлька! Не подначивай Валу! Она же не доплывет!

Девочки, поплескавшись, улеглись на большом камне загорать. Мальчишки ныряли у берега, а вдали покачивались на волнах две головы. Юлина—в белой шапочке, и Валина—в желтой. Оля, не доплыв до буйка, повернула назад, и, видно заметив это, один из мальчиков быстрыми саженками устремился вслед за Валею.

— Видели? Видели?—Юля подплыла к камню, на котором лежали девочки.—Это Куликов. Ой, да вы же ничего не знаете! Вчера возвращаюсь в лагерь, а они вдвоем у костра. Вроде бы дежурят, обед варят. Ясно? А у Вальки глаза на мокром месте. Не иначе, какие-то отношения выяснялись...

— Юль, а Юль, откуда у тебя такой купальник?—спросил один из мальчиков, который пристроился тут же, на камне.

— Отец привез. Они в последнем рейсе в Сингапур заходили, там и купил.

— Подумать только, Сингапур так далеко от Одессы, а продают купальники с твоим портретом!

— Неостроумно!

— А я и не остро.

Валя и Куликов выходили из воды, и все примолкли. Мне вдруг стало как-то не по себе, словно я в чем-то провинилась перед ними, словно участвовала в разговоре. И не надо было обладать Юлькиным «ясновидением», чтобы ощутить, как эти несколько минут что-то переменяли в отношениях между ребятами. Те двое не замечали пока слишком внимательных, любопытных глаз. Но начнутся, как водится, намеки, насмешки... А Куликов, быть может, бросился вслед за Валею только потому, что она плохо плавает.

Впрочем, какое это имеет значение? Случилось недопустимое—и никого это не покорило, кроме одного мальчика. Девочки-то выслушали Юльку с интересом. Если это в порядке вещей, то отчего бы не найтись в компании доброй душе, которая проинформирует о Юлькиных озарениях Валу? Или, скажем, Валину подружку? Не знаю, как там развивались события дальше, может, и обошлось все. А вот Оля рассказала историю, в которой хоть и не было девочки с голубой змеей на купальнике, но проявилась та же страсть поделиться с кем-нибудь осведомленностью.

Пришла в класс новенькая—«тихая», «застенчивая». И Оля решила помочь ей побыстрее «войти в коллектив», в «курс классных дел», объяснить, кто есть кто. Отметила отличницу Харитонову, выскочку, которую «в классе терпеть не могут». Симоняна, который, чтобы казаться умным, заставляет отца делать математику, а мать—писать сочинения. И про Давыдову не забыла. У нее дома все время жуткие скандалы. Давыдова это скрывает от всех, делает вид, что у нее прекрасная семья, но она-то, Оля, знает: не раз случайно бывала свидетелем, как...

А новенькая вскоре подружилась с Харитоновой и все ей передала. И весь класс, даже те, которых Оля никак не задела, перестал с ней разговаривать.

Тяжкая ситуация. Оля говорит, что в информации, которую она сообщала новенькой, не было вранья, одна только правда. Вполне возможно, но значит ли это,

что ребята поступили несправедливо, и что виновата во всем новенькая? А вдруг она, как и Оля, действовала из самых хороших побуждений? Шли дни, многие в классе стали ей симпатичны, и она решила предупредить их о недоброжелательстве одноклассницы.

Нередко встречается такая разновидность участия: «Знаешь, о тебе говорили, что...» Нужна ли человеку подобная услуга? Нужно ли вообще знать, кто и где плохо про тебя сказал? Ну, огорчишься, что кто-то к тебе несправедлив. Выяснить отношения? Глупо. Может, ты дал повод плохо о себе думать, может, тебя однажды не так поняли. А друг твой, приятель, доброжелатель, который передал тебе чужие слова, он-то почему спокойно их выслушал, не оборвал, если это нелепость или сплетня, не возразил, если это заблуждение? Можно ли после этого верить в его хорошее отношение и в то, что однажды не сработает обратная связь и он не сообщит доверительно другому уже твои слова?

Оля, безусловно, права, утверждая, что у каждого есть свое мнение об окружающих. Но все дело в том, несешь ты его в себе, делишься только с близкими, поверяя разочарования, проверяя сомнения, или сообщая всем и каждому. По секрету, разумеется, от того, кого оно касается.

И еще. Доброжелательный человек охотней говорит хорошее о людях, чем плохое. Не потому, что неискренен—больше замечает хорошего, а своих отрицательных суждений никому не стремится навязывать, не всегда считает себя вправе: вдруг я ошибаюсь, вдруг это все субъективно? И вряд ли предложит новичку свои «очки» при знакомстве с коллективом—предоставит ему возможность самому приглядеться ко всем.

Известно, лучше лишний раз промолчать, чем потом казнить себя, что сказал лишнее,—недаром же считается: язык мой—враг мой. Это, правда, нелегко. То осведомленность хочется показать, то новизна какая-то тебя распирает, от которой у девчонок, собравшихся в кружок, загорятся глаза. Вот именно в этот-то момент и нужно на себя наступить и не выбалтывать того, что доверили тебе одному и только тебе, не информировать всех о том, что ты случайно подсмотрел, и не уличать человека в том, что он старается скрыть из-за стыда или боли.

Т. АЛЕКСАНДРОВА

«Хочу одеваться современно и модно. Скажи, «Подружка», что в этом плохого? А от мамы все время слышишь: «Это тебе рано, и это рано»,—и она покупает мне платье, в которых я смешна и нелепа».

Сочувствую. Ведь нам с тобой хочется держаться легко и непринужденно, а тут из-за платья и слова лишний раз не вымолвишь, чтобы не заметили, как ты смешно и нелепо выглядишь. Нет, я вовсе не хочу надерзить маме своей читательницы. Я дорожу доверием мам, и, признаться, мне бывает лестно, когда и они обращаются ко мне за помощью: «Не можешь ли ты, «Подружка», поговорить на своих страницах с девочками об одежде? Только купишь дочке платье, уже не носит: «Немодно». Закажешь в ателье новое, а пока шьют, устареет. Сколько же денег нужно на тряпки? Начнешь объяснять, что одежда не главное в жизни, а в ответ: «Хочу выглядеть, как Света, как Валя, как Галя»...

Каждому хочется одеваться хорошо. А что значит хорошо? У дочки свой взгляд на это, у мамы—свой. Но кошелек-то мамин. И не только из-за расходов тревожит ее дочкин интерес к моде: мода на языке, мода в голове—не легкомысленно ли, не рано ли в пятнадцать-шестнадцать лет?

— Нет, конечно, не рано,—сказала искусствовед Наталья Никитична Сопова.

Да, не посмела я взять на себя роль третьей стороны и обратилась за помощью к специалистам.

— Даже грудных малышек одевают родители не так, как десять или пятнадцать лет назад. Все мы стараемся одеваться модно. Только один мгновенно уловит, почувствует веяние моды и охотно за ним последует, а другому надо приглядеться. мода без спроса вторгается в нашу жизнь, меняя не только фасоны платьев—наш облик в целом и облик всех вещей вокруг. Она не каприз, она отражение социальных процессов, меняющегося ритма, стиля жизни... Модно—значит современно, а не легкомысленно.

— А молодые как раз быстро откликаются на все новое,—вступает в разговор художник-модельер Татьяна Александровна Осмеркина,—это свойство возраста. Они очень остро чувствуют моду, порой на зависть нам, взрослым. Могут прекрасно показать ее.

Показать моду? Но девочки-подростки, девушки, юноши одеваются несколько иначе—вам не кажется?—чем предлагают

МОДНИЦА— НЕ ЗНАЧИТ ВЕТРЕНИЦА

модельеры. И даже нередко говорят, что подростковая, молодежная мода рождается на улице.

— Молодежная мода была и будет модой в моде, это естественно,—снова вернулась к закономерностям моды Н. Н. Сопова.—В одежде юных всегда намешано-перемешано все, что присуще их возрасту. Жизнен-

радостность, переменчивость настроений, стремление приспособиться к своим сверстникам. В свое время стихийно ворвался в жизнь джинсовый стиль. Он ведь от молодых пошел и надолго завоевал все возраста.

— Кстати, о джинсах,—добавила Т. А. Осмеркина.—Джинсовый стиль—пальто, платье, сарафаны, сумки—уходит, но джинсы остаются как практичная повседневная молодежная одежда.

А много ли нужно вещей, чтобы быть модно одетой на все случаи жизни?

— Мало,—считает художник-модельер Ирина Владимировна Крутикова.—Брюки, юбка—практична и красива классическая клетчатая юбка в складку, свитер или пуловер. Это основа, а к ней нужно подбирать остальное. Две-три хлопчатобумажные блузки—здесь может быть и строгая английская блузка, и фантазийная, нарядная, и в полоску, и в клетку...

— Еще можно добавить жилет, вязанный, сшитый, стеганный, какой нравится,—советует Татьяна Заборова, молодой художник-модельер.—Очень модны сейчас носочки, спортивные туфли типа кроссовок—их носят не только с брюками, но и с юбкой. Стоит связать себе длинный шарф, шапочку. А многим пойдут береты, кепи.

Значит, сегодняшняя молодежная мода скорее способна исключить домашние конфликты из-за денег «на тряпки», чем вызывать их?

— Мне вообще кажется,—говорит И. В. Крутикова,—что такие конфликты возникают там, где родители покупают детям дорогие вещи. И делают это по своему вкусу. А потом получается, что платье за 70 рублей без дела висит в шкафу. Маме обидно, ей уже кажется, что дочь неблагодарна, капризна. Но вот новая блузка на дочери «возникла» из старой, ее преобразил модный круглый воротничок, а следующую она собирается сшить из папиной ковбойки, лежавшей среди ненужных вещей. Да, да, обязательно нужно учиться шить, и тогда исключаются многие проблемы. Нетрудно одеться модно. Из платья, которое стало мало, можно сшить юбку или жилет, из старого короткого пальто—жакет, из плаща—куртку. Целый гардероб без затрат.

— Молодежь прекрасно носит дешевые вещи,—подчеркнула Т. А. Осмеркина.—А шапка из черной бурой лисы, например, прилавленная дубленка, сапоги на высоченных каблуках на шестнадцати-семнадцатилетней девушке производят плохое впечатление. Противопоказаны молодым и украшения из дорогих металлов с камнями, которые спешат иногда подарить родители, родственники. Одежда должна быть органичной, соответствовать возрасту, характеру. И дешевые вещи, которые можно чаще менять, чем дорогие, дают возможность пробовать, экспериментировать, искать свой образ.

Свой образ? Но ведь хочется, действительно хочется одеваться «как Света, как Валя, как Галя», очень верно это заметила встревоженная мама.

— Моя дочь тоже хочет носить джинсы, потому что их носят все,—вступила в разговор еще одна художница, Эда Васильевна Власова,—это им нужно. Такие они—и ничего тут не поделаешь: среда сверстников диктует свои законы. Но, и стремясь одеваться как все, девушка с хорошим вкусом чувствует, что ей идет, что—нет, она не будет кого-то слепо повторять, копировать.

— А еще у каждого вырабатывается своя манера носить вещи.

— А еще создать свой образ помогают различные дополнения, украшения. Веселые брошки из керамики, дерева...

— Ожерелья из различных плодов, семечек или из кусочков разноцветной кожи...

— Морская ракушка или морская галька на кожаном, шерстяном шнурке.

— Это все противопоказано женщине в возрасте, но украсит, внесет веселое настроение в девчоночью одежду. Девочки должны одеваться весело.

ЧТО ПОСЕЕШЬ...

— Какова же, по-вашему, причина конфликта между матерью и дочерью?—задает вопрос судья.

— Очень культурная была семья, можно сказать, образцовая,— уверяет свидетельница.—Татьяна Николаевна—врач, дочь Антонина—модельер. Жили дружно, пока мать не выписалась из квартиры.

— А почему она выписалась?

— Замуж вышла. Правда, не для себя...

— Замуж не для себя? Как это? У нас данные, что брак был зарегистрирован.

— Ну, зарегистрирован...—соглашается свидетельница.—Дом у старика хороший: сад, цветы—настоящая дача.

— А вы не пробовали намекнуть своей приятельнице, что это аморально: выходить замуж, чтобы заполучить дачу?

— Так это же исключительно для внучат! Они все лето там отдыхали... Только старик вдруг заупрямился: «Мне покой нужен». Ну, и развелись! А дочь обратно в трехкомнатную квартиру мать не пускает. Был, говорит, ордер выписан на тебя, теперь на меня. И замок новый врезала.

Как же случилось, что два родных человека оказались в роли истца и ответчика? Пытаясь понять это, вернемся назад, в прошлое.

Война застала Татьяну на Смоленщине. Выпускница медицинского института пришла в партизанский отряд с крошечной дочкой на руках. «Во время бомбежки,—вспоминает Татьяна Николаевна,—перевязываю раненых, а сердце разрывается от тревоги: вдруг дочка убита или вот сейчас погибну я, а она останется одна».

Посчастливилось им—уцелели. Да и муж вернулся с фронта невредимым. Жить бы, казалось, да радоваться. Но не сложилась личная жизнь: ушла Татьяна Николаевна от неверного мужа, предпочла одиночество. Впрочем одинокой себя она не считала—ведь рядом была дочь Тоня.

В детстве Тоня ничем не отличалась от сверстниц. Так же, как и все, горько плакала над книжкой, жала Серую Шейку. Старалась делать маме приятно. Однажды купила ей в подарок... ярко-сиреневую майку. Мужскую, правда, но это все равно растрогало Татьяну Николаевну. Ведь дочка долго копила копейку к копейке. Денег в семье не всегда хватало. И мать взялась вести уроки анатомии в школе. Но здесь Татьяне Николаевне вскоре поставили условие: нужен диплом педагога. И она со свойственной ей энергией принялась за учебу на заочном отделении педагогического института.

Рассказывая о тех временах, Татьяна Николаевна то и дело подчеркивает—«ради дочки»: хотелось получше одеть ее, порадовать красивой вещью. Чувствовала, мол, угрызения совести, ведь целый день Тоня была представлена самой себе, и поэтому никогда не корила дочь, ничего от нее не требовала. Все домашние заботы взвалила на себя. Помыть полы или сбежать в магазин за продуктами—такое девочке и в голову не приходило. Даже за собой не имела привычки убирать. Придет с улицы: кофта—сюда, юбку—туда... Утро начинается с раздраженных криков: «Где моя кофта? Где моя юбка?» Мать торопливо находила вещи, что-то гладила на ходу, подшивала, всегда про себя оправдывая дочь. И не отдавала Татьяна Николаевна себе отчета в том, что за человек подрастает рядом. Постепенно то хорошее, что намечалось в характере Тони—доброта и сердечность,—вытеснялось эгоизмом, вскормленным слепой материнской любовью.

Каждый год Тоне устраивались именины—пышные, заметные. Обязательно приглашались взрослые: коллеги, друзья, соседи Тети и дяди в складчину покупали дорогой подарок. О своем дне рождения мать никогда не заикалась. Пройдет много лет, и дочь забудет поздравить маму с ее юбилеем...

Во имя той же «любви» Татьяна Николаевна даже пошла на сделку с совестью: постаралась освободить Тоню от... сдачи выпускных экзаменов. Пришлось, конечно, употребить свое влияние и как врача и как педагога. А точнее, злоупотребить служебным положением. Основания для поблажки? После операции на ухе, прошедшей, кстати, успешно, у девушки якобы побаливала голова.

Итак, школа у дочери позади. Матери можно наконец-то отказаться от работы по совместительству. Высвободилось время. Можно почтительно, сходить в кино да просто посидеть тихим вечером с дочерью—родным человеком, способным, как считала Татьяна Николаевна, выслушать, понять, утешить. Ведь в жизни радости нередко

чередуются с огорчениями. Но, увы, девушка избегала общества матери. Тем более, что появился другой человек, целиком овладевший ее вниманием,—отец. Все эти годы он не давал о себе знать. И помощи никакой не оказывал. А тут вспомнил о дочери. Артист по профессии, он быстро завоевал ее симпатию—дорогими подарками, увлекательными рассказами. Теперь Антонина с нетерпением ждала очередного воскресенья, чтобы побывать в гостях у папы. Мать в такие дни места себе не находила: «У меня все валилось из рук от обиды и горечи, а она приезжала жизнерадостная и никогда не спрашивала, как мне здесь было». Мать плакала, упрекала дочь в бездушии и неблагодарности. Ждала сочувствия, а натыкалась на раздражение.

Подошла пора—Тоня собралась замуж. И тут новый удар. «Мам,—как бы между прочим сказала Тоня,—может, ты не пойдешь на свадьбу? Понимаешь... папа дал мне деньги на мебель и хотел бы быть на торжестве. А ведь ты не желаешь с ним встретиться?»

С годами Тоня все больше отдалялась от матери, хотя помощь ее принимала. Пошли дети. Как и прежде, каждое утро она капризно спрашивала: «Где мои чулки?» Не хотела понимать, что собственные дети смотрят на нее и перенимают ее привычки.

— Неразбериха, гвалт, пререкательства... Нервы не выдерживали,—жалуется теперь Татьяна Николаевна.—Сделала замечание, дочь взвинтилась: «Это моя семья, мне так нравится, не указывай!»

Да, поздновато взялась Татьяна Николаевна учить дочь уму-разуму. А теперь мать пожинала плоды того, что сама же посеяла...

Она целиком переключилась на внуков. Водила их в садик, обмывала, обстирывала, заболелюет—проводила рядом с ними бессонные ночи. И все принимала Антонина Вадимовна как должное. В душе у Татьяны Николаевны шевелилась обида, но она тешила себя надеждой: подрастут внуки и будут любить свою бабушку больше всех на свете! Ради них и замуж пошла за человека, у которого для нее привлекательным было только одно—дом с садом в пригороде Москвы. Ей так хотелось пестовать детишек на лоне природы... И Антонина, кстати, очень активно поддерживала мать в ее планах. Чем кончилась «дачное замужество», читатель уже знает. Татьяне Николаевне надо было возвращаться на прежнее место жительства—в Люберцы. Но не тут-то было—дочь не пустила мать на порог. Расудила так: дети подросли, нянька им не нужна, а старой матери вскоре самой потребуется уход. Да и освободившаяся комната уже отдана старшему сыну...

...Я присутствовала на судебном процессе и имела возможность наблюдать Татьяну Николаевну и Антонину Вадимовну в ролях истца и ответчика. Трудно было поверить, что эти две женщины—люди родные. Вид у младшей был деловой: в руках блокнот и ручка—и боевой, доказывая свое, она смело нападала на мать, высмеивала ее, стыдила. Под конец Татьяна Николаевна не выдержала и горестно закрыла руками заплаканное лицо...

После судебного заседания Антонина Вадимовна и ее муж пригласили меня к себе в дом.

— Вы у детей спросите,—угваривал меня Тимофей Иванович, пока жена возилась на кухне,—они же бабушку ненавидят.

— Да как же можно во все эти дразги впутывать маленьких!—возмущалась я.

Тимофей Иванович все-таки кликнул:

— Дети! Ну-ка, идите на минутку! Скажите, любите вы свою бабушку или нет?

Шестилетняя Катя под гипнотизирующим взглядом папы испуганно покачала головкой: «Нет».

— А ты,—не унимался папа, обращаясь ко второй дочери.—Любишь?

То же торопливое: «Нет».

— Вот видите,—торжествуяще провозгласил Тимофей Иванович.—Что я вам говорил?

Вид у девочек был такой несчастный, что я почувствовала себя участницей постыдной экзекуции.

— Я понимаю, с вашей точки зрения, мой поступок нехорош,—твердила в суде ответчица, когда ей напомнили о статье 66 нашей Конституции, где говорится совершенно определенно: «Дети обязаны заботиться о родителях, оказывать им помощь».—Но я же не для себя—для детей стараюсь!

Знакомая нотка: живу для детей...

Ведь и Татьяна Николаевна жила для любимого чада—Антонины. А к чему это привело, мы уже знаем.

Суд, тщательно изучив дело, вынес решение в пользу Татьяны Николаевны. Иначе и не могло быть. Но на этом история не кончается. Хочется надеяться, что после суда обе женщины—и мать и дочь—задумаются над горькими уроками своих поступков. Ведь свидетелями того, что произошло в их доме, являются дети...

Есть еще время и возможность прервать эстафету эгоизма. Именно поэтому здесь не названы настоящие имена.

Людмила ЛЯНГЕ

г. Люберцы,
Московская область.

И ТЫ ВОЙДЕШЬ В РАСПАХНУТЫЕ ДВЕРИ...

Хороший подарок получили юные москвичи в Международный год ребенка: строители досрочно, ко Дню Конституции СССР, завершили сооружение нового здания Московского государственного детского музыкального театра. Этот комплекс на проспекте Вернадского органично вписался в пейзаж «детской зоны» Москвы: здесь неподалеку расположен ордена Трудового Красного Знамени городской Дворец пионеров и школьников имени 40-летия Всесоюзной пионерской организации.

«Идея строительства нового здания для нас,— рассказывает заведующая литературной частью театра Роксана Николаевна Сац,— возникла давно. В старом здании на улице 25-го Октября, где мы работали более пятнадцати лет, зал, по существу, концертный. Это ограничивало творческие возможности труппы. И хотя нам предоставляли свою сцену другие московские театры, хотя мы часто выступали в клубах и дворцах культуры, было ясно, что необходимо свое специальное помещение».

И вот здание театра готово. Оно построено по проекту архитекторов А. Великанова, В. Красильникова и В. Орлова (главный инженер проекта Н. Максимук,

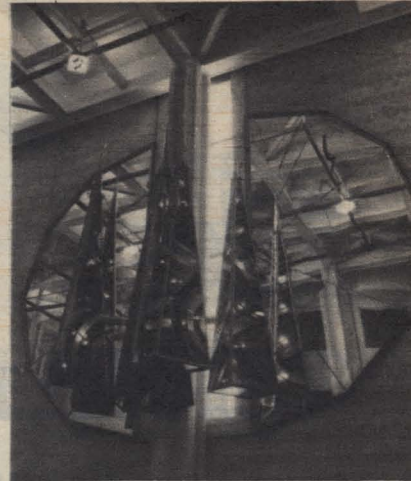
инженеры С. Белов и Ю. Гуров). Здесь два зала—большой (на 1250 мест) и концертный (на 320 мест), помещения для музея, педагогического и методического кабинетов. Пока дети смотрят спектакль, родители смогут встретиться с педагогами, музыковедами. Конструкция зрительных залов такова, что с любого места, даже с последнего ряда, маленькие зрители хорошо увидят, что происходит на сцене.

Уникален механизм сцены, он позволяет менять высоту ее отдельных участков, здесь есть поворотный круг. Это дает возможность ставить такие спектакли, где по ходу действия происходят всяческие чудеса, персонажи то «взлетают на небо», то «спускаются в ад», «ныряют на дно морское».

Теперь к прежнему репертуару, таким давно любимым детворой операм, как «Волшебная музыка» Марка Минкова, «Шапка с ушами» Эдуарда Хагагортына и «Максимка» Бориса Терентьева, прибавляются новые, сценически сложные спектакли. Коллектив театра под руководством главного режиссера, вице-президента Международной ассоциации театров для детей и юношества, народной артистки СССР Натальи Ильиничны Сац готовит оперу «Маугли» композитора Ширвани Чалаева по одноименной повести Р. Киплинга. Идут репетиции «Мастера Рокле», оперы немецкого композитора Йохима Верцлау, созданной по мотивам народной сказки, которую Карл Маркс любил рассказывать своим детям.

В декабре прошлого года нарядное здание гостеприимно распахнуло свои двери перед детьми. Состоялся первый концерт.

В. МАРИНЬО
Фото автора.

Не-

ТАЮЩИЙ УЗОР

...Шло собрание оренбургских художников. Повестка его была несколько необычна: в члены Союза художников СССР принимали работника Оренбургского комбината пуховых платков Ольгу Александровну Федорову.

Профессиональные живописцы впервые пригласили в свою творческую семью автора, создающего произведения не резцом и кистью, а обыкновенным вязанием. Впервые в выставочном зале на обозрение были вывешены ажурные пуховые платки «паутилки».

Мастерская Федоровой — весь комбинат, все двадцать три пуховязальных производства, расположенные в деревнях и поселках Оренбуржья. Ведь Ольга Александровна — инженер по качеству — первый ответчик за платки, поступающие на комбинат от четырех тысяч вязальщиц-надомниц. Она всегда охотно рассказывала о лучших мастерицах, давала их адреса, а сказать о себе — обычно не находила времени. Да я и не спрашивал. Казалось, что служба Федоровой у всех на виду, биография ее известна. Родилась и выросла в семье, где и мать и бабушка были искусными пуховницами, с малолетства приохотилась к ремеслу. Работала, вечерами училась в техникуме, с отличием закончила его.

Каждый день ее службы настолько занят хлопотами и заботами, поездками, заседаниями на комиссиях и техсоветах, что, кажется, невозможно выкроить и часа для уединенного творчества. А она выкраивала, отвоевывала у круговерти повседневной текучки тихие часы радости. Садилась за спицы, и чудо рождения белоснежных нетающих узоров вновь возникало в ее руках. Вязала в выходные и отпускные дни, поздними вечерами, вязала не по заданию и не ради приработка, а чтобы «душу потешить».

Однажды сплела «паутилку», соединив в ней три извечных цвета, свойственных оренбургским платкам: белый, серый и светло-серый. Платок вязала не напоказ, а чтобы «разгрузиться от давней задумки». Напряла 48 клубочков тончайшей пуховой пряжи, чтобы не перепутать нити, для каждого сшила кармашек. Сначала вывязывала маленький пробный экземпляр, платок-этюд, а потом уж с поправками и уточнениями в орнаменте — большой. Эта работа была удостоена на Пятой республиканской художественной выставке «Советская Россия» (1975 г.) диплома Министерства культуры РСФСР и Союза российских художников, а затем, как шедевр народного искусства, вошла в собрания Государственного Русского музея в Ленинграде.

Недавно на комбинате ввели долгожданную должность художника. Ее по праву отдали

Ольге Александровне. Обрадовалась. Многие хлопоты по организации производства отошли к другому человеку, можно сосредоточиться на основной задаче — повышении художественного качества оренбургских платков.

Главная опора Федоровой — художественный совет комбината, куда входят лучшие вязальщицы, лауреаты творческих конкурсов. С их помощью она направляет развитие промысла по пути истинно народных традиций, старается выявить характерные методы наиболее талантливых мастериц.

Ольга Александровна принесла со склада несколько белых «паутинок». Показала одну из них.

— Вот ажурный платок Шамсури Абдуллиной, связанный несколько лет назад. Вязка тонкая, искусная, но... обратите внимание на рисунок. Середину платка от каймы отделяют две «решетки». Зачем? Здесь достаточно бы одной. А посмотрите, сколько всевозможных «уголков» окаймляют серединку. Орнамент загроможден. Абдуллина — опытная мастерица, но увлеклась, перестаралась. А вот ее новый платок, недавно связала...

— Прелесть! Само совершенство! — Трудно сдержать восторг при виде шелково-пуховой «снежинки».

— Этот платок отличает от первого простота композиции. Мы всегда советуем вязальщицам не усложнять чрезмерно рисунок, не перенасыщать его элементами орнамента. Подальше от вычурности, поближе к простоте и естественности. Лучшие наши мастерицы полагаются не на интуицию, а на знание и опыт, вяжут не просто как бог на душу положит, а в строгом стиле давних традиций промысла, глубоко изучая этот стиль, развивая в нем самое талантливое.

Вязальщиц я знаю многие годы. Научилась по платку определять своеобразие, характер каждой. У одной он ровный, спокойный, у другой — вспыльчивый, капризный, и все эти качества мастерица в платке проявляет. Вязание не терпит неряшливости, долгих перерывов в работе. Нужны тишина и радость в сердце, особое радение и добрый настрой. Заметила: хороши платки у женщин, в семьях которых совет да любовь, а сами они аккуратны, чистоплотны... Когда я ходила по домам и принимала от вязальщиц изделия, то уже на крыльце знала, какой платок получу, — с улыбкой рассказывала Ольга Александровна. — Вот взглянешь, бывало, к Дарье Гривцовой — душу отведешь. Все-то у нее уложено, крыльцо высокблено, полы намыты, занавески на окнах накрахмалены... У солнечного окошка тетя Даша сидит, вяжет и напеваает какую-нибудь грустинку. Платки от нее шли славные, песенные... Или вот Мария Скопцова. Тоже милая, опрятная женщина, и вязка у нее ровная — загляденье! А как с другой зайдешь — были и такие — не возрадуешься. Уже во дворе начинаешь спотыкаться: беспорядок, захламленность. А коль люди свой дом не уважают, значит, и себя. Разве можно при такой безала-

берности что-то путное сотворить?! Вязальщицу надо красотой окружать, чтобы возле нее и в ней самой, в душе ее порядок был.

Оренбургский платок хранит в себе не только ласковое тепло пуха. В нем проглядывает душа мастера. И хотя вязальщицы пользуются в общем-то одним и тем же традиционным набором узоров, каждой удается заставить по-своему «заговорить» свое творение. Однако сама вязальщица никогда не скажет, что ее работа — творчество, искусство. Попроще слова найдет. Покажет платки, улыбнется: «Вот поглядите на мое занятие».

Ольга Александровна взяла с полки ажурный платок и, не глядя на маркировку, сказала:

— Этот из никитского производства, а тот из саракташского. Их, саракташских-то вязальщиц, я сразу по рисунку и манере узнаю. Они в кайме «пшенку» и «косорядки» применяют. А вот черкаские мастерицы любят по кайме «горошек» пустить. У дубинских вязальщиц в почете узор «корольки».

Как семья пчел, облетая тысячи цветов, собирает «дань полевую» в один общий улей, так и оренбургские вязальщицы всех двадцати трех производств привносят в ремесло создания знаменитого платка самые ценные, самые лучшие свои творческие накопления. От матери к дочери, от дочери к внучке. Непрерывная живая связь поколений, неиссякаемый родничок народного творчества.

В село Желтое, на родину Федоровой, я последний раз заезжал зимой. Было тепло и светло от снега, что валил и валил с низкого неба, укутывал скирды сена, крыши домов, деревья. Кругом было белым-бело, и казалось, что село зарылось в пух и спит. А за олицей — голубоватая даль степи, и невольно подумалось мне, что пуховый платок в Оренбуржье родился не только потому, что здесь водятся пуховые козы. Видимо, эти снежные равнины и раздольные степи помогли найти форму и содержание рукоделия, язык и ритм его...

Желтинские вязальщицы рассказывали об Ольге Александровне с гордостью, как о своей воспитаннице, землячке:

— Из здешних она, нашенькая. Смолodu была опрятна, работяща. Характером-то вся в матушку, Дарью Федоровну. У той все в руках так и летало... Э-эх, посмотрела бы сейчас покойница на свою дочь да возрадовалась...

— Оленька из города за платками к нам ездила. Приедет, а они у нас не готовы. Такая оказия по осени случалась. Спешных дел накопится невпроворот: картошку копать, овощи соли, корм скотине готовь, свадьбы играй... До платков руки не доходят. Олюшка-то, бывало, — грязь ли, дождь — все дворы обойдет, с каждой вязальщицей встретится. Заглянет и скажет: «Я к тебе, тетя Паша, по важному личному делу». А сама о платках и плане начнет разговор. Этак у нее всегда было: свое и государственное в один интерес сплетала.

— И уж так тебя попросит, убедит, уговорит ласково, что отказать никак нельзя. Все исполнишь, как надо, не то совесть заест.

Год от года крепнет дарование Федоровой. Недавно ее работы были отмечены Почетным дипломом Президиума Академии художеств СССР, новые произведения ее выдвинуты на соискание Государственной премии СССР имени И. Е. Репина.

Расставаясь, я смотрел на ее маленькие, красивые, очень живые, словно бы думающие руки, и мне невольно вспомнились слова, которые Ольга Леонардовна Книппер-Чехова написала одной своей юной поклоннице: «А жить надо просто и внимательно, с любовью делать свое хотя бы и маленькое дело и любовью делать его большим».

Именно так и живет Ольга Александровна Федорова.

И. УХАНОВ
Фото автора.

Оренбургская область.

В. МАШЕНКИН. СПОРТИВНЫЙ ПРАЗДНИК.

- Портрет писателя работы В. Серова.
- В комнате Марии Павловны.
- За этим столом была написана «Степь».
- Гостиная.

«ПИШУ»

В

ечером, когда стемнеет, над входной дверью двухэтажного особняка, что на Садовом кольце, зажигается фонарь. Ветер раскачивает фонарь, на двери поблескивает металлом табличка: «Доктор А. П. Чехов».

Вокруг — Москва. Шумная, оживленная, сегодняшняя, а здесь, у крыльца чеховского дома, словно и снег скрипит по-иному, не как везде, и суеты нет.

Девяносто лет назад Садово-Кудринская была почти тихой улицей, и в палисаднике дома Корнеева, у которого сняла квартиру семья Чеховых, цвели цветы. Совсем немного прожил здесь Чехов — с осени 1886-го до весны 1890 года, но за эти четыре года из молодого талантливого юмориста Антоши Чехонте вырос один из прекраснейших русских писателей. Достаточно сказать, что здесь была написана «Степь», здесь родился «Иванов».

...Мы не боимся авторитетов, больше того, испытываем почтение к ним. И потому, может быть, Чехова видим немолодым, большим человеком, непременно в пенсне, непременно печально и серьезно глядящим... А в том 1886 году он писал: «Мне до сих пор иногда снится еще гимназия: невыученный урок и боязнь, что учитель вызовет... Стало быть, юн».

К 120-летию
со дня
рождения
А. П. Чехова

И ЛЕЧУ»

Юный, совсем еще юный доктор Чехов. Лишь два года назад он закончил медицинский факультет. И в доме на стене висит фотография — весь выпуск 1884 года.

Эти все комнаты были полны шума и веселья, музыки, смеха гостей — друзей Антоны и Миши, подруг и поклонников очаровательной Ма-Па, как шутливо называли сестру, Марию Павловну. В. Г. Короленко говорил о кудринских годах как о «самом счастливым времени» жизни Чехова и его семьи.

Но беззаботной эта жизнь не была. Во всяком случае, для Антоны: он уже главный в семье, кормилец в полном смысле слова. А отсюда — ежедневная, изнурительная работа. Если взглянуть на написанное Чеховым за эти годы, начинаешь осознавать и безграничность его удивительного таланта и невероятную работоспособность.

Постоянно не хватало денег, но это не слишком удручало обитателей дома: шторы покупать дорого — повесим дешевые занавески, маляра пригласить не на что — Миша и Маша сами оклеивают комнаты. И все это легко, весело — смеяться-то здесь умеют! Чего стоит одна из книг, хранящаяся и ныне в доме: «Пестрые рассказы» А. П. Чехова. На ней надпись, сделанная рукой писателя: «Уважаемому Антону Павловичу Чехову от автора. 86.V.24».

Талант притягивает талант. Это аксиома. Не потому ли в кудринском доме перебивало великое множество интересных, ярких людей? Достаточно назвать близкого друга Чехова И. И. Левитана, вспомнить о Д. В. Григоровиче, П. И. Чайковском, А. Н. Плещееве, А. П. Ленском, В. Г. Короленко, В. А. Гиляровском, В. И. Немировиче-Данченко.

«В редком доме встречал такое трогательное радушие, такую счастливую атмосферу душевности и непринужденности», — вспоминал часто бывавший у Чеховых писатель И. Л. Леонтьев-Щеглов. Здесь же Чехов позна-

комился с Ликой Мизиновой, которой в ту пору было девятнадцать лет, и она, как и Маша Чехова, преподавала в гимназии. Дружба ее с семьей Чеховых, с Антоном Павловичем продолжалась много лет. Сложно говорить о человеческих взаимоотношениях, Лика любила Чехова, в ее жизни многое складывалось непросто; образ ее остался в литературе — она, как считают исследователи, была прототипом Нины Заречной...

В доме все внимательны друг к другу, они талантливы, красивы, остроумны, музыкальны. И добры. Может быть, и с этого тоже начинается великий русский писатель Чехов. С доброты. Ведь доктор Чехов, много практикующий («Пишу и лечу», — говорит он о себе в то время), часто не берет денег за лечение. С доброты близких. «Мать Чехова, дорогая Евгения Яковлевна, и его молоденькая сестра, Мария Павловна, были решительно добрыми гениями Антоны Павловича, и нежно заботливого уходу, которым он был неизменно окружен... наверно, позавидовал бы не один современный муж», — рассказывал И. Л. Леонтьев-Щеглов.

«Душа в нас со стороны матери», — говорил Чехов. Евгения Яковлевна была едва ли не самым скромным и незаметным из жильцов кудринского дома. «Все ее хлопоты заключаются в заботах обо всех и в нерадении о самой себе» — так определил Михаил Павлович Чехов главное в характере матери.

В музее представлены фотографии Евгении Яковлевны. Умное, серьезное лицо... Мать одного из величайших писателей России.

Так уж получилось, что вся жизнь Марии Павловны Чеховой была отдана брату. Здесь, в Кудрине, Ма-Па совсем еще молодая, не та старушка, которую мы помним по недавним, в общем-то, фотографиям. А в этом доме она почти девочка — с решительным взглядом светлых глаз, увлекающаяся театром,

литературой, музыкой. Но и она же преподавательница истории и географии в женской гимназии.

Энергичная, деловитая Маша делит вместе с Евгенией Яковлевной многочисленные хозяйственные заботы. «...Марья Павловна у нас главная, и без нее каша не варится. Я полагаюсь во всем на нее; как она захочет, так пускай и будет», — писал Чехов. Не случайно перед отъездом из кудринского дома на остров Сахалин Антон Павлович записал: «В случае утонуть или чего-нибудь вроде, имейте в виду, что все, что я имею и могу иметь в будущем, принадлежит сестре; она заплатит мои долги».

Хотя мы и привыкли повторять, что большое видится на расстоянии, но, видно, Маша Чехова с юности наделена была особым зрением, потому так внимательна она к брату, так серьезна ее забота о нем. «Счастлив тот человек, который, прожив до глубокой старости, может сказать: я выполнил то, что хотел. Жизнь была посвящена любимому делу, и я удовлетворена, что это дело принесло пользу. Моя жизнь была посвящена брату» — так говорила Мария Павловна в конце своей жизни.

Комната Маши Чеховой — одна из самых интересных в доме. Портреты и портретики на стене, зеркало на комод, салфетки, чуть кокетливый миниатюрный письменный стол, вышивание, недописанное письмо.

...Музей — словно мостик, переброшенный из нынешнего века в минувший. Когда здесь открывают форточки и ветер начинает раздвигать занавески на окнах, шевелить листья наивных цветов в горшках, дом наполняется жизнью, и ты словно дышишь одним с Чеховым воздухом.

А вечерами мягко и тепло светятся окна первого этажа — кабинета Антоны Павловича. «Работать и иметь вид работающего человека в промежутки от 9 часов утра до обеда и от вечернего чая до сна вошло у меня в привычку, и в этом отношении я чиновник», — писал Чехов. Этот «чиновник» занимает огромное место в русской, в мировой литературе. Он был известен, популярен при жизни, но по настоящему оценить все, что оставил Чехов людям, смогли лишь гораздо позже. Переворот, совершенный им в театре, был ошеломляющим. Его громадный талант дал нам рассказы, равных которым по уровню художественного совершенства нет в мире, рассказы, обладающие загадочной внутренней динамикой, они современны сейчас так же, как в момент создания. Его эпистолярное наследие открыло нам целый мир сложных, прекрасных человеческих взаимоотношений.

...Один из посетителей музея спросил: почему в кабинете Антоны Павловича так темно — горит одна только лампа на его столе? «Он так любил», — убежденно ответила пожилая женщина, присматривавшая за порядком. Ответила так, словно Чехов совсем недавно оставил этот кабинет.

В музее мне объяснили, как велико значение кудринского дома — одного из немногих, сохранивших подлинную обстановку, подлинные реликвии. Но даже и не это казалось мне сейчас самым главным. Слова «национальная святая» для сотрудников музея звучат в своем первоначальном значении. Бесценное сокровище доверено им, и берегут они его истою, поклоняясь Чехову, его таланту, сохраняя веру в насущную необходимость своей работы.

И, увидев в свете фонаря табличку с фамилией известного всему миру доктора, протяните руку и позвоните. Вам непременно откроют...

Л. ЛУКЬЯНОВА
Фото Н. МАТОРИНА.

ОЛИМПИЙСКАЯ МОЗАИКА

ЗАЖЖЕННЫЙ ОТ СОЛНЕЧНЫХ ЛУЧЕЙ

Теплым ноябрьским вечером мы, группа советских журналистов, проехав сотни километров по дорогам Греции, оказались в знаменитой Олимпии. Прошли «аллеи эллинов», поднялись на несколько мраморных ступеней и шагнули на территорию Священной рощи. Закатное солнце освещало величественные развалины храма Зевса, нагромождения рухнувших колонн, белые мраморные плиты.

По преданию Зевс, возвращаясь с острова Крит к себе на Олимп вместе с Гераклом и его пятеро братьями, остановился в этой роше близ города Олимпии передохнуть. Геракл, чтобы поразвлечь утомленного бога, устроил спортивные соревнования братьев. Победителей увенчали оливковой ветвью. С тех пор эта роша стала местом проведения спортивных игр. В VII веке до нашей эры древние греки поставили здесь храм богини Геры, а спустя два века возвели грандиозный храм Зевса с величественной статуей бога. До сих пор на мраморных плитах пола видно место, где стояла эта статуя из мрамора, золота и слоновой кости...

Теперь уже ничего не осталось от легендарной Олимпии, только горы вокруг, да оливковые роши, да голубой купол неба и золотое солнце, что светило древним грекам так же, как светит оно нам, жителям XX века. В 426 году нашей эры римский император Феодосий II предал город огню, а землетрясения 522 и 551 годов довершили его уничтожение. Много веков в запустении и забвении пребывала эта земля. Но память человечества прочнее времени, стихий и разрушительной воли завоевателей. Во второй половине XIX века вновь пришли сюда люди. Они сняли верхние слои земли, расчистили завалы, соединили обломки и поставили колонны, откопали великопальные статуи. Так вновь открылось место, где зародилась, достигла расцвета, угасла, а потом вновь возродилась одна из прекраснейших традиций, оставленных челове-

ству древними греками.—Олимпийские игры.

...В полдень, когда солнечные лучи почти отвесно падали на алтарь храма Геры, в чаше, наполненной легко воспламеняющимися эфирными маслами, вспыхивал огонь. Юноша зажигал от него факел, бегом доставлял его на находившийся неподалеку стадион—Леонидайон. Так открывались празднества Олимпийских игр. Именно празднества, потому что они включали в себя не только спортивные состязания по гимнастике, бегу, метанию диска и копья, гонке колесниц, но и выступления поэтов и музыкантов, торжественные процессии, церемонии и жертвоприношения богам. Мужчины выступали обнаженными, женщины на празднества не допускались. Сила, ловкость и физическое совершенство так ценились древними греками, что желая принять участие в Играх создавались особые условия: они готовились к соревнованиям в течение года в специальных школах—гимнасиумах (остатки одного из них находятся рядом со Священной рощей). Победителей — олимпиоников — венчали оливковой ветвью, которую срезали тут же золотым ножом, проसлавляли на всю Грецию, ставили им статуи при жизни. С 776 года до нашей эры сохраняется каталог победителей, и эта дата считается годом первой Олимпиады.

Раз в четыре года зажигался огонь на алтаре Геры. И в это время на месяц (а позже на три) объявлялся «священный мир»: прекращались все войны и распри, прощались долги, выпускали на свободу преступников и во всей стране торжествовало дружелюбие. Именно это особенно привлекло любителя древности французского педагога Пьера де Кубертена, предложившего возродить Олимпийские игры. В 1894 году это предложение было принято, и в 1896-м, через 16 веков после их отмены, Олимпийские игры вновь состоялись. Они проходили в Афинах. Над столицей Греции поднялась эмблема Олимпиады—пять переплетенных колец красного, желтого, черного, голубого и зеленого цветов, символизируя единство пяти континентов земного шара.

...Над Священной рощей догораю солнце. Меж лимонными и оливковыми деревьями шли мы по песчаной дорожке к обелиску, где покоится сердце Пьера де Кубертена. Благодарное человечество не забывает того, кому обязано возрождением замечательной традиции, осященной идеей мира и дружбы. Много людей приходит сюда поклониться его памяти. Сделали это и мы. На красном стадионе Олимпийской академии, совсем неподалеку от исторического Леонидайона, мальчишки-школьники тренировались в беге, совершенствуясь в силе и мастер-

ДЕРЕВНЯ В ГОРОДЕ

Скорее это город в миниатюре, город, жителями которого станут лучшие спортсмены мира. Называют его Олимпийской деревней по давней традиции. В 1932 году, когда Олимпиада проходила в американском городе Лос-Анджелесе, на поле для игры в гольф были поставлены семьсот маленьких деревянных сборных домиков, в которых разместились более тысячи спортсменов из 37 стран. Деревню обнесли сеточным заграждением, ковбой на лошади обеспечивали охрану. Так впервые спортсмены разных стран получили возможность общаться не только на состязаниях, завязывать личные контакты, обмениваться опытом, что как нельзя лучше отвечало целям олимпийского движения.

Как разительно отличается от той, первой, московская Олимпийская деревня! Больше 13 тысяч жителей из 130 стран разместятся в ее многоэтажных корпусах, которые уже построены на Юго-Западе столицы, вдалеке от промышленных предприятий и шумных автострад, в окружении садов и парков. Отсюда недалеко до главных спортивных арен Олимпиады-80: всего 15 минут езды до Центрального стадиона имени В. И. Ленина, где пройдут официальные церемонии открытия и закрытия Игр, где будут проводиться соревнования по семи видам спорта.

Проект застройки Олимпийской деревни, разработанный коллективом архитекторов мастерской № 3 Моспроекта-1 во главе с лауреатом Ленинской премии Е. Н. Стамом, предусматривает все, чтобы спортсмены могли себя чувствовать как дома.

Жить будут спортсмены в двух- и трехкомнатных квартирах. В каждой комнате, рассчитанной на двух человек,—удобные деревянные кровати (предусмотрены и

кроватьи особые—для спортсменов высокого роста), прикроватные тумбочки, платяной шкаф, журнальный столик, полумягкие стулья.

Не выезжая за пределы деревни, спортсмены смогут отдохнуть,

развлечься, снять напряжение после трудных состязаний. На территории деревни построен культурный центр, где к услугам олимпийцев театрально-концертный зал на 1200 мест, два кинозала, музыкальный салон, танцевальный зал, библиотека, зал игровых автоматов, телехоллы, ресторан. Разработаны специальные концертные программы, жители Олимпийской деревни познакомятся с лучшими профессиональными и самодеятельными коллективами, многонациональным искусством нашей страны.

...После окончания Олимпийских игр деревня станет еще одним микрорайоном Москвы. Здесь построены 4 детских садика и 2 школы—на время Игр в них разместятся административно-хозяйственные службы.

В. ШВОРИНА

стве, как их далекие предки. Прошлое, каким бы далеким оно ни было, продолжается в настоящем. Пройдет немного времени, и самая красивая девушка Греции в белой тунике поднесет факел к небольшому рефлектору, установленному на алтаре Геры, и от солнечных лучей зажжется олимпийский огонь. Лучшие бегуны, сменяя друг друга, понесут его по дорогам Европы. 19 июля он вспыхнет в гигантской чаше стадиона в Лужниках, и 1980-й войдет в историю международного спорта как год летних Игр XXII Олимпиады в Москве.

Олимпия,
Греция.

И. СКЛЯР

«КОМПАС»
МОСКОВСКОГО МЕТРО

СРАЖЕНИЯ— ВПЕРЕДИ

32-летнюю участницу трех Олимпиад, фехтовальщицу Елену Белову, недавно защитившую диссертацию на звание кандидата педагогических наук, по сей день считают бесспорным лидером нашей сборной, претенденткой на олимпийскую корону.

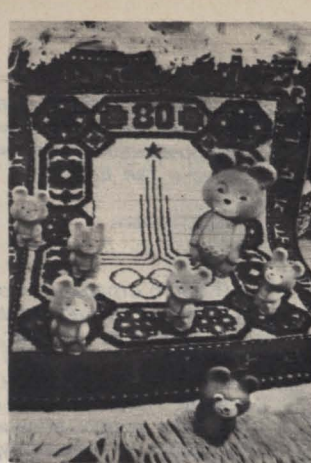
Белова не ошеломляет противниц каскадом фехтовальных приемов, но зато обладает столь

острым чувством боя, чувством дистанции, что противницы подчас буквально не могут к ней приблизиться. Разве лишь затем, чтобы получить укол. При всем своем хладнокровии на дорожке Белова—лавина, шквал.

Конечно, трудно строить какие-то прогнозы: олимпийскую награду получит самый сильный. Фехтовальные поединки сейчас совсем не те, что были каких-нибудь пятнадцать лет назад. Они стали динамичней, острее, лаконичней. А их популярность во многих странах привела к бурной и постоянно растущей конкуренции на мировом помосте. Но кто бы ни претендовал сейчас на титул чемпионки Олимпиады—советские фехтовальщицы его без боя не отдадут. Главные сражения—впереди.

Т. ЛЮБЕЦКАЯ

МИША И ДРУГИЕ

Нет Олимпиады без сувениров—такова традиция. Не изменила ей и предстоящая Олимпиада-80.

— Что чаще всего спрашивают у продавцов?

С таким вопросом мы обратились к директору московского магазина «Олимпийский сувенир» Нелли Степановне Хромовой.

— Конечно, олимпийского Мишку! Полюбившийся всем талисман изображен на брелоках и значках, украшает кубки и сервизы. Его вырезают из камня и отливают в стекле, делают из металла и фарфора, для малышек предлагают олимпийские игрушки из пластмассы.

Думается, что самым взыскательным покупателям понравится симпатичный фаянсовый Миша, созданный художником В. Петровым в лучших традициях древнего гжельского промысла. Кому не захочется увезти с собой колоритный русский сувенир!

Почти полмиллиона представителей этого веселого семейства в 36 воплощениях выпустили в свет 19 предприятий страны.

А вот тюлененка Вигри, младшего брата Миши, заставить на столичных прилавках труднее, может быть, потому, что родина его—Таллин.

У традиционной русской матрешки появился новый облик олимпийской хозяйки: в руках она держит хлеб-соль, на ее фарфучке—олимпийские кольца.

Специальную подарочную серию косметики «Олимп» выпускает производственное объединение «Свобода», марку парфюмерной фабрики «Новая Заря» можно встретить на духах и одеколоне с олимпийской символикой.

Более двух с половиной тысяч дипломов выдано предприятиям страны на право выпуска сувениров к Московской Олимпиаде.

Есть в городе Череповце предприятие, которое рядом с гигантом металлургии кажется совсем карликовым. Однако продукция его—яркие, красочные покрывала, шторы, салфетки—известна не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Предприятие это—фабрика художественного ткачества «Красный ткач». Рисунки изделий фабрики выполнены в традициях русского Севера. Художники—постоянные гости местного краеведческого музея. В его богатейших запасниках находят они источники для своего творчества.

Фабрика получила почетный заказ—изготовить изделия с олимпийской символикой.

— С ткацких станков,—рассказала директор фабрики М. Д. Бигут,—сошли сотни метров хлопчатобумажной портьерной ткани с рисунком «Москва-80» и полушерстяной ткани, на которой красиво выткан: «Олимпиада-80».

В московский магазин «Русский сувенир» отправлены тканые сумки и закладки, салфетки и полотенца с олимпийской символикой. Авторы этих орнаментов—художники З. И. Данилова, Е. В. Мельникова, Н. Л. Василькова, а творец опытных образцов—мастер высшего класса ткачиха Л. М. Воскресенская.

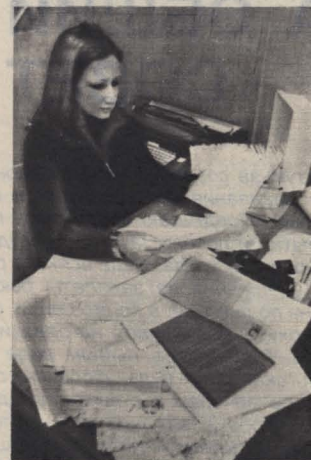
В. МУСАТОВА,
Н. ФЕДОРОВА.

15 ТЫСЯЧ ПИСЕМ

поступило в адрес Оргкомитета XXII Олимпийских Игр только от зарубежных адресатов.

Что волнует их авторов? Ответить на этот вопрос мы попросили сотрудницу олимпийского Оргкомитета О. Н. Орлову.

— Большинство наших корреспондентов просят сообщить различную информацию о предстоящей Олимпиаде-80. Очень многие желают посетить Москву, Таллин, Ленинград, Киев, Минск, где будут проходить соревнования. Естественно, авторы из-за рубежа интересуются правилами ввоза в СССР, бронированием мест в гостиницах, приобретением авиа и железнодорожных билетов. Многие спрашивают о культурной

программе Игр. Есть в почте и сюрпризы. Художник из Чехословакии Алмандис Харис прислал рисунки: символический медвежонок поднимает штангу, скачет на коне, плавает—словом, участвует в состязаниях. Рисунки чешского художника лаконичны, остроумны, выразительны. Они будут использоваться в качестве рекламы Игр.

В другом письме оказались нотные листы. Их прислал рабочий из Франции Раймон Кено. Он увлекается сочинением музыки, некоторые из его песен стали популярными. Мечта Кено—услышать свои песни на Олимпиаде в Москве. А школьный учитель из Алжира Алэн Асаф вместе со своими учениками послал в адрес москвичей приветственную поэму, иллюстрированную рисунками и фотографиями. Дитер Вакер из ГДР прислал макеты тарелок с изображением гербов городов, где будут проходить соревнования, а также сувенирных кружек с эмблемами.

Поток корреспонденции продолжает расти.

Э. ГУСЕВА

Знаете ли вы, сколько станций в Московском метро? Сто тринадцать. Но ни на одной из них вам не дадут заблудиться заботливые проводники: указательные знаки переходов и пересадок, щиты с подробной информацией о том, как и куда доехать.

Метрополитен, как и вся столица, готовится сейчас к Олимпиаде. На многих станциях уже действует служба информации. Именно этой службе придется особенно потрудиться на «олимпийской» вахте: справки по телефону будут выдаваться на четырех языках. На станциях близ основных олимпийских объектов, на крупных пересадочных узлах появятся схемы с

латинскими надписями. Более двух лет специалисты метрополитена искали пути к преодолению языкового барьера, изучали опыт работы метрополитенов других стран.

Вот что рассказывает главный инженер Московского метро Аркадий Сергеевич Бакулин:

— Разработаны и утверждены Министерством путей сообщения 15 информационных знаков-символов—«вход», «выход», «проход запрещен», «курить не разрешается» и других, а также три указателя пересадок на другие виды транспорта. Специалисты решили поместить знаки на синем фоне—это международный цвет информации. Знаки выполне-

ны на армированном стекле с подсветкой изнутри.

В дни Олимпиады пассажиров подземной дороги, конечно же, прибавится. Метрополитенцы готовятся к этому двухнедельному часу «пик»: быстрее побегут эскалаторы, уплотнится график движения поездов. Да и сами экспрессы изменят свой вид. Постоянные пассажиры кольцевой линии Московского метро уже ездили в новых вагонах—голубых, с желтой широкой полосой. В каждом таком поезде уместится дополнительно еще 150 пассажиров.

Т. ПРИДВОРОВА

ПОЧТА „РАБОТНИЦЫ“

покрытие расходов, связанных с лечением алкоголиков, строительством лечебно-трудовых профилакториев, вырезивателей, диспансеров и так далее.

В. КИРИЛЛОВ

г. Новосибирск.

Редкий редакционный день проходит без того, чтобы в пачке читательских писем не было особенно горького, обжигающего сердце письма о пьянстве. В каждом — своя боль, своя судьба. Но есть среди этих жалоб, исповедей, гневных обвинений, просьб о помощи и письма-размышления, авторы которых не просто делятся личной бедой, но и предлагают конкретный путь борьбы с «зеленым змием».

Вот строки из них.

НА ОБЩИЙ СОВЕТ

Я ратую за создание нового закона о повышении наказания за проступки в нетрезвом состоянии. Предлагаю взыскивать полностью все убытки и потери за счет принудительного сверхурочного труда. Ведь всякого рода штрафы и удержания из зарплаты бьют прежде всего не по пьянице, а по его семье. Наказания же сверхурочным трудом на близких не переложишь. Появился в пьяном виде на улице, затеял скандал — будь любезен отработать штраф по вечерам и в выходные дни. Желательно, чтобы взыскание это накладывалось без суда, органами милиции или общественными организациями. Впрочем, разработать все детали — дело юристов. Рабочие руки народному хозяйству нужны, да и пьянице пойдет на пользу, если в свободное время он потрудится бесплатно на общее благо, вместо того чтобы торчать у пивного ларька. Средства, заработанные таким образом, можно направить на

Я много страдала от отца пьющего, от мужа пьющего, а сейчас страдает сын — у него плохое здоровье, говорят, результат пьянства отца. Почему я взялась за это послание? Вот говорят, что сухой закон ввести невозможно. А почему? Неужели водка необходима человечеству, как воздух, вода и пища? Почему бы не попробовать? Меньше будет женских и детских слез. Даже сами мужчины будут рады. В океане меньше людей тонет, чем в этой проклятой водке. Все, что имеет государство от ее продажи, восполнится другим. Вот что бы я предложила: закрыть все ларьки и киоски с водкой. А выдавать ее по талонам: на свадьбы, новоселья, дни рождения взрослых.

А. АЛЕКСАНДРОВА

г. Москва.

Зайдите в любой гастроном, в винно-водочный отдел. Посмотрите, какие красивые этикетки на бутылках. Одна другой заманчивее! То «Экстра», то «Посольская», «Петровская», «Золотая осень» и еще бог знает что. Так и хочется купить и попробовать. У нас в Кременчуге перед Новым годом в каждом гастрономе были оборудованы «подарочные уголки». Поинтересовался и я этими уголками, хотел купить подарок жене. Но ничего подходящего не нашел. Повсюду продавались целлофановые сумочки, а в них бутылки водки, коньяка, вина. Все это перевязано красивыми лентами, и надпись: «С новым годом!» Ну как тут устоять? Конечно, работникам торговли выгодно продавать это зло, с них ведь требуют план, а как он будет выполнен, никого не интересует. Почему бы не исключить водку из плана товарооборота?

Д. Е.

г. Кременчуг.

Учитывая многообразие и сложность причин пьянства, целесообразно организовать специальный научно-исследовательский институт по комплексному изучению этой проблемы. Хотелось бы объединить усилия психологов, физиологов, генетиков, философов, социологов, педагогов для выработки научно обоснованных и предельно конкретных мер борьбы с алкоголизмом. Целесообразно постепенно сокращать производство и продажу спиртных напитков. Желательно ввести хотя бы один «сухой день» в неделю и усилить ответственность за изготовление и продажу самогона.

В. СТРУГАЛЛО

г. Краснодар.

Мне 26 лет. Но я уже успел испытать на себе порок пьянства. Только благодаря помощи жены и тещи я снова стал нормальным человеком, прошел курс лечения в наркологическом отделении больницы. Раньше я не хотел считать себя алкоголиком, так же, как многие, говорил, что могу в любой момент бросить пить. И не мог. Сейчас стыдно и страшно вспомнить о том, сколько горя я причинил близким. Пьющий человек всегда винит всех, кроме себя. Я тоже считал, что пью из-за жены, при малейших неприятностях хватался за бутылку. Дошло до того, что жена ушла, я же, озлобясь, начал пропивать вещи. Сколько терпения понадобилось теще, чтобы убедить жену вернуться и вместе бороться за меня. Они уговорили пойти к врачу, я начал лечиться.

Сейчас я совсем здоров, работаю на ГПЗ-14, учусь в вечерней школе. И знаете, понял: трезвому гораздо интереснее жить.

Я обращаюсь к женам и матерям: помогите своим близким, не бросайте их на произвол судьбы. Поверьте в них и дайте им поверить в себя. Убедите пойти к врачу — право же, ничего в этом нет страшного. Я не боюсь подписать письмо своим именем. Я писал от всего сердца. Очень мне хочется, чтобы наши жены меньше плакали и не знали горя.

Вячеслав БОРОВИКОВ

г. Прокопьевск,
Кемеровской области.

НЕ ПЛАЧЬ, ТАНЯ!

Наша Таня горько плачет... А как же ей не плакать, если в городе Калининграде, где она живет, во дворе домов №№ 24, 26, 28 и 30, детям негде поиграть, покататься на качелях или на горке. Несколько лет назад было здесь целых две детских площадки. Но на одной, увы, все сломалось, пришлось в негодность. А другую строители ПМК-200 и вовсе «смили» с лица земли.

Впереди зима и еще весна. Может быть, найдется у взрослых дядей из ЖЭК № 7 и ПМК-200 время, чтобы подумать о Тане и о многих других ее сверстниках.

**ПОГОВОРИ
СО МНОЮ, МАМА**

Так не только в песне поется. Ведь и на самом деле очень хочется поговорить с родной мамой, если даже она живет в другом городе. На этот случай есть междугородный телефон.

А вот у И. Г. Русовой важный разговор так и не состоялся. Сама Русова живет в г. Степанакерте Азербайджанской ССР, а мама ее — в поселке Красногородское, что в Псковской области. Инициатива телефонного разговора принадлежала маме. Получив вызов, семья Русовых более двух часов просидела на почте и ушла, как говорится, ни с чем. Через два дня история повторилась.

Красногородские телефонистки тщетно взывали к бакинским коллегам: соедините со Степанакертом! Те отвечали: «Абонент не явился».

Видимо, работники телефонной службы Баку не знают популярной песни. Иначе разве могли бы они сорвать столь важный разговор?

Для вас, МОДНИЦЫ

Если вы, дорогие читательницы, поклонницы абстрактного искусства, если вам вдруг придет в голову идея сшить себе платье с рисунком в этом духе, купите ткань Маргиланского комбината шелковых тканей и постирайте ее разочек. Синие колокольчики и васильки после стирки расплывутся разводами неопределенного цвета и неопределенной формы, которые напомнят вам лучшие творения мастеров абстрактной живописи.

В этом мы убедились, развернув посылку, присланную жительницей г. Намангана З. М. Горкушевиной, — платье из ткани, выпущенной в Маргилане, оказалось именно в таком духе.

ПОРТРЕТ АБСТРАКЦИОНЕЦА

получила в подарок от Химкинско-го фотохудожественного комбината М. А. Шмидт, жительница поселка Сосновая, Пермской области. Увы, как ни хороша была девушка, изображенная на портрете, Мария Афанасьевна радости от «презента» не испытала. Ибо ждала она совсем другой портрет — своего мужа, который она мечтала преподнести ему ко дню рождения.

Заплатив за пересылку, заказчица отправила бандероль обратно в Химки, что ни далеко ни близко — в Московской области. Начальник портретного цеха И. В. Ермук оперативно извинился и обещал исправить ошибку. С тех пор немало воды утекло. Давно отразнован день рождения, а из Химок — ни привета, ни портрета.

ПЕРСОНАЛЬ

БОЛГАРСКИЙ ОБЕД

ШОПСКИЙ САЛАТ

Помидоры, перец и огурцы нарезать мелкими ломтиками, смешать, заправить маслом и уксусом, выложить на блюдо и засыпать натертой брынзой. Украсить зеленью петрушки.

На 150 г стручкового перца 150 г помидоров и 100 г огурцов (свежих или консервированных), луковица, 120 г брынзы, 40 г растительного масла, ложка уксуса, соль, перец, зелень по вкусу.

СЛОЕННЫЙ ПИРОГ С БРЫНЗОЙ

Раскатать тонкую полосу теста длиной 30 см и шириной 15 см, посыпать тертой брынзой, смешанной с сырым яйцом, свернуть в трубочку, а потом завернуть ее спирально. Смазать яйцом и печь в горячей духовке на смазанном маслом противне.

На 300 г слоеного теста: 120 г брынзы, 2 яйца, 20 г сливочного масла.

БАНИЦА—СЛОЕННЫЙ ПИРОГ

Приготовить тесто. Дать ему постоять, затем разделить на 9 равных частей. Тонкой лепешкой раскатать каждую часть, разложить их отдельно, чтобы подсохли. Затем каждую лепешку смазывать жиром и класть друг на друга, перекладывая слоем начинки, в форму, предварительно смазанную жиром. Выпекать в умеренно нагретой духовке. Готовую баницу сбрызнуть водой и накрыть салфеткой.

Баницу делают с самыми разнообразными начинками: из сладкого и соленого творога, брынзы с добавлением зелени, мяса, овощей (кабачков, баклажанов, помидоров), яблок и так далее.

Для теста: 200 г муки, ложка растопленного масла, $\frac{1}{2}$ чайной ложки столового уксуса, щепотка соли, 3—4 столовые ложки теплой воды, 125 г растопленного сливочного масла или маргарина для смазки.

Для начинки из творога: 400—500 г творога, 2—3 яйца, 2 столовые ложки меда, 3—4 ложки сахара, 50 г масла или маргарина, щепотка соли, измельченная цедра одного лимона. Растерев творог, смешать его со взбитыми яйцами, добавить растопленное масло, подогретый мед, сахар, соль, цедру.

ПЛАКЯ РЫБНАЯ

Рыбу нарезать на порции, сверху уложить ломтики лимона или помидоров и залить соусом. Для этого лук, нарезанный кольцами, тушить вместе с измельченным чесноком в растительном масле, пока не станет мягким и прозрачным. Прибавить столовую ложку разведенного томата-пюре, черный перец горошком, лавровый лист. Залить горячей водой, довести до кипения, затем перелить в противень или другую посуду с рыбой.

Запекать в духовке. Подавать в холодном виде.

На 1 кг рыбы: 300 г лука, $\frac{3}{4}$ стакана подсолнечного масла, головка чеснока, столовая ложка томата-пюре, 15—20 горошинок перца, 1—2 лавровых листа, полтора стакана воды, лимон или помидор, соль, перец по вкусу.

ФАСОЛЬ ПО-ФРАКИЙСКИ

Фасоль, предварительно замоченную, отварить в небольшом количестве воды (посолить незадолго до того, как снять с огня), разложить по тарелкам, посыпать черным перцем и мелко нарезанной зеленью петрушки. Поджарить в растительном масле нарезанный ломтиками лук, добавить столовую ложку томата-пюре, немного рубленой зелени петрушки и разбавить небольшим количеством горячей воды. Как только закипит, снять с огня, залить разложенную по тарелкам фасоль. Можно есть в горячем и холодном виде, с соевыми.

На 400—500 г фасоли: 6—7 столовых ложек растительного масла, 3—4 луковички, столовая ложка муки, столовая ложка томата-пюре, 1—2 ложки воды, перец, соль, зелень.

ТАРАТОР (ХОЛОДНЫЙ СУП)

Кефир смешать с молоком или сметаной, прибавить соль и перец, толченый чеснок, мелко нарезанный огурец и укроп. Поставить на холод. Перед подачей можно добавить толченых орехов и зелень петрушки.

На 2 бутылки кефира: стакан молока (или сметаны), огурец, 3 дольки чеснока, перец, соль, горсть орехов, зелень укропа.

ЧОРБА ИЗ ФАСОЛИ (ГОРЯЧИЙ СУП)

Стручковую фасоль нарезать и варить до мягкости в подсоленной воде. Поджарить в масле мелко нарезанный зеленый или репчатый лук, добавить столовую ложку муки, чайную ложку красного сладкого перца (молотого), пассеровать. Затем положить в суп и варить на тихом огне 5—7 минут. Прежде чем снять с огня, добавить

в суп петрушку и укроп. Заправить уксусом и толченым чесноком.

На 500 г стручковой фасоли: 100 г масла, 2 л воды, лук, мука, перец, соль, зелень.

Чорбу из обычной фасоли готовить таким же способом, только фасоль замочить с вечера. Для этого супа лучше взять репчатый лук. Можно добавить грибы, перец сладкий и помидоры.

ЯХНИЯ ИЗ РЫБЫ

Нарезать на порции рыбу (лучше всего сом, карп, толстолобик, но годится и морская), посолить, поперчить. Лук нарезать кольцами, обжарить в растительном масле, добавить половину столовой ложки муки, еще пожарить. Развести томатным соком, посолить, варить на слабом огне 10—15 минут. Добавить горячей воды, чтобы получился не густой, но и не слишком жидкий соус, заправить зеленью, измельченным лавровым листом, залить этим соусом рыбу и варить на слабом огне 20—30 минут.

На 1 кг рыбы: 3—4 луковички, полстакана томатного сока, растительное масло, зелень, лавровый лист, соль и перец по вкусу.

МУССАКА

Мелко порубленный репчатый лук обжарить на сковороде в масле вместе с томатным пюре или кетчупом. Положить рубленое мясо, жарить 15—20 минут. Затем добавить мелко нарезанный картофель и помидоры. Продолжать жарить, пока картофель не станет мягким. Затем все выложить в противень с высокими бортами, добавить полстакана воды и запекать в горячей духовке, пока не выпарится вода. Смешать яйцо с молоком, мукой, оставшимся маслом, вылить в противень, равномерно распределив по поверхности, и запекать, пока не появится золотистая корочка.

На 200 г рубленого мяса: 50 г лука, 20 г томатной пасты или кетчупа, 100 г помидоров (свежих или консервированных), 200 г картофеля, 50 г муки, 2 яйца, 100 г сливочного масла (или маргарина), стакан молока, соль, перец.

Подготовил И. ГРУШЕВСКИЙ.

Невозможно успешно вести борьбу с пьянством, не снижая производство и продажу алкогольных напитков. Потери от массового потребления водки даже в материальном исчислении превышают «доходы» от ее продажи, так что борьба с алкоголизмом — дело очень рентабельное.

Жизнь диктует необходимость решительного наступления на пьянство. Думается, пора ввести строгие нормы продажи водки населению. Может быть, продавать ее по талонам. В аптеках лекарства, содержащие спиртовые растворы, продают по рецептам врачей, а вот водку может в любом количестве купить каждый, даже подросток.

В. КАЦНЬЕЛЬСОН

г. Челябинск.

Наш клуб называется «Радуга». Он объединяет всех врагов спиртного — и мужчин и женщин. Это и рабочие, и люди с высшим образованием, и молодежь, и старые. Те, кто никогда не брал в рот спиртного, и те, кто достаточно натерпелся в жизни от этой пагубной страсти. Всего нас 45 человек.

Все началось с того, что группа энтузиастов, бывшие пациенты врача-нарколога Альберта Дмитриевича Неуштова, и их близкие, стали собираться в диспансере, а затем во Дворце железнодорожников. Была создана агитбригада. С помощью работников клуба поставили спектакль «Суд над зеленым змием», который пользовался в городе большим успехом.

Осенью 1977 года доклад А. Д. Неуштова о работе клуба был заслушан на заседании облсовпрофа. Опыт клуба одобрили, рекомендовали для внедрения. Филиалы нашей «Радуги» появились во Дворцах культуры заводов «Красное Сормово» и «Красная Этна».

Собрания у нас проходят регулярно, по определенной программе. Вместе мы собираемся и по праздникам. И всегда это бывает интересно — с танцами, с весельем, но без вина.

Н. САЛОВА

г. Горький.

Получены ответы на заметки, опубликованные в «Персолии» (№9, 1979 г.), под заголовком «Улита едет». Заместитель начальника главного почтового управления Министерства связи СССР т. Корнеев сообщил, что проведена проверка по жалобе А. Софрыгиной. Установлено, что посылка исчезла на Тюменском почтамте. Виночные, не обеспечившие ее сохранность, наказаны. За их счет Софрыгиной возмещен ущерб в размере объявленной ценности посылки и тарифной платы за ее пересылку. Для установления виновных в хищении и привлечения их к уголовной ответственности материал проверки передан в следственные органы г. Тюмени. Инструктору Каменск-Уральского узла связи т. Грековой, допустившей волокиту в разрешении жалобы А. Софрыгиной, объявлен выговор.

Аналогичное расследование проведено и по жалобе Т. Бабкиной. Выяснилось, что посылка, отправленная ей из Цхалтубо в Белово, повреждена на Тбилиском железнодорожном почтамте. Отправителю Н. Каркашадзе выслано возмещение в размере объявленной ценности и тарифной платы. Виновные строго наказаны.

Факты
«персолили»
Гр. Пруслин
и Н. Федорова

ОКНО
ВЫДАЧИ

ИЗ КОПИЛКИ МОДЫ

Вроде бы незаметно, исподволь рождается новая мода. В один прекрасный день появляются на улицах по-другому одетые люди. Силуэт, пропорции — именно этим мода в первую очередь заявляет о себе. Приглядевшись, обнаруживаешь, что есть и другие различия: отдельные характерные черточки, мелкие детали. В новой моде особенно интересны эти «изюминки», именно здесь открывается простор для проявления собственных симпатий и вкуса.

● Как долго все мы увлекались строгими английскими воротниками с длинными, острыми углами. Может быть, именно поэтому таким привлекательным кажется теперь маленький воротничок, который предпочла мода в современном костюме. Он почти незаметен, скромнен, зато рядом с ним другие детали выделяются четко, выходят на первый план.

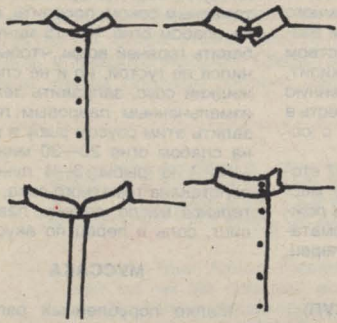
Так какой же он, модный воротничок?

Отложной, с прямыми или закругленными уголками, иногда похож на миниатюрную шальку.

Крохотная стойка, мягкая или полужесткая, уголки плавно срезаны, чуть закруглены. Важная особенность: воротник-стойка должен отходить от шеи, поэтому передний шов, соединяющий воротник с полочкой, приходится на ключицы.

Популярны двусторонние воротники из тканей разных цветов.

Что касается вырезов, самые модные — круглые, овалом вытянутые спереди. Моден и U-образный вырез. В этом случае горловина оформляется отложным, но не длинным воротником или стойкой, которая спереди переходит в узкие отвороты.

● Большой неожиданностью для многих стало появление подставных плечиков. Мы уже писали об этом в № 11 за прошлый год, рассказывали, как сделать подплечики из поролона, ваты, синтетической ваты. Чаще всего их делают в виде треугольника, вершина которого обращена к шее, а углы оснований чуть стянуты, чтобы образовалась арка.

Возможен и другой вариант: с изнанки притачивается плотная прокладка, которая с лицевой стороны платья или блузы многократно прострачивается так, чтобы по плечу образовался рисунок — от простой сетки или ромбов до сложного орнамента, — это дает дополнительный декоративный эффект. Или же тщательно отделанные плечики-козырьки накладываются по плечам сверху, прямо с лицевой стороны платья.

Подчеркивают линию плеч и расширяют их всевозможные сборки — «соты», «вафли», «буфы», которые располагаются на маленькой кокетке, напоминающей погон. Как они делаются, рассказывалось в «Работнице» № 9 за прошлый год.

● Меняется линия плеча, по-иному оформляется ворот — и вот уже рукав, подчиняясь этим преобразованиям, приобретает иные объемы и очертания. Головка его теперь наполнена, объемна, но не слишком высока, верхняя часть свободная, широкая. Рекомендуются такие, например, варианты.

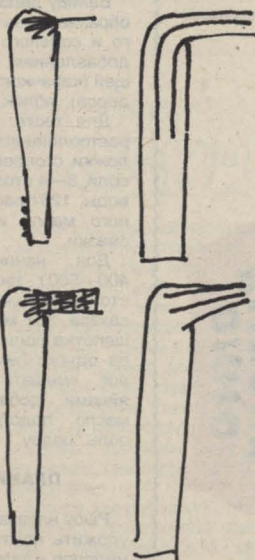
Широкую плечевую часть рукава — реглан набирают буфами, отчего она становится более плотной, а головка рукава приподнимается.

Объемная, прямая, граненая головка у втачного рукава образуется за счет врезанной прямоугольной детали вдоль его оката. Такой рукав не требует посадки при втачке, что особенно удобно, когда ткань толстая, плотная.

Или рукав с забавным названием «окорок»: широкий в верхней части, а к локтю постепенно сужающийся. Он хорошо получается из легких, тонких тканей. Возможен и реглан-погон, с длинными защипами, застроченными с изнанки, проходящими вдоль плеч и спускающимися книзу.

Все чаще рукава кроются по косой нити. Они могут быть и совсем узкими, по руке, или прямыми, свободными.

У запястья рукав нередко заканчивается не манжетой, как раньше, а застежкой на мелкие пуговицы.

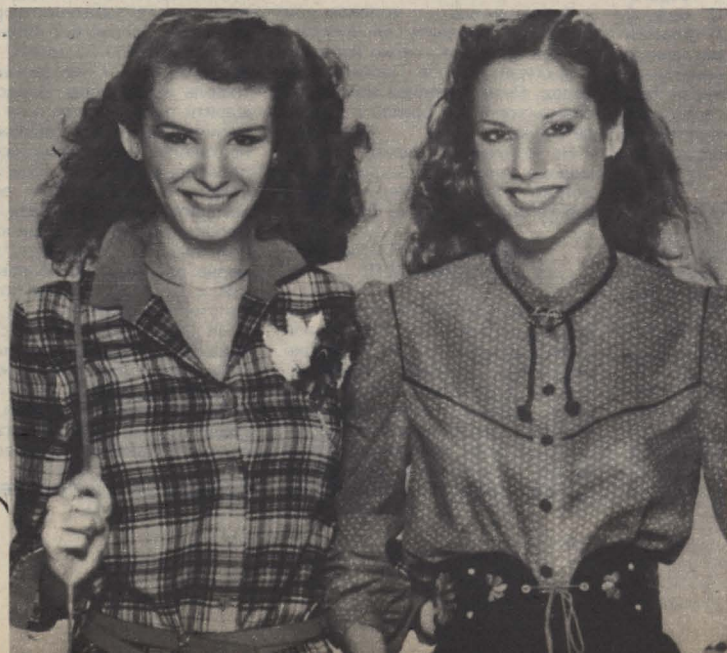

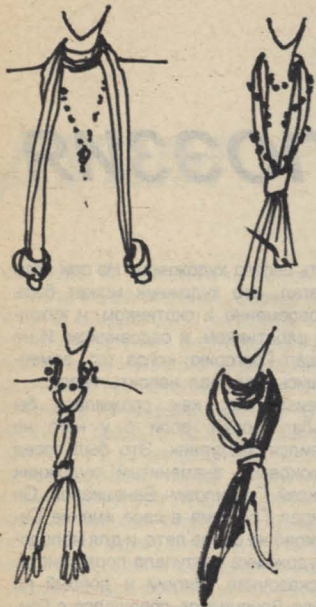
● Среди последних предложений моды — очень длинный пояс. Он несколько раз обертывается вокруг талии, а концы его завязываются узлом или бантом спереди, сбоку. Такой пояс делают из двух разных тканей.

● Брюки заметно сузились книзу, ширина их порой достигает минимума — 20 см, поэтому по шву нередко делают разрезы. Для стройных женщин предлагают брюки, более объемные в верхней части. Это достигается за счет складок и сборок. Брюки шьются с поясом — широким или узким, к нему пришивают шлевки, чтобы можно было носить ремень или несколько узких ремешков. Карманы, как правило, делаются вместе с подкройными боками.

Конечно, очень узкие брюки хороши для молодых. Всем остальным рекомендуем ширину 22—24 см, как на выкройках, которые даны в приложении к этому номеру. После 48-го размера вообще советуем носить не суженные, а прямые брюки.

● Косынки, платки и шарфы очень оживляют костюм, поэтому, видимо, и не выйдут из моды. Только вот носят их теперь несколько иначе.

Длинный шарф, мягкий, тянущийся, из трикотажа или вязаный, надевают, закинув концы назад, а потом перебросив их на грудь и завязав.

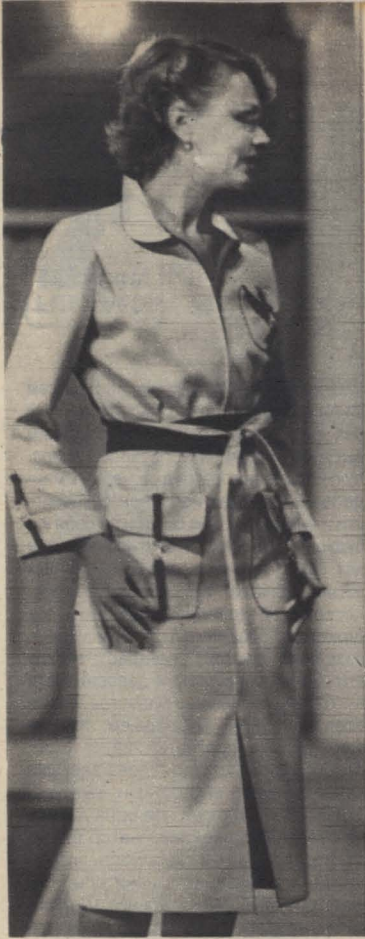
Если одежда без воротника, шарф несколько раз обматывают вокруг шеи, оставляя спереди короткие концы. Их утяжеляют узлами, делая по два-три подряд.

Если шарф из ткани платья или блузы, концы его убирают в вырез или носят как галстук, под воротником. Маленькие платки и косынки завязывают «под горло» и поворачивают узлом в сторону. Большие накидывают на плечи, высвободив воротник, и концы завязывают на груди или сзади, чуть выше талии (как шаль).

Вновь модны кашне из тонкого сукна, фланели. Их носят, не завязывая, под воротником и отворотами пальто, жилетов и шерстяных платьев.

И. АНДРЕЕВА

Рисунки И. КРУТИКОВОЙ

Показывает
Общесоюзный
дом
моделей
одежды.

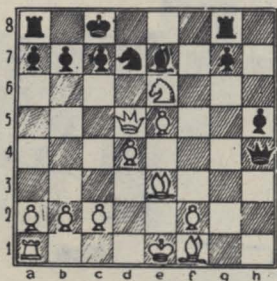
Отдел ведет международный арбитр,
заслуженный тренер РСФСР,
председатель женской комиссии
Шахматной федерации СССР В. Н. ТИХОМИРОВА.

Это вам, романтики!

Без сомнения, привлекательность игры в шахматы прежде всего в ее красоте, возможности подчас найти спасение в, казалось бы, безнадежном положении, вероятности проведения комбинаций, в корне меняющих ситуацию на доске.

Первые мастера древней игры были романтиками, они высоко ценили искусство комбинаций.

Вот взгляните хотя бы на такую позицию:

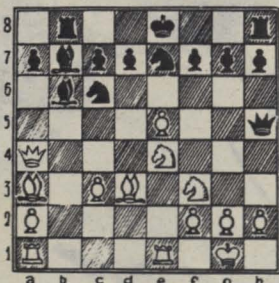

Игранный белыми первый из некоронованных чемпионов мира Франсуа Филидор не стал отыгрывать качество. Верный своей романтической натуре, он искал (и нашел!) отличную комбинацию, сразу изменившую ход борьбы.

17. Са6! Лб8 18. Фс6! Сd8 19. Сg5!, и черные сдались, так как после отхода его ферзя следует 20. С:d8, возобновляя угрозу мата на с7.

Неплохо, но ничего особенного, скажете вы. Но хочу подчеркнуть, что эта партия с Брюлем игралась в Лондоне в... 1789 году!

Из многих других примеров удивительной фантазии мастеров прошлого приведем окончание партии Андерсен — Дюфрэн (Берлин, 1852 год).

Немецкий шахматист мог бы сыграть просто 17. Кg3. Он же предпочел рассчитать комбинацию, которая и позволила позднее назвать эту партию «неувядаемая».

17. Кf6+ gf 18. ef Лg8 19. Лd1 Ф:f3. Кажется, черные уже контратакуют, но Андерсен только этого и ждал...

20. Л:e7+! К:e7 21. Ф:d7+!! Кр:d7 22. Сf5+ Кре8 23. Сd7+, и мат неизбежен. Редкий по красоте финал!

Когда хотя бы кого-то похвалить за прекрасную комбинацию, часто восклицают: «Сыграл, как Алехин!» Да, первый русский чемпион мира, по выражению знаменитого Капабланки, «вырос из комбинации и был буквально

во влюблен в нее...» Мы ограничимся лишь одним примером его раннего творчества.

Родзинский — Алехин, 1913 г.
1. e4 e5 2. Кf3 Кс6 3. Сс4 d6 4. c3 Сg4 5. Фb3 Фd7 6. Кg5 Kh6 7. С:f7+.

Этот ход встречает блестящее опровержение, которое не просто было пресмотреть.

7. ...К:f7 8. К:f7 Ф:f7 9. Ф:b7 Крd7! Начало решающей комбинации будущего чемпиона мира.

10. Ф:a8 Фс4! 11. f3 С:f3! 12. gf Кd4! Одну за другой черные жертвуют фигуры, угрожая матом на поле e2.

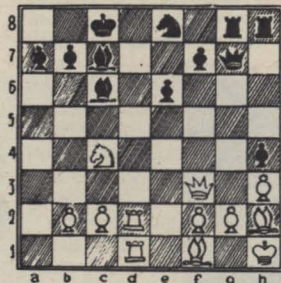
13. d3. (Не спасает и 13. cd Ф:c1+ 14. Кре2 Ф:h1, продолжая при материальном равенстве атаку).

13. ...Ф:d3 14. cd Се7! 15. Ф:h8 Ch4X.

Да, романтики не всегда были правы в своих «фантастических» замыслах на доске. Но слава им, упрямо доказывавшим, что миф о «ничейной смерти» шахмат нелеп.

Творческие воззрения лучших из них взяли на вооружение советские шахматисты и шахматистки, чьими усилиями создана сильнейшая в мире шахматная школа.

В качестве домашнего задания предлагаем вам найти комбинацию в позиции соратника и ученика Чигорина, одного из первых советских мастеров, Ф. Дуз-Хотимирского.

В позиции на диаграмме Дуз-Хотимирский, проводивший в Туле сеанс одновременной игры «вслепую», объявил белыми мат в 7 ходов.

ПОЭЗИЯ

С полотна смотрит на нас совсем юная девушка. Может быть, в первый раз она надела платье с глубоким вырезом, уложила волосы во «взрослую» прическу. Взгляд ее черных миндалевидных глаз исполнен серьезности и внимания. Она смотрит в себя и в будущее. На какое-то мгновение она как будто проникла в тайное тайных жизни, узнала ту радость и горе, которые ей доведется испытать. Художника поразили глаза этого юного создания, поразили контраст между выражением чистоты и доверчивости не тронутого жизнью существа и этим всепониманием, всезнанием. Художник пишет портреты на глухом, плоском фоне, оттого голова девушки кажется будто вырезанной, выступающей из этого фона. Ни одна деталь не отвлекает внимания. Автор считает, что строгость и скромность письма лучше подчеркнут значительность простого лица, значительность неброской, но так глубоко задевшей его красоты...

История не донесла до нас никаких фактов ни о характере, ни о судьбе этой девушки. Известно только, что изображена на полотне (его относят к 40-м годам прошлого века) Елизавета Николаевна Милокова, в замужестве Березина, дочь помещика Тверской губернии. По всей видимости, портрет был заказной. Ведь художник Григорий Сорока был крепостным помещика Милокова. Естественно предположить, что помещик захотел иметь портреты членов своего семейства, оказав этим желанием честь крепостному мастеру. Для Сороки это была не только честь, но и удовольствие, потому что он был прирожденным художником и жил только тогда, когда брался за кисть. Надо отдать должное Милоковой: заметив эту склонность в своем дворежном человеке, он поощрял ее, считая, что очень прибавит себе весу в обществе, если будет

иметь своего художника. Но при этом полагал, что художник может быть одновременно и скотником, и кухонным работником, и садовником. И не прощал Григорию, когда тот, замечтавшись, забывал напоить телят.

Неизвестно, как сложилась бы судьба Сороки, если б у него не появился заступник. Это был сосед Милоковых, знаменитый художник Алексей Гаврилович Венецианов. Он забирал Григорию в свое имение Сафонково на целое лето, и для молодого художника наступала пора поистине сказочная. Мягкий и добрый по натуре Венецианов обращался с Григорием с обычной для себя сердечностью. Если и делал какие-нибудь замечания, то касались они исключительно живописных опытов Сороки. Замечания эти ловились молодым художником с жадностью, он готов был учиться, не зная отдыха. А вечерами за столом в гостиной Венецианова собирались за вечерним чаем и беседой все домочадцы и ученики Венецианова. Большею частью ученики эти были из бедных сословий, они содержались художником за его счет. Наверное, никто из них в ту пору, включая самого Венецианова, не думал, что громче всех прославит его имя темноволосый юноша со светлыми блестящими глазами, неловко чувствующий себя в сюртуке с туго повязанным белым шейным платком, юноша, которого все называли не по фамилии, а по прозвищу — Сорока, хотя фамилия его по отцу была Савельев.

Венецианов приучал своих учеников правдиво отображать натуру, находить красоту в самых обыденных предметах, в простых людях, самых привычных пейзажах. Он не заставлял их бесконечно копировать гипсовые головы греческих богов и мудрецов, а приводил их на гумно или ток и просил писать как можно точнее,

Главный редактор В. Е. ВАВИЛИНА

Редакционная коллегия:
А. П. БИРЮКОВА, И. Г. ВОЛОБУЕНКО,
Д. Т. КАРАСЕВА, Е. В. КОНОНЕНКО,
М. И. РОЖНЕВА, З. Н. ТИМОФЕЕВА
(зам. главного редактора),
А. Г. ХРИПКОВА, Р. А. ЗЛЬДАРОВА.

Адрес редакции:
101458, ГСП, Москва,
Бумажный пр., 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:

промышленного — 250-11-72; международной жизни — 250-44-80; литературы и искусства, коммунистического воспитания — 250-12-30; семьи и быта, науки и атеистической пропаганды — 250-11-93; художественного оформления — 212-14-13; писем — 250-57-38; массовой работы — 250-44-80, зав. редакцией — 212-20-39.

Сдано в набор 23.11.79.
Подписано к печ. 17.12.79. А 01028.
Формат 60×90¹/₈. Глубокая печать.
Усл. печ. л. 5,43. Уч.-изд. л. 9,56.
Тираж 13 070 000 экз.
(1-й завод: 1—9961550 экз.).
Изд. № 217. Заказ № 1582.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

Оформление художника
Т. Р. ГОРЕЛОВОЙ.
Технический редактор
Н. И. МАКАРОВА.

На первой странице обложки: Плакат «Олимпиада-80». Художник Ядамсургин Уржинзэ (МНР).
В приложении к этому номеру: вязание оренбургского платка; выкройка женских брюк.

ДУШИ

правдивее, не забывая в то же время о «пиитической стороне». Сорока работал с каждым днем успешнее, наконец, потому, что наставления учителя отвечали самому существу его дарования, соответствовали его собственному пониманию красоты. Вот пишет он озеро, а на нем рыбаков. Один стоит в узкой долбленной лодке, одетый в белые порты и длинную рубаху, на голове темная шляпа с высокой тульей. Второй изображен стоящим на берегу спиной к зрителю. Замер с удочкой в ожидании клева. Гладкая поверхность воды, как зеркало, отражает деревья и дома на берегу озера, купол церкви и высокий обелиск какого-то памятника в парке. Все объято тишиной и безмятежным покоем. И это громадное, бесконечное небо над головой... Чем дальше вглядываешься в картину, тем яснее понимаешь, что это не просто красивый пейзаж—это мечта о свободной и счастливой жизни.

Все работы Сороки: и «Вид на плотину в имении Спасское», и «Вид озера Молдино», и «Кабинет в Островках»—роднит трепетное отношение художника к изображаемому. Его пейзажи не случайно называют «идиллическими»: о чем бы он ни писал, он писал о счастье и радости гармонического слияния с окружающей природой.

Творчество стало единственной отдушиной в его жизни, единственной возможностью самоутверждения. Вся бытовая, будничная сторона его жизни была безрадостной. И главное, что он не мог питать надежд на лучшее. Известно, что Венецианов ходатайствовал о Сороке перед Милюковым, просил дать ему вольную, отправить на учебу в Петербург. Но помещик не хотел расставаться со своим крепостным. Он посчитал, что, определив Сороку садовником и в то же время разрешив ему брать заказы на картины от соседних помещиков, он как нельзя лучше устроил его судьбу. Переживания же самого мастера мало беспокоили Милюкова. Совсем худо стало художнику, когда в 1847 году неожиданно умер Венецианов. Григорий лишился наставника, друга, лишился возможности бывать среди людей, которые отнеслись к нему как к равному. Но, как ни странно, на полотнах Сороки не нашли выражения чувства, которые мучили его,—ни следа душевного смятения, отчаяния, тоски. Когда он брался за кисть, он чувствовал себя только служителем прекрасного.

Из портретов кисти Сороки до нас дошли в основном изображения членов семьи Милюковых. Предельная верность натуре—вот основное, чем руководствуется художник, создавая образы людей, сыгравших роковую роль в его жизни. Он не поддается злему чувству, иначе, как ему кажется,

Г. СОРОКА. ПОРТРЕТ Е. Н. МИЛЮКОВОЙ.

ся, он предаст само искусство. Выразительны живые глаза старика Милюкова, погруженного в свои мысли, точно передан его сосредоточенный взгляд, брызгливо сложенные губы, морщинистые щеки. Мы угадываем, что портрет писался с большим напряжением.

А в портрете Елизаветы Николаевны все дышит свободой, все проникнуто радостной возможностью писать существо доброе и чистое. Она казалась сродни тому прекрасному миру, который возникал на полотнах художника. Однако, как мы уже говорили,

настораживает пристальный, обращенный в себя взгляд больших глаз Милюковой. Так не умеют смотреть дети, так смотрят люди, умудренные опытом и знанием жизни. Художник как будто понимал иллюзорность той «идиллии», которую создавал на своих полотнах, невозможность осуществления ее даже для таких милых и чистых душ...

Портрет Е. Н. Милюковой исследователи относят к числу лучших творений крепостного мастера. Портрет интересен не только сам по себе, но и тем, что приоткрывает для нас душев-

ные помыслы художника, о которых он не поведал никому.

Трагически оборвалась жизнь талантливого мастера. Уже после реформы 1861 года, защищая право крестьян на землю, Сорока составил в 1864 году жалобу на Милюкова и отправил ее к царю. Жалоба была возвращена в Тверь, и якобы за ложные слухи Сороку присудили к трехдневному аресту и наказанию плетью. Художник предпочел этому наказанию смерть.

Л. ОСИПОВА

И все же бывают открытия, меняющие самую суть ремесла. Таким открытием стали нетканые гобелены Тамары Керимовой.

Летом на каникулах Тамара хотела соткать гобелен — обычная студенческая работа, да вот нет под руками станка. Попробовала вязать крючком цепочки из остатков яркой шерстяной пряжи — они получились коротенькими, но что-то было красивое, заманчивое в этих рельефных шнурках: будь станок, можно соткать в гобелен! Тамара перебирала цветные цепочки, укладывала их и неожиданно поняла, что гобелен все же будет, — стоит только прикрепить эти цепочки к холсту в соответствии с задуманным рисунком. С азартом и вдохновенной

преподававшему у них композицию. Он всегда поощрял творческие искания учеников, поддержал и Тамару. Так диплом студентки стал экспериментальной работой, которая при защите получила одобрение.

Разные сюжеты привлекают художницу — от сказки до городского пейзажа. Мир представляется ей в солнечной яркости красок, и Тамара умеет передать его прелесть. В ее работах — ощущение радости и доброй щедрости жизни.

Нашим читателям, среди которых немало любителей рукоделия, очевидно, будет интересно узнать, как делает Тамара свои гобелены. Она рассказывает:

— Начинаю с эскиза. Хорошо полу-

Тамара

Автограф для РАБОТНИЦЫ

Не часто случаются открытия в традиционных рукодельных ремеслах. Можно вязать на спицах или пользоваться вязальной машиной, но неизменным остается принцип создания эластичного трикотажного полотна — нанизывание петель. И вышивальщица, исполняющая узор гладью или крестиком, использует приемы, известные еще сто лет назад. В технике ковричества все, казалось бы, тоже устоялось.

НЕТКАНОЕ ЧУДО

торопливостью делала она свой первый гобелен. Два забавных цыпленка. Яркие, веселые краски, как положено детскому коврику.

Показала работу подругам, тоже студенткам Московского технологического института коммунального и бытового обслуживания. Одобрили.

...Институтская жизнь шла своим чередом — изучали технологию производства ситцев и жаккардовых тканей, занимались росписью, сдавали зачеты, экзамены. Приближалась защита диплома. Тамара уже подготовила эскиз для росписи на ткани, назывался он «Сказка», и были на нем красно-золотая жар-птица, осанистый олень и маленький конек-горбунок.

Но она не спешила браться за работу, что-то мешало, заставляло отложить все на потом. Подруга посоветовала: а почему бы не сделать в новой технике и дипломный гобелен? Идея пришла Тамаре по душе. Она показала свои первые работы доценту Сергею Митрофановичу Темерину,

чаются в этой технике пейзажи, натюрморты. Подбираю шерстяную пряжу; если нужных цветов нет, крашу сама. Использую пряжу разной толщины, но с тонкими нитями труднее работать. Крючком вяжу цепочки и на ребро, вплотную друг к другу, выкладывая их по рисунку. Если бывают нужны переходные тона, в пряжу постепенно ввожу дополнительные нити. Цепочки прикрепляются к холсту или плотному картону. Если панно небольшое — резиновым клеем, на больших гобеленах — потайными стежками нитями того же цвета. Панно помещаю в рамку, под стекло. Но не только гобелены делаю в этой технике (своего особого названия она пока не имеет). Так оформляю подушки, украшаю одежду. Узор получается рельефным, его фактура своеобразна.

Тамара Керимова — художник Московского комбината прикладного искусства. Ее работы демонстрировались на выставке в Доме ученых.

Л. ОРЛОВА

Индекс 70770. Цена 15 копеек